ПУТЕШЕСТВІЕ,

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, спозѣвно,
и лаяй„

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно -- и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня -- душа моя, страданіями человѣчества уязвленна спала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою -- и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ неправо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя отполкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чув„ствованія -- и блаженъ буду.„ Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ уныія моего,

въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, что бы пропититься заблужденію; и ---- веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. -- Се мысль побудившая меня начертать что читать будешъ. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду коголибо; кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто сострадаетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?..... Почто почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другъ! ты близь моего сердца живешъ -- и имя твое да озаритъ сіе начало.

ВЫѢЗДЪ

Отужинавъ съ моими друзьями я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенїю своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытїя нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся; любовь или дружба стрегутъ его утѣшенїе. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращенїи твоемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ воображенїи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшїй надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущїй иногда въ будущемъ; блаженъ живущїй въ мѣчтанїи. Существо его усугубляется, веселїя множатся и спокойствїе упреждаетъ нахмурен-

ность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенїя. — Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ ушамъ призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состоянїе представила меня воображенїю моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю прїятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденїе, не было древесныя сѣни на умѣренїе зноя. Единъ, оставленъ, среди природы пустынникъ! Возтрепеталъ. — Нещастной возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалося все, что тѣбя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ прїятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мѣчта? — По щастїю моему случившаяся на дорогѣ рытьвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила —

Кибитка моя остановилась. Приподнялъ я голову. Вижу на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое спрашивалъ я у повощика моего? -- почтовой дворъ: -- да гдѣ мы? -- въ Софіи: и между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

СОФІЯ.

По всюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшей меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости. — Баринъ батюшка на водку. — Сборъ сей хотя не законной, но охотно всякой его платитъ, дабы не ѣхать по указу. — Двадцать копѣекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, генеральской, можетъ быть изключая, будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей со крестомъ.

Почтоваго комисара нашелъ я храпящаго: легонько взялъ его за плечо. — Кого чортъ давитъ? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью. Лошадей

нѣтъ; очень еще рано; взойди пожалуй въ трактиръ выпей чаю, или усни. Сказавъ сїе Г. комисаръ отворотился къ стенѣ и паки захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я комисара опять за плечо. -- Что за проспать, я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей; и обернувъ голову одѣяломъ Г. комисаръ отъ меня отворотился. Если лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то не справедливо, что я мѣшаю Комисару спать. А если лошади въ конюшнѣ..... Я вознамѣрился узнать, правду ли Г. комисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до двадцати; хотя правду сказать, кости унихъ были видны, но меня бы допащили до слѣдующаго стана. Изъ конюшни я опять возвратился къ комисару; потрясъ его гораздо по крѣпче. Казалося мнѣ, что я къ тому имѣлъ право, нашедъ, что комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ, и не продравъ еще глазъ

спрашивалъ кто пріѣхалъ не... но опомнившись увидя меня, сказалъ мнѣ, видно молодецъ ты обыкъ такъ обходится съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками; но нынѣ не прежняя пора. Со гнѣвомъ Г. комисаръ легъ спать въ постѣлю. Мнѣ его такъ же хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ приличались; но щедрость моя давая на водку городскому повощику побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ комисарской, зазвѣнелъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ доброй гражданинъ. И такъ двадцать мѣдныхъ копѣекъ, избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія; дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой запѣлнулъ пѣсню по обыкновенію

заунывную. Кто знаетъ голоса рускихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго. -- На семъ музыкальномъ разположенїи народнаго уха, умѣй учреждать бразды правленїя. Въ нихъ найдешъ образованїе души нашего народа. Посмотри на рускаго человѣка; найдешъ его задумчива. Если захочетъ разгнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселїи своемъ порывистъ, отважень, сварливъ. Если что либо случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву. -- Бурлакъ идущей въ кабакъ повѣся голову, и возвращающейся обагренной кровїю отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ Исторїи Россїиской.

Извощикъ мой поетъ. -- Третей былъ часъ по полуночи. Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его песня произвела опять во мнѣ сонъ. -- О природа объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденїи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. -- Уснулъ и все скончалось. -- Несносно пробужденїе нещастному. О сколь смерть для него пріятна. А естьли она конецъ скорби. -- Отче всеблагїй, не ужели отвратишъ взоры свои, отъ скончевающаго бѣдственное житїе свое мужественно. Тебѣ источнику всѣхъ благъ, приносится сїя жертва. Ты единъ даешъ крѣпость когда естество трепещетъ, содрогается. Се гласъ Отчїй взывающїй къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю, на земли она стала уже безполезна.

ТОСНА.

Поѣхавши изъ Петербурга я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ Государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля насыпанная на дорогѣ, здѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и здѣлала ее не проходимую ..... Обезпокоенъ дурною дорогою, я вставъ изъ кибитки вошелъ въ почтовую избу, въ намѣренїи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я проѣзжающаго, которой сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комисара, что бы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ? узналъ я, что по

былъ стараго покрою стряпчей, ѣдущей въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которые онъ тогда разбиралъ. Я немъдля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бѣседа: Милостливый Государь! Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ при разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу Посильными моими трудами я собралъ родословную на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ. Я докажу Княжеское или благородное ихъ произхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю не рѣдкаго въ Княжеское достоинство, показавъ отъ Владимира Мономаха или отъ самаго Рюрика его произхожденіе. Милостивый государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумагъ. все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни

за какой товаръ не платятъ. Но съ дозволенїя вашего высокородїя, благородїя или высокоблагородїя, невѣдаю какъ честь ваша, они не знаютъ что имъ нужно. Извѣстно вамъ сколько блаженныя памяти благовѣрный Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, Россїйское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сїе строгое законоположенїе поставило многїя честныя Княжескїя и Царскїя роды на ровнѣ съ Новогородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же Государь Императоръ Петръ Великїй со всемъ привелъ ихъ въ забвенїе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ приобретенїю дворянскаго титла, и древнее дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ Всемилостивѣйшее Царствующая Наша Мать, утвердила прежнїе Указы Высочайшимъ о дворянствѣ положенїемъ, которое было всѣхъ степен-

ныхъ нашихъ востревожило, ибо древнїе роды поставлены въ дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненїе вскорѣ изданъ будетъ Указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденїе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ милостивѣйшїй государь! трудъ мой долженъ весма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулся я въ компанїю молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностїю ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вмѣсто блягопрїятства попалъ въ посмѣянїе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣще-

нїя. Сказавъ сїе поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись прямо, споялъ передомною съ величайшимъ благоговѣнїемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька..... и давъ ему совѣтовалъ, что пріѣхавъ въ Петербургъ онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обвертки; ибо мнимое Маркизство скружитъ можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденїю изстребленнаго въ Россїи зла, хвастовства древнїя породы.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ. Не рѣдко то бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ а возвращаются на тѣлегахъ. — Лѣтомъ. — Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пешкомъ. Лежа въ кибиткѣ мысли мои обращены были въ неизмѣримость мїра. Отдѣляясь душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражненїя духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненїя боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. — Перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу. — Сего дня праздникъ. —

Пашущей крестьянинъ принадлежитъ конечно помѣщику, которой оброку съ него не беретъ. -- Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. -- Нива, конечно не господская. -- Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостїю. -- Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не останавливаясь доканчивалъ зачатую борозду. -- Богъ въ помощь, повторилъ я. -- Спасибо баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, опрягая сошникъ и перенося соху на новую борозду. -- Ты конечно раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ баринъ я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенныя три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. -- Развѣ тѣбѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешъ да еще и въ самой жаръ. -- Въ недѣлѣ то баринъ шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ

на барщину; да подъ вечеромъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ, крестяся, чтобъ подъ вечеръ, сего дня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они, того же у Господа молятъ. — У меня мой другъ мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Перьвинькому то десятой годокъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? — Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ; а какъ ета устанетъ, возмусь за другую; дѣло то и споро. — Такъ ли ты работаешь на господина своего. — Нѣтъ баринъ грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ

сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ, для семи ртовъ, самъ ты щетъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать, деревни какъ то называется, на аренду. А мы называемъ его отдавать головой. Голой наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ неоставляетъ. Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни къ работу въ городъ; все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. На дурнаго прикащика хотя можно по-

жаловаться, а на наемника кому? -- Другъ мой ты ошибаешся, мучить людей законы запрещаютъ. -- Мучить? Правда; но небось баринъ, не захочешь въ мою кожу. -- Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и начавъ новою борозду со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ не равенство крестьянскаго состоянїя. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другїе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другїе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другїе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ.--Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сїя мысль всю кровь во мнѣ возпалила. -- Спра-

шись помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу твое осужденїе. -- Углубленный въ сихъ размышленїяхъ я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, которой сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ протекающїй кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ нудилъ его разспростираться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешся на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешъ. Какое преступленїе сдѣлалъ бѣдной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешъ пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствїй, величайшимъ даромъ природы нещастному, сномъ. -- Онъ получаетъ плашу, сытъ, одѣтъ, ни когда

я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. (О умѣренной человѣкъ!) -- и ты думаешъ, что кусокъ хлѣба, и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и темъ ты только хвастаешъ, что не часто подсѣкаешъ его въ его вертѣнїи. Вѣдаешъ ли, что въ первенспівенномъ уложенїи, въ сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю тотъ и меня ударить можетъ. -- Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его поцечинѣ. О есть ли бы онъ тогда. хотя пьяной опомнился, и тѣбѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! -- А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? -- Законъ -- Законъ? И ты смѣешъ поносить сїе священное имя? Нещастный.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ таковомъ положенїи почтовые клячи допащили меня до слѣдующаго стана.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч.... Я его оставилъ въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое произшествіе побудило человѣка нраву крутаго, какъ то былъ мой пріятель, удалиться изъ Петербурга и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Но желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштатъ и на Систербекъ, гдѣ сказывали мнѣ, въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштатѣ прожилъ я два дни съ

великимъ удовольствїемъ, насыщаяся зрѣнїемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштатской, и строенїй стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштату плана, и съ удовольствїемъ предъусматривалъ красоту намѣреваемаго строенїя; словомъ, второй день пребыванїя моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая и воздухъ благоразствореной вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы, и насладиться еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденїя солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12 ти весельную шлюбку, и отправился на С.....

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностїю своею, возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣнїе, едвали воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображенїе преселяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амаѳонта. Внезапу острый свистъ, возникающаго въ дали вѣтра, разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ, представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденїемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканїю валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтръ усили-

ваяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густопы непрозрачныхъ облаковъ, совсемъ померкло. Сильное стремленіе валовъ опнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, опнимало у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носилися на удачу. Тогда и берега начали боятся; тогда и то, что бы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей часъ казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не разспростирала ужаснаго своего величества, свѣркая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла, и мы елико намъ возможно было ободряли другъ друга.

Носимые валами, внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы совокупно употребленныя, не были въ состоянїи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно сполло. Упражняясь въ сведенїи нашего судна съ мѣли, какъ то мы думали, мы непримѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти со всѣмъ утихъ. Небо по малу очистилося отъ запиравшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принесть намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положенїе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась; но потрязла между двухъ большихъ камней, и что не было ни какихъ силъ для ея избавленїя оттуда невредимо. Вообрази мой другъ наше положенїе, все что я ни скажу, все слабо будетъ въ отношенїи моего чувствїя. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенїю, то слабы еще

были бы онѣ для произведенїя въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованїямъ, какїя въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной замыкающей заливъ до С..... простирающїйся. Мы находилися отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленїемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинаетъ и отверзается вѣчность, низпадаютъ тогда всѣ степени, мнѣнїемъ между человѣковъ воздвигнутые. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянїя, и помышляли о спасенїи нашемъ отливая воду какъ кому споручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо, толико во мгновенїе паки накоплялося. Къ крайнему сер-

децъ нашихъ сокрушенїю ни въ дали ни въ близи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаянїе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ нами участи. Наконецъ судна нашего правитель, болѣе нежели всѣ другїе къ опасностямъ морскихъ произшествїй обыкшїй, взиравшїй по неволѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно, въ разныхъ морскихъ сраженїяхъ въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ; рѣшился или насъ спасти спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣренїи: ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышедъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень направилъ шествїе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Съ начала продолжалъ онъ шествїе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень; переходя

воду, гдѣ она была мелка, переплывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его неспускали. Наконецъ увидѣли, что силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаяся почасту, и садяся на камень для отдохновенїя. Казалося намъ, что онъ находился иногда въ размышленїи и нерѣшимости о продолженїи пути своего. Сїе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающа въ достиженїи берега; или достигнуть онаго, если первому въ томъ будетъ неудача. Взоры наши стремилися во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненїи была нелицемѣрна. Наконецъ послѣдней изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденїи, безъ чуда, морскїя пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго со всѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннїя каждаго движенїя, заклепанныя такъ сказать ужасомъ, начали являться при изчезанїи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нашъ возрастая въ опливанїи оной утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенїя рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкїя души и чувствовавшїй долго можетъ быть тягость удручительныя неволи, рыдалъ орошая слѣзами своими скамью, на которой ницъ разпростертъ лежалъ. Иной воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питалися его трудами. Каково было моей души положенїе, мой другъ самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилѣжно молился Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянїю; ибо судно наше болѣе по-

ловины водою нашекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы выпыти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и скрытіе другаго изъ виду, представляло намъ опасность перехода, болѣе можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близъ противоположеннаго берега, въ разстояніи отъ насъ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя казалося, двигалися. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося, помалу увеличивалось; на конецъ приближаяся предспавило ясно взорамъ нашимъ, два малыя судна прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ свѣту совсемъ неприступной, вдругъ отверзается

дверь, и лучь дѣнный влѣтѣвъ стремительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, разспростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ; тако увидѣвъ суда, лучь надежды ко спасенїю, протекъ наши души. Отчаянїе превратилося въ восторгъ, горесть въ восклицанїе, и опасно было, что бы радостныя тѣлодвиженїя и плесканїя не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житїя возвращаяся въ сердца, возбудила паки мысли о различїи состоянїи, въ опасности уснувшїя. Сїе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованїе во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большїя рыбачьи лодки къ намъ приближающїяся, и при настиженїи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, которой прошедъ каменною грядою до берега, сыскалъ сїи лодки для нашего извле-

ченїя изъ явной гибели. Мы немешкавъ ни мало вышли изъ нашего судна и поплыли въ прїѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, которой на ономъ около семи часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилося со всемъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенїя, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее.

Я оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желанїе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъестественныя: но саженъ за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасенїи и моей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камени, вспрянувъ съ новою бодростїю, и неотдыхая болѣе доползъ, такъ сказать,

до берега. Тутъ я растянулся на травѣ, и отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С...., что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но воспоминая о васъ добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я ненашелъ ни вдоль берега ни въ самомъ С.... никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что нигдѣ и:можно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Разказавъ ему коротко за чемъ я пришелъ, и ваше положеніе, просилъ его что бы онъ разбудилъ Г...., которой тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой, я не смѣю. — Какъ; ты несмѣешъ? Когда двадцать человѣкъ тонутъ, ты не

смѣешъ разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты бездѣльникъ лжешъ, я самъ пойду.... Г. сержантъ взявъ меня за плечо неочень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я нелопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о моей обидѣ и о жестокосердїи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстоянїемъ, отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущїе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ ѣздя по заливу собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и неошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сїи двѣ не большїя лодки и радость теперь моя несказанна; вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сїе Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна я палъ на колѣни, возвелъ руки на не-

бо. -- Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытанїе, да будетъ воля Твоя -- Се слабое мое другъ изображенїе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновенїе, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность. Теперь чувствую; часъ бьетъ; я мертвъ; движенїе, жизнь, чувствїе, мысль, все изчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ на краю гроба, не почувствуешъ ли корчущей мразъ лїющїйся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающїй. О мой другъ! -- Но я удалился отъ моего повѣствованїя.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя совершалося такое безчеловѣчїе! Я воспомянулъ

о заключенныхъ Агличанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба. (*)

(*) Агличане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калькуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своимъ малоимѣніемъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оной взялъ. Аглинскихъ военноплѣнныхъ, велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсушки издохли. Осталося отъ нихъ только двадцать три человѣка. Нещастные сіи суливали стражѣ великія дѣньги, да возвѣститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стенаніе, возвѣщало о томъ народу о нихъ соболѣзнующему; но никто нехотѣлъ возвѣстить о томъ власителю. Почиваетъ онъ, отвѣтствованно умирающимъ Агличанамъ; и ни единъ человѣкъ въ Бенгалѣ немнилъ что для спасенія жизни сна пятидесяти нещастныхъ, должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожъ такое мучитель? Или паче, чтожъ такое народъ обыкшій къ игу мучительства? Благоговѣніе или болязнь, тягчитъ его согбенна? Если

Воздохнулъ я во глубинѣ души. — Между тѣмъ дошли мы до С . . . . Я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоенїе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ; что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его, сказалъ, государь мой! Извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ двадцать человѣкъ, находились въ опасности потерять животъ свой

боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время ночи или въ часы дѣнныя. Если благоговѣнїе, то возможно человѣка возбудить на почитанїе содѣлателей его бѣдствїй; чудо возможное единому суевѣрїю. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости несмѣющаго его разбудить. Реналь Исторїя о Индїяхъ. Томъ II.

на водѣ, и требовали вашея помощи. Онъ мнѣ отвѣчалъ, съ наивеличайшею холодностїю, куря табакъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. -- Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества. -- Ты бы велѣлъ себя будить, молоткомъ по главѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай, мой другъ, какой его былъ отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнїя. -- Должность ли твоя людей убивать, скаредной человѣкъ; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь надъ другими!... Окончать не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Что дѣлалъ расположенїй, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминовенїемъ многихъ при-

мѣровъ, что мое мщенїе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ; смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, которой насъ принялъ съ великою радостїю, согрѣлъ насъ, накормилъ, далъ отдохновенїе. Мы пробыли унего цѣлыя сутки, пользуясь его гостепрїимствомъ и угощенїемъ. На другой день нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и другому. Всѣ сочувствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердїе начальника, никто незахотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убицею. -- Но въ должности ему непредписано васъ спасать, сказалъ нѣкто. -- Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки. Не въѣду николи въ сїе жилище тигровъ. Единое ихъ веселїе грызть другъ

друга; отрада ихъ, томитъ слабаго до издыханія, и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ мой другъ, говорилъ мой повѣствователь вскочивъ со стула, заѣду туда, куда люди неходятъ, гдѣ незнаютъ что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости; -- сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

Я въ слѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почиповомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ, связи его неразрушатъ; какъ дробинка падая въ пространство моря, неможетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: когда бы я малая дробинка пошелъ на дно, то бы конечно на Финскомъ заливѣ бури несдѣлалось, а я бы пошелъ жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною легъ въ свою кибитку, и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занесъ, что бы влѣзть въ кибитку; какъ вдругъ дождь пошелъ. — Бѣда невелика размышлялъ я; закро-

юсь цѣновкою и буду сухъ. Но елва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролътѣла, то какъ будто меня окунули въ прорубь. Небо неспросясь со мною разверзло облако и дождь лилъ ведромъ -- Съ погодою несладишь; по пословицѣ пише ѣдешь далѣ будешь -- вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была непуховая, долго нѣжится непозволила. Проснувшись услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. -- Ну мужъ, раскажитка, говорилъ женской голосъ. -- Слушай жена. --

Жилъ былъ; -- и подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая отто

сна; повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловей разбойникъ. -- Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь коли хочешь. Но то правда что встарину силы тѣлесныя были въ уваженїи. и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай мать моя истолкователей Русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчїя своего ради. -- Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ то Государевъ Намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы, и былъ до нихъ великой охотникъ. Пока денжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздержирался, ѣдалъ по десятку и то когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда много стало у него

денегъ своихъ, много и казенныхъ въ разпоряженїи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становяпся мучениками. Но вочто бы то ни стало а устерсы ѣсть будетъ. -- Въ правленїе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немѣдленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесенїями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись а прогоны выдавай. На казенныя денешки дыръ много. Гонецъ снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ Его Высокопревосходительство. -- Поспѣшай мой другъ вѣщаетъ ему унизанной Орденами, поспѣшай, возми сей пакетъ, отдай его въ большой морской. -- Кому прикажите -- прочти адресъ -- его... его...

-- не такъ читаешъ -- государю моему гос . . . -- врёошъ . . . господину Корзинкину, почтенному лавошнику, въ С. Петербургѣ въ большой морской. -- Знаю Ваше Высокопревосходительство. -- Ступай же мой другъ и какъ скоро получишъ, то возвращайся поспѣшно к ни мало не мѣдли; я тебѣ скажу спасибо неодно.

И ну ну ну, ну ну ну; по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ. -- Добро пожаловать. Куды какой Его Высокопревосходительство запѣйникъ, изъ за тысячи верстъ, шлетъ за какою дрянью. Только баринъ доброй. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишь съ биржи. Скажи немеиьше сто пятидесяти бочка, уступить нельзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостію сочтемся. -- Бочку взвалили въ кибитку; поворотя оглобли курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь

зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тинь тинь.... Едва угородскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика; караульной Офицеръ бѣжитъ уже къ Намѣстнику, (шоли дѣло какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Неуспѣлъ выговорить, какъ шастъ курьеръ въ двери. — Привезъ Ваше Высокопревосходительство. — Очень къ спатѣ; (оборотясь къ предстоящимъ:) Право человѣкъ достойной, исправенъ и непьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнить немогу. Секретарь пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ. — — —

Въ расходной книгѣ у Казначея записано: по предложенію Его Высоко-

превосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному въ С: П: съ наинужнѣйшими доносеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ екстраординарной суммы . . . . . Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами нецахнетъ.

По представленію Господина Генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. Прапорщикомъ. ---- Вотъ жена, говорилъ муской голосъ какъ добиваюпся въ чины а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, неподамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалуетъ а псарь нежалуетъ. Такъ по нашъ Г. Казначей; уже другой разъ по его представленію меня отсылаютъ въ уголовную палату. Когда бы я съ нимъ былъ заодно, то бы было нежитье а масленица -- И .. полно Клемешьичь пустяки то молоть. Знаешъ ли за что онъ тебя нелюбитъ, за то что ты про-

мѣнѣ берешѣ со всѣхѣ а сѣ нимѣ не дѣлишся. -- Потише Кузминична, потише; не равно кто подслушаетѣ. -- Оба голоса умолкли и я опять заснулѣ.

Поутру узналѣ я что вѣ одной избѣ со мною, ночевалѣ присяжной сѣ женою, которые до свѣта отправились вѣ Новгородѣ.

Между тѣмѣ какѣ вѣ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка тройкою запряженная. Изѣ нее вышелѣ человѣкѣ закутанной вѣ большую япанчу, и шляпа сѣ разпущенными полями глубока надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть его лице. Онѣ требовалѣ лошадей безѣ подорожной; и какѣ многіе повозчики окруживѣ его сѣ нимѣ торговались, то онѣ недожидаясь конца ихѣ спора, сказалѣ одному изѣ нихѣ сѣ нетерпѣніемѣ: запрягай поскорѣй, я дамѣ по четыре копѣйки на версту. Ямщикѣ побѣжалѣ за лошадьми. Другіе видя, что дого-

вариваться уже было неочемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошедъ комнѣ и неснимая шляпы сказалъ; милостивый государь снабдите чемъ ниесть человѣка нещастнаго. Меня сїе удивило чрезмѣрно, и я немогъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь прозбѣ его о вспоможенїи, когда онъ нехотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ прошивъ другихъ въ двое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу поперечнаго вамъ ничего невстрѣчалося. Столь твердой отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я немедля ни мало вынувъ изъ кошелька ..... неосудите, сказалъ, болѣе теперь вамъ служить немогу, но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что нибудь больше. Намѣренїе мое присемъ было то, что бы сдѣлать его чистосердѣчнымъ; я и не

ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращенїе свѣта и снисканїе собственной пользы незатворили входъ ея въ ваше сердце. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ лошади наши были впряжены, я исполнилъ его желанїе -- и мы ѣдемъ.

Ахъ государь мой, немогу себѣ представить, что я нещастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствїи, недостатка нечувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося; ибо домъ мой всякой день былъ полонъ, людьми заслужившими уже знаки почестей; столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславїе толикое имѣло удовлѣпвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпрїятїяхъ,

и неудачахъ наконецъ получилъ я въ жену, ту которую желалъ. Взаимная наша горячность услаждая и чувства и душу, все предспавляла намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенїя. Все сїе блаженство, опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновенїемъ.

У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись, насыщали праздной свой голодъ на мой щетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, которой внутренно меня нелюбилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса но довольно громко, что бы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Не ужели вы незнаете, что дѣло нашего хозяина въ уголовной палатѣ уже рѣшено. —

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, что бы человѣкъ неслужащей и въ положенїи мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло прошедъ нижнїе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ; пуская капиталъ мой въ обращенїе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, которой лично попавшись въ преступленїи, былъ отъ откупу отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался по видимому нанемъ большей начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ и начетъ положено взыскать съ меня. Я сдѣлавъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы небыло или бы былъ очень малой, и для того просилъ, что бы сдѣлали разщетъ со

мною; ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто того, что бы сдѣлать должное по моему прошенїю удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудїе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время какъ я сдѣлался въ откупу порукою, имѣнїя за мною ни какого небыло, но по обыкновенїю послано было запрещенїе на имѣнїе мое въ гражданскую палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего несуществуетъ въ имѣнїи! Послѣ того купилъ я домъ, и другїя сдѣлалъ пріобрѣтенїя. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званїя въ званїе дворянское получа чинъ. Наблюдая свою пользу я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же палатѣ, гдѣ существовало запрещенїе. Сїе поставлено мнѣ въ преступленїе; ибо были люди которыхъ удовольствїе по-

мрачалось, блаженствомъ моего житія. Стряпчей казенныхъ дѣлъ, сдѣлалъ на меня доносъ, что я избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ гражданскую палату назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе неможетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что покрайнѣй мѣрѣ надлежало бы сперьва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сей продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего неутаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступокъ лишить чиновъ, -- и требуютъ теперь говорилъ повѣствователь хозяина здѣшняго въ судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сïе послѣднее повѣствуя, разсказывающïй возвысилъ свои голосъ. Жена моя едва сïе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ мой другъ и я съ тобою. -- Болѣе выговорить немогла. Члены ея всѣ ослабѣли и она упала безчувственна въ мои объятïя. Я поднявъ ее со стула вынесъ въ спальную комнату и невѣдаю какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себя она почувствовала муки, близкое рожденïе плода горячности нашей возвѣщающïя. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображенïе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сïе нещастное приключенïе ускорило рожденïе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и Доктора для пособïя призванныхъ, были тщетны и немогли воспрепишь, что бы жена моя не родила чрезъ сутки. Движенïя ея души нетокмо съ

рожденїемъ младенца неуспокоились, но усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку. -- По что распространяться мнѣ въ повѣствованїи? Жена моя на третїй день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ея страданїе, можете повѣрить, что я ее неоставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденїе, въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, недозрѣлой плодъ нашея горячности, такъ же умеръ. Болѣзнь матери его, занимала меня совсемъ, и потеря сїя была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази, говорилъ повѣствователь мой взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положенїе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалася на всегда. -- На всегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но за чемъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай меня мучатъ, пускай лишаютъ жизни. -- О варвары, тигры,

змѣи люпые, грызите сіе сердце, пускайте въ него томной вашъ ядъ. -- Извините мое изступленіе, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжавъ ко мнѣ. -- Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги опселѣ кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву, или куда хочешь и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить твою судьбу. -- Я невнималъ его рѣчамъ, но онъ усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку; но вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ въ которомъ было только пятьдесятъ

рублей. Самъ пошелъ въ мой кабинетъ, что бы найпи тамъ денегъ и мнѣ вынести; но нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, что бы я ѣхалъ. Непомню какъ меня везли первую станцїю. Слуга пріяшеля моего разсказавъ все произшедшее простился со мною, а я теперь ѣду, по пословицѣ, -- куда глаза глѣдятъ.

Повѣсть сопутника моего трогула меня несказанно. Возможно ли говорилъ я самъ себѣ, что бы въ толь мягкосердое правленїе, каково нынѣ у насъ, толикїя производилися жестокости? Возможно ли, что бы были столь безумные судїи, что для насыщенїя казны (можно дѣйспвительно такъ назвать всякое неправильное отняпїе имѣнїя для удовлѣтворенїя казеннаго требованїя), отнимали у людей имѣнїе, честь, жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ могло сїе произшествїе достигнуть до слуха

верховныя власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленїи она одна въ отношенїи другихъ можетъ быть безпристрастна. -- Но немогу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу въ вышшее правительство. Уподроблю все произшествїе и представлю не правосудїе судившихъ и невинность страждущаго. -- Но жалобницы отъ меня непримутъ. Спросятъ, какое я на то имѣю право; потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма. -- Какое имѣю право? Страждущее человѣчество. Человѣкъ лишенный имѣнїя, чести, лишенный половины своея жизни, въ самовольномъ изгнанїи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенїя. И на сїе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужели сего мало, что страждетъ мой согражданинъ? -- Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ человѣкъ: вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо. -- О Богочеловѣкъ! Почто писалъ ты законъ

твой для варваровъ. Они крестяся во имя твое, кровавыя приносятъ жертвы злобѣ. Почто ты для нихъ мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанїя будущїя казни, усугубилъ бы казнь настоящую, и совѣсть возжигая по мѣрѣ злодѣянїя, недалъ бы имъ покоя день ночно, доколь страданїемъ своимъ незагладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленїя толико утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и непросыпался долго.

Возмущенные соки мыслїю, стремился, мнѣ спящу, къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ моего мозга, возбудили въ немъ воображенїе. Нещетныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но изчезали, какъ легкїе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно, восходящими изъ внутреннихъсосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грѣзилъ.

Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на Престолѣ.

Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло со блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцемъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки власть мою изъявляющіе. Здѣсь мѣчь лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображалися морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и протчее сего рода; вездѣ видно было въ верьху имя мое носимое Геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ виденъ былъ скипетръ мой, возлежащей на снопахъ обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На

твердомъ коромыслѣ возвѣшенныя зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью Законъ Милосердїя; въ другой книга же съ надписью Законъ Совѣсти. Держава изъ единаго камня изсѣченная, поддерживаема была грудою младенцевъ изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлѣжалъ на раменахъ сильнаго исполина, возкраїе же его поддерживаемо было испиною. Огромной величины змїя, изъ свѣтлыя спали изкованная, облежала вокругъ всего сѣдалища при его подножїи, и конецъ хвоста въ зевѣ держаща изображала вѣчность.

Но неединыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастїемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины Государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленїи отъ престола моего, толпилося безчисленное множество народа, коего

разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различїе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчанїе увѣряло мѣня, что они всѣ воли моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелѣстнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствїе на меня смотрѣть, и желанїя ихъ стремились, на предъупрежденїи моихъ, если бы онѣ возродились.

Глубочайшее въ собранїи семъ присудствовало молчанїе; казалося, что всѣ въ ожиданїи были важнаго какого произшествїя, отъ коего спокойствїе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкорѣнившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразїя происходящую, я долгъ отдалъ естеству, и ротъ разинувъ доушей, зѣвнулъ во всюмочь. Всѣ

внялн чувствованїю души моей. Внезапу смятенїе разпростерло мрачной покровъ свой по черпамъ веселїя, улыбка улѣтала со устъ нѣжности, и блескъ радованїя съ ланидъ удовольствїя. Изкаженные взгляды и озираніе, являли нечаянное нашествїе ужаса и предстоящїя бѣды. Слышны были вздохи, колющїе предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присудствїемъ страха стенанїе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содроганїя, самыя кончины мучительнѣе. -- Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланидныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ, и разтягивая губы, произвели въ черпахъ лица моего кривленїе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца

лучь. Лѣтитъ отъ жизненной его жаркости сгущенная парами влага, и раздѣленная въ составѣ своемъ частїю улегчася, стремительно возносится въ неизмѣримое пространство еѳира, и частїю удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ падаетъ низу стремительно. Мракъ присудствовавшїй повсюду въ небытїи свѣтозарнаго шара изчезаетъ весь вдругъ, и сложивъ поспѣшно непроницательной свой покровъ, улѣтаетъ на крылѣхъ мгновенности, неоставляя по себѣ ниже знака своего присудствованїя. Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали на лицахъ всего собранїя посѣлившїйся; радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и неосталося косаго вида неудовольствїя нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великїй Государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвїя деревъ, и любостра-

стное производящему въ дубравѣ шумленїе, тако во всемъ собранїе радостное шептанїе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, разширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой возклицалъ: онъ обогатилъ Государство, разширилъ внутренную и внѣшную торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣлїе и рукодѣлїе. Женщины съ нѣжностїю вѣщали: онъ недалъ погибнуть тысячамъ полезныхъ сограждан избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственныя доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитанїе. Юношество съ восторгомъ руки на Небо простирая рѣкло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ.

Онъ законодатель мудрый, судїя правдивый, исполнитель ревносшный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ вольносшь даруешъ всѣмъ.

Рѣчи шаковыя ударяя въ шимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сїи истинными въ разумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ прїемля душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнїя кругомъ; въ существѣ своемъ разширялась и вся объемля, касалася степеней Божественной премудросши. Но ничшо несравнилося съ удовольствїемъ самоодобренїя при раздаванїи моихъ приказанїй. Первому военачальнику повелѣвалъ я ипи съ многочисленнымъ войскомъ на завоеванїе земли, цѣлымъ Небеснымъ поясомъ опъ меня отдѣлѣнной. Государь, опвѣшствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени швоего, побѣдитъ народы оную землю населяющїе. Страхъ предшс-

ствовать будетъ оружїю твоему, и возвращуся приносяй дань Царей сильныхъ. -- Учредителю плаванїя я рекъ; да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на Севѣрѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ. Исполню Государь. -- И полѣтѣлъ на исполненїе яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. -- Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденїя моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущенїемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшїе отъ истиннаго пути. -- Милосердїе твое, Государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ. -- Да воздвигнутся, рекъ я, первому зодчїю, великолѣпнѣйшїя зданїя

для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ онѣ ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же онѣ уготовляются. -- О премудрый отвѣчалъ онъ мѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. -- Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да излїются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику. -- О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатипель нищаго да будетъ твоя воля. -- При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и

плесканїе рукъ немокмо сопровождало мос слово, но даже предъупреждало мысль. Единая изъ всего собранїя жена, облегшаяся пвердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнїя и негодованїя. Черпы лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другїе обнаженными стояли главами. Кто сїя? вопрошалъ я близь стоящаго меня. Сїя есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачемъ. Но есть Волхвъ опаснѣйшїй; носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенїю; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже нещадитъ въ руганїи своемъ священныя твоея главы. -- Почтожъ злодѣйка сїя терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день, есть день милости и веселїя. Прїидите сопрудники мои въ ношенїи тяжкаго бремени правленїя, прїимите достойное за труды и

подвиги ваши воздаяніе. Тогда возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различныя знаки почестей на предстоящихъ; отсудствующіе забыты небыли, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ, словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ столпы моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ. -- Постой, вѣщала мнѣ страница отъ своего мѣста, постой, и подойди ко мнѣ. Я врачь присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. -- Какія бѣльма сказала она съ восклицаніемъ. -- Нѣкая невидимая сила, нудила меня ити предъ

нее; хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бельма, сказала странница, а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ. Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобну роговому разствору. Ты видишъ сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно. -- Я есмь Истина. Всевышній подвигнувшый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, низпослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отженну темноту проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся днѣсь въ естественномъ ихъ видѣ, взорамъ твоимъ. Ты проникнешъ во внутренность сердецъ. Неутаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которыя въ дали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество;

которые готовы всегда на твое пораженїе, если оно отмстишъ порабощенїе человѣка. Но невозмутятъ они гражданскаго покоя безвременно, и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сїю гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую, срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, запмѣвающїе очи твои, и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающїе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованїя, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда неоставляю жилища смертныхъ. Пребыванїе мое неесть въ чертогахъ царскихъ. Стража обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая денноночно споглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оные. Если когда проникну сїю сплоченную толпу, то поднявъ бичь гоненїя, всѣ тебя окружающїе, тщатся меня изгнать изъ обиталища твоего; бди убо да паки неудалюся отъ тебя. Тогда

словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающія, бельма твои паки возродятъ, и кора свѣтомъ непроницаемая покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ, взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои невозмутятся стенаніемъ; но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обыдутъ на лесть отверстую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда нераздеретъ благотворная шероховатость, въ тебѣ нервовъ осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояніе. Туча вознесется надъ главой твоей, и стрѣлы карающаго грома, готовы будутъ на твое пораженіе. Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти, егда осажденная козьнями ласкательства душа твоя, взалкаетъ моего взора; воззови

меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешъ. Неубойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ порицающїй дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и недерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающїй Царя въ самовластїи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угоспи его вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтїи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою

неправду, когда на нее дерзать будешъ. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій въ обществѣ можешъ быть убїйца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общїя тишины, врагъ люпѣишій устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешъ, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ убїенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убїйство, войною называмое. Ты виною будешъ, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненїе твоихъ велѣнїй, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Изрекшія странницы лице, казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже не-чувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надуплости высокомѣрія. Я ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестія и обуреваніе властолюбія ея некасалися. Одежды мои, сполъ блестящія, казалися замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою пусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга изкаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности небыло; воины мои почи-

талися хуже скота. Нерадѣли ни о ихъ здравіи ни прокормленіи; жизнь ихъ ни вочто вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна опредѣленная на содержаніе всеополченія была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знамѣнитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества небыло ему даже случая; ибо онъ издали невидалъ непріятеля. Отъ такихъ то воиновъ

я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при успьѣ пристанища. Начальникъ полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся пѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ, совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ мїра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися изъ кисти новыхъ сихъ путешествователей. Уже при блескѣ нощныхъ свѣтильниковъ, начерталося величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ приобрѣтеній,

слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже златыя доски уготовлялися на одежду столь важнаго сочиненїя. О Кукъ! по что ты жизнь свою провелъ въ трудахъ и лишенїяхъ? По что скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Если бы возсѣлъ на сїи корабли, то въ веселїяхъ начавъ путешествїе, и въ веселїяхъ его скончая, столь же бы много сдѣлалъ открытїй, сидя на одномъ мѣстѣ, (и въ моемъ государствѣ) толико же бы прославился; ибо ты бы почтенъ былъ твоимъ Государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленїи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущенїе казни и прощенїе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣянїй. Велѣнїе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствїя превратнымъ онаго толкованїемъ, и медлительнымъ исполненїемъ. Милосердїе мое сдѣлалося торговлею, и тому,

кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушїя. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущенїе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедїантомъ. Удержи свое милосердїе, вѣщали тысящи гласовъ, невозвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, если нехощешъ его исполнити. Несоплощай съ обидою насмѣшку, съ тяжестїю, ея ощущенїе. Мы спали и были покойны, ты возмутилъ нашъ сонъ, мы бдѣть нежелали; ибо не надъ чемъ. -- Въ созиданїи городовъ видѣлъ я одно расточенїе государственныя казны, нерѣдко омытой кровїю и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженїи великолѣпныхъ зданїй къ разточенїю нерѣдко присовокуплялося и непонятїе о истинномъ искуствѣ Я зрѣлъ расположенїе ихъ внутренное и внѣшное безъ малѣйшаго вкуса Виды оныхъ принадлежали вѣку Готфовъ и Вандаловъ. Въ жилищѣ для Муссъ уго-

тованномъ незрѣлъ я лѣющихся благотворно струевъ Каспалїи и Ишокрены; едва пресмыкающееся искуспво дерзало возводить свои взоры выше очерченой обычаемъ округи. Зодчїе согбенные надъ чертежемъ зданїя, не о красопѣ онаго помышляли, но какъ приобрѣтутъ ею себѣ спяжанїе. Возгнушался я моего пышнаго тщеславїя и отвратилъ очи мои. -- Но паче всего уязвило душу мою излїяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослепленїи моемъ, что ненужная казна общественная, на государственныя надобности, неможетъ лучше употребиться, какъ на вспоможенїе нищаго, на одѣяніе нагаго, на прокормленїе алчущаго, или на поддержанїе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду нерадящему о спяжанїи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убїйцу иногда тай-

наго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену кичащуюся своимъ, безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты, застенчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія, безразсудной моей щедроты. -- Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостію духа, на снисканіе почестей, вожделенной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало, и довольствоваться было осуждаемо, собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что по-

чести мїрскїя суть пепль и дымъ. Видя во всемъ поликую превратность отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ произшекшую; видя что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовлѣтворенїя своего только пщеславїя, и внѣшность только свою на услажденїе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращенїе; возревѣлъ я яростїю гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судїю вашего Возпрепещите въ окаменѣлости злодѣянїя вашего. Чемъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненїе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженїя. Прїиди вѣщалъ я сыну, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, крющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, прїиди облегчишь мое бремя; прїиди и возврати покой томящему-

ся сердцу и возтревоженному уму. -- Изрекши сїе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ откуду произтекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоялся служенїя моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненїе, и я пробудился. -- Еще неопомнившись, схватилъ я себя за палѣцъ, но терноваго кольца на немъ небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель мїра, если чистая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришъ чело, вѣдай, что видѣнная мною странница, отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

Насилу очнуться я могъ отъ Богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрѣзилъ. -- Голова моя была свинцовой тяжелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмелья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состоянїи я былъ продолжать пути и престися на деревянныхъ дрогахъ, (пружинъ у кибитки моей небыло). Я вынулъ домашней лѣчебникъ; искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и наяву. Лѣкарство со мною хотя всегда ѣздило въ запасѣ; но по пословицѣ на всякаго мудреца довольно простоты; противъ бреду я себя непредостерегъ и отъ того голова моя, прїѣхавъ на почтовой станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клемень-

тьевна, по имени Прасковья, маренная Пяпница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она; такъ и свѣтъ вижу, а безъ того умерла бы въ три дни.

Я взялся за пянюшкино лѣкарство, но непривыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ, молодаго человѣка, которой сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна. -- Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ. -- Привѣтливый видъ, взглядъ неробкой, вѣжливая осанка, казалось не къ стати были къ длинному полукафтанью, и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня читатель въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ столицѣ, и если кто некудрявъ и ненапудренъ, того я ни вочто нечту. Если и ты деревенщина и волосъ непудришь, то

неосуди буде я на тебя невзгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцомъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новогородской Семинарїи, и шелъ пешкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, которои былъ Секретаремъ въ Губернскомъ шинше. Но главное его намѣренїе было, чтобъ сыскать случай для приобрѣтенія науки. -- Сколь великой недостатокъ еще у насъ въ пособїяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣденїе Латинскаго языка неможетъ удовлѣшворить разума алчущаго науки. Виргилїя, Горацїя, Тита Ливїя, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знанїи Семинаристовъ съ шѣмъ, что я имѣлъ случай по щастїю моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтїямъ. Классическїе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическїя объясненїя шекстовъ, не-

жели то, что ихъ доднесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику, богословію, но пословамъ Кутейника въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться; Аристотель и Схоластика до нынѣ царствуютъ въ Семинаряхъ. Я по щастію моему знакомъ сталъ, въ домѣ одного изъ Губернскихъ членовъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ случай приобрѣсти въ ономъ малое знаніе во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ Латинской языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки несуть таинства, для свѣдущихъ Латинской языкъ покмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! -- Но для чего, прервавъ

онъ свою рѣчь продолжалъ, для чего незаведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ Россїйскомъ? Ученїе всѣмъ бы было внятнѣе; просвѣщенїе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣнїемъ позже, за одного латинщика, нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайнѣй мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающїй, что есть юриспруденцїя или законоученїе.-- Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицанїемъ, если бы привесши примѣры изъ размышленїй и разглагольствованїи судей нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Грощїй, Монтескью, Блекстонъ. -- Ты читалъ Блекстона, -- читалъ первыя двѣ части на Россїйской языкъ переведенныя. Нехудо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сїю книгу вмѣсто святцовъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь.

Какъ непотужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавалися на языкѣ народномъ.

Вошедшей почтальонъ помѣшалъ продолженію нашей бѣсѣды. Я успѣлъ Семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повѣленіе о учрежденіи новыхъ Университетовъ гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію. — Пора, государь мой, пора . . . . .

Между тѣмъ какъ я платилъ почтальону прогонныя деньги, Семинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее, и отдалъ ему. Необличи, меня любезной читатель въ моемъ воровствѣ; съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подшибрилъ. Когдаже прочтешь, то знаю, что кражи моей на ружу невыведешь; ибо непотъ одинъ воръ кто кралъ, но и тотъ кто принималъ, такъ писано въ законѣ Рускомъ. Признаюсь, я на руку

нечистѣ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну; смотри, шы неклади мыслей плэхо. -- Читай, что мой Семинаристъ говоритъ:

Кто мїръ нравственной уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истину, неиное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглой образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихся тѣлъ, изрѣкъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познанїи естества, откроютъ можетъ быть смертные, тайную связь, веществъ духовныхъ или нравственныхъ, съ веществами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращенїй, превратностей мїра нравственнаго или духовнаго, зависитъ можетъ быть отъ кругообразнаго вида, нашего обиталища, и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ шѣлъ, равно какъ и оно кругообразныхъ, и коло-

вращающихся . . . . . На Мартиниста похоже; на ученика Шведенборга . . . . . Нѣтъ мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу немалое услажденїе чувствъ. И покаюся тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою, и усну упоенный сладострастїемъ въ объятїяхъ ее, нежели зарывшись въ Еврейскїя или Арабскїя буквы, въ цыфири, или Египетскїе Іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованїй, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя на бродится до сыта.

Оглянись назадъ, кажется еще время то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣрїе, и весь, его причетъ, невѣжество, рабство, инквизицїя, и многое кое что. Давно

ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ прошивъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ неутолимой его былъ врагъ нешокмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнюю степень, ибо всѣ въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное, прозябаемое, родится, растетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умретъ и уступитъ имъ свое мѣсто. Бродящіе народы, собираются во грады, основываютъ Царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ невидно; даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію; въ изступленіи шло стезею народамъ обыкновенною; воздвигло начальника, раз-

ширило его власть, и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лутеръ началъ преобразованїе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданїе предъубѣжденїя о власти Папской рушиться стало, стало изчезать и суевѣрїе; истина нашла любителей, попрала огромной оплотъ предразсужденїи, но недолго пребыла въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Небыло ничего святаго, на все посягали. Дошедъ до краевъ возможности, вольномыслїе возвратится вспять. Сїя перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Недошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслїя, но многїе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрїю. Разверни новѣйшїя таинственныя творенїя, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣнїй, когда о рѣченїяхъ заботился разумъ человѣческїй, немысля о томъ, былъ ли въ рѣ-

ченїи смыслъ. Когда задачею любомудрїя почиталося и на рѣшенїе изслѣдователей истины, отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остріи можетъ умѣститься душъ.

Если потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденїе, если оставя естественность гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезной бы былъ трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній, шествїе разума человѣческаго, когда сотрясшій мглу предъубѣжденій онъ началъ преслѣдовать истину до выспренносшей ея, и когда упомленный паки сказашь своимъ бодрствованїемъ, растлѣвать начиналъ паки свои силы, томиться и низпускаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрїя. Трудъ сего писателя безполезенъ небудетъ: ибо обнажая шествїе нашихъ мыслей къ истинѣ и заблужденїю, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубныя спези, и заградитъ полешъ невѣжества, блаженъ

писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго, блаженъ если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель.

Щастливыми назваться мы можемъ: ибо небудемъ свидѣтели крайняго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки щастливѣе насъ еще быть могутъ. Но пары въ грязи омерзѣнія почившіе, уже воздымаются и предъопредѣляются объяти зрѣнія кругъ. Блаженны, если не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ, когда въ сужденіяхъ о вещахъ нравственныхъ и духовныхъ начинается ферментація и возстаетъ мужъ твердый и предпріимчивый, на истинну или на прельщеніе, тогда послѣдуетъ премѣна Царствъ, тогда премѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣствицѣ, по которой разумъ человѣческій низходитъ долженствуетъ во тьму заблужденій, если пока-

жемъ что либо смѣшное и улыбкою содѣлаемъ добро, блаженны наречемся.

Бродя изъ умствованїя въ умствованїе, о возлюбленные, блюдитеся, да невступите на путь слѣдующихъ изслѣдованїй.

Вѣщалъ, Акиба: вошедъ по стезѣ Равви Іозуа въ сокровенное мѣсто, я позналъ пройственное. Позналъ 1 е: не на Востокъ и не на Западъ но на Сѣверъ и Югъ обращашися довлѣетъ. Позналъ 2 е: не на ногахъ стоящему но возсѣдая надлежитъ изпражняться. Позналъ 3 е: не дѣсницею, но шуйцею отирать надлежитъ задняя. На сїе возразилъ Бенъ Газасъ: дотолѣ обезстудилъ еси чѣло свое на учителя, да извергающаго присматривалъ? Отвѣтствовалъ онъ: сїи суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотвореное, и ихъ познаю.

Смотри Белевъ словарь, статью Акиба.

НОВГОРОДЪ.

Гордитеся, тщеславные созидатели градовъ, гордитесь, основатели Государствъ; мечтайте, что слава имени вашего будетъ вѣчна; сполните, камень на камень до самыхъ облаковъ: изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ, и надписи дѣла ваши возвѣщающія. Полагайте, твердыя основанія правленія, закономъ непремѣннымъ. Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему кичѣнію. Гдѣ мудрые Соломновы и Ликурговы законы вольности Афинъ и Спарты утверждавшіе? — Въ книгахъ. — А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. — Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳага. — Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо онѣ стояли. — Курится ли таинственно единому существу, нетлѣнная жертва, во славныхъ храмахъ древняго Египта. Великолѣпные оныхъ остатки, служатъ

убѣжищемъ блѣющему скоту во время средиденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренїя всевышнему Отцу они орошаемы, но смрадными изверженїями скотскаго тѣла. -- О! гордость, О! надмѣнность человѣческая, возри на сїе, и познай колико ты ползуща!

Въ таковыхъ размышленїяхъ подъѣзжалъ я къ Новугороду смотря на множество монастырей вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сїи монастыри, даже и на пятнадцать верстъ растоянїемъ отъ города находящїеся, заключалися въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до ста тысячь войска. Извѣстно, по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленїе. Хотя у ихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленїя, заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собранїи своемъ на вѣчѣ, былъ истинный Государь. Область Новогородская простиралася

на Северѣ даже за Волгу. Сїе вольное Государство стояло въ Гайзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь; кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новагорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенїя. Внутренїя несогласїя и хищной сосѣдь совершили его паденїе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей, дабы насладиться зрѣлищемъ теченїя Волхова. Неможно было, что бы непришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Васильевича по взятїи Новагорада. Уязвленный сопротивленїемъ сея республики, сей гордый, звѣрскїй, но умный властитель, хотѣлъ ее раззорить до основанїя. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящъ, такъ иные повѣствуютъ, приносяй на жертву яростти своей, старѣйшихъ и начальниковъ Новогородскихъ. Но какое онъ имѣлъ право, свирѣпствовать противъ нихъ; какое онъ

имѣлъ право присвоять Новгородъ? То ли, что первые великіе Князья Россійскіе жили въ семъ городѣ? Или что онъ писался Царемъ всея Русіи? Или что Новогородцы были Славенскаго племени? Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запѣчатлеется кровію народовъ? Можетъ ли существовать право, когда нѣтъ силы на приведѣніе его въ дѣйствительность. Много было писано о правѣ народовъ; нерѣдко имѣютъ на него ссылку; но законоучители непомышляли, можетъ ли быть между народами судія. Когда возникаютъ между ими вражды, когда ненависть, или корысть устремляетъ ихъ другъ на друга, судія ихъ есть мечь. Кто палъ мертвъ или обезоруженъ, тотъ и виновенъ; повинуется непрекословно сему рѣшенію, и аппеллаціи на оное нѣтъ. -- Вотъ по чему Новгородъ принадлежалъ Царю Ивану Васильевичу.

Вотъ для чего онъ его раззорилъ и дымящїяся его остатки себѣ присвоилъ. -- Нужда, желанїе безопасности и сохранности, созидаютъ Царства; разрушаютъ ихъ, несогласїе, ухищренїе и сила. -- Что жъ, есть право народное? -- Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденїи другаго въ такомъ же положенїи, какъ человѣкъ находится въ отношенїи другаго, въ естественномъ состоянїи. -- Вопросъ: въ естественномъ состоянїи человѣка какїя суть его права? Отвѣтъ: взгляни на него. Онъ нагъ, алчущъ, жаждущъ. Все что взять можетъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, все присвояетъ. Если бы что тому возпрепятствовать захотѣло, онъ препятствїе удалитъ, разрушитъ, и приобрететъ желаемое. Вопросъ: если на пути удовлетворенїя нуждамъ своимъ, онъ обрящетъ подобнаго себѣ, если на примѣръ, двое чувствуя голодъ, восхотятъ насытится однимъ кускомъ;

кто изъ двухъ большее къ приобретенiю имѣетъ право? Отвѣтъ: тотъ кто кусокъ возметъ. Вопросъ: кто же возмѣтъ кусокъ? Отвѣтъ: кто сильнѣе. — Неужели сiе есть право естественное, неужели се основанiе права народнаго! — Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы, было всегда въ исполненiи почитаемо, пустымъ словомъ. — Вопросъ: что есть право гражданское? Отвѣтъ: кто ѣздитъ на почтѣ тотъ пустяками незанимается, и думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить.

Изъ лѣтописи Новогородской.

Новогородцы съ великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну, и заключили письменное примиренiе. —

Новогородцы сочинили писмо для защищенiя своихъ вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмiю печатьми. —

Новогородцы запретили у себя обращенiе чеканной монеты, введенной Татарами въ обращенiе. —

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету. --

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ. --

Въ Новѣгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вечѣ, для разсужденїя о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколъ у Новогородцевъ отнялъ. --

-- Потомъ. Въ 1500. году -- въ 1600 году -- въ 1700 году -- году -- году Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ --

Но, не все думать о старинѣ, не все думать о завтрешнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, несмотря на то что подъ ногами, то скоро споткнусь и упаду въ грязь... размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новагорода по прежнему не населишъ. Что Богъ дастъ въ передъ. -- Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Деменьтьичу.

Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуды Богъ принесъ, говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Дементьичь, прежде сего купецъ третьей гильдїи, а нынѣ именитой гражданинъ. По пословицѣ

щастливой къ обѣду. Милости просимъ садиться. -- Да что за пиръ у тебя. -- Благодѣтель мой я женилъ вчера парня своего. -- Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ. Я ему какъ и другїе пособилъ записаться въ имянитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей; кому, того незнаю, съ 1737 году. Карпъ Деменьтьичь въ 1780 вексель гдѣ то купилъ, и какой то приладилъ къ нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ спряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятой капиталъ мнѣ весь подарили. -- Карпъ Деменьтьичь человѣкъ признательной. -- Невѣстка водки нечаянному гостю. -- Я водки непью. -- Дахотя прикушай. -- Здоровья молодыхъ ..... и сѣли ужинать.

По одну сторону меня, сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Деменьтьичь свою молодую невѣстку.

...Прервемъ рѣчь читатель. Дай мнѣ карандашъ, и листочикъ бумашки. Я тебѣ во удовольствїе, нарисую всю честную компанїю; и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю, свадѣбной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныхъ неспишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуетами. Лаваперъ и по нихъ учитъ узнавать кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Деменьтьичь сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой. -- Аксинья Парѳентьевна, любезная его супруга. Въ шесдесятъ лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго непьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на щетѣ по-

казываетъ... По приказанїю Аксиньи Парѳентьевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... Прикащики мужнины Аксиньины камердинеры. -- Алексей Карповичь сосѣдъ мой застольной. Ни уса ни бороды а носъ уже багровой, бровями моргаетъ въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, по спускаетъ на вершекъ; за то его отецъ любитъ какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплѣуху. -- Парасковья Денисовна ево новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы какъ уголь. Брови въ нитку, чернѣе сажи. Въ компанїи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка неотходитъ, и пялитъ глаза на всякаго мущину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки. -- Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ее любезнова муженька, для пе-

рваго дни; — а у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что.

Но любезный читатель ты уже зѣваешь. Полно видно мнѣ снимать силуеты. Твоя правда; другова небудетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того непонимаю какъ ты на силуетѣ бѣлилы и румяна распознаешь.

Карпъ Деменьтьичь, чѣмъ ты нынѣ торгуешь? Въ Петербургъ неѣздишь, льну непривозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ непокупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ. — Отъ него то было я и раззорился. Но на силу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядной барышокъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующей годъ былъ льну неурожай, и я немогъ поставить что за контрактовалъ. Вотъ отъ чего я торговать пересталъ. — Помню Карпъ Деменьтьичь что за тридцать тысячь рублей забранныхъ въ передъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ

на раздѣлъ. -- Ей больше неможно было повѣрь моей совѣсти. -- Конечно и на заморскїе товары былъ въ томъ году неурожай. Ты забралъ тысячь на двадцать . . . Да, помню; на нихъ пришла головная боль. -- Подлинно благодѣтель, у меня голова такъ болѣла; что чуть не трѣснула. Да чемъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все мое имѣнїе. -- По три копѣйки на рубль. -- Никакъ нѣтъ-ста, по пятнадцати. -- А женнинъ домъ. -- Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой. -- Скажи же чѣмъ ты торгуешъ? -- Ни чемъ, ей ни чемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ въ несостоянїе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на двадцать тысячь. -- На будущее конечно законтрактуетъ на пятьдесятъ, возметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построитъ домъ . . . Алексей Карповичь только что улыбается. -- Старинной шушникъ, благодѣтель мой.

Полно молоть пустяки; возмемся за дѣло. -- Я непью ты знаешь. -- Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай, -- я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы какъ и другїе напился пьянъ. Но по щастїю, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ невозможно. И по той самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Деменьтьича, я впалъ въ размышленїе. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканїе, почиталъ я доселѣ, охраняющимъ довѣрїе законоположенїемъ; почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтенїемъ, для усугубленїя быстраго въ торговлѣ обращенїя, чего древнимъ народамъ на умъ неприходило. Но отъ чего же буде нѣтъ честности, въ дающемъ вексель-

ное обязательство, отъ чего оно тщетная только бумашка? Еслибы строгаго взысканія, по векселямъ несуществовало, уже ли бы торговля изчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе печится долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли теряющій свой капиталъ, для того что незналъ кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ. Съ одной стороны легковѣрность, съ другой почти воровство. Тотъ повѣрилъ надѣяся на строгое законоположеніе, а сей.... А если бы взысканіе по векселямъ небыло столь строгое? Небыло бы мѣста легковѣрію, небыло бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОННИЦЫ.

Между тѣмъ, какъ въ кибишкѣ моей лошадей перемѣняли, я захотѣлъ посѣтить, высокую гору, близъ Броницъ находящуюся; на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ, многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ, извѣстной въ Сѣверной древней исторіи, городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища, построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразилъ себя пресѣленнаго въ древность, и приведшаго, да познаю отъ державнаго Божества грядущее, и обрящу спокойствіе моей нерѣшимости. Божественный у-

жасъ объемлетъ мои члѣны, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои пупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ грому подобный, вѣщаяй: безъумный! по что желаешъ познати тайну, которую я сокрылъ отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? По что, о дерзновенный! познати жаждешъ то, что едина мысль предвѣчная постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго, соразмѣрна бренности твоего сложенїя. Вѣдай, что предъузнанное блаженство, теряетъ свою сладость долговременнымъ ожиданїемъ, что прелѣстность настоящаго веселїя, нашедъ утомленныя силы, немощна произвести въ душѣ, столь прїятнаго дрожанїя, какое веселїе получаетъ отъ нечаянности. Вѣдай что предузнанная гибель, отнимаетъ безвременно спокойствїе, отравляетъ утѣхи, ими же наслаждался бы, если бы скончанїя ихъ непредузналъ. Чего ище-

ши чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила въ разумѣ твоемъ и сердцѣ. Вопроси ихъ во дни печали, и обрящешъ утѣшителей. Вопроси ихъ во дни радости, и найдешъ обуздателей наглаго щастїя. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой востревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешъ мое Божество, тамъ услышишъ мое вѣщанїе. -- И трескъ сильнаго удара гремящаго во власти Перуна, раздался въ долинахъ далеко. -- Я опомнился. -- Достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь возвелъ я руки на небо. Господи возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ вѣщаютъ истиннаго, единаго Бога. На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ твоего нынѣ пребыванїя, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденїя. Но немогу повѣрить о Всесильный! что бы человѣкъ, мольбу сердца своего возсылалъ ко другуму какому либо существу а не къ тебѣ. Мощная дѣсница

твоя, невидимо всюду простертая, и самаго оприцателя всемогущія воли твоея, нудитъ признавати, природы строителя и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его однако же, стремится къ тебѣ предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго; но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хва-

лу; хваля тебя паче нашего пѣснопѣнїя. Ибо проникнупый до глубины своея, изящностїю твоего творенїя, ему предстоитъ трепѣтенъ. -- Ты ищешъ отецъ всещедрый искренняго сердца и души непорочной; они отверсты вездѣ на твое пришествїе. Сниди Господи и воцарися въ нихъ. -- И пребылъ я нѣсколько мгновенїй отриновенъ окрестныхъ мнѣ предмѣтовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко. -- Возведъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близь стоящїя сѣленїя; се хижины уничиженїя, вѣщалъ я, на мѣстѣ гдѣ нѣкогда градъ великїй гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже признака оныхъ неосталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти; сполъ жаждущь онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ. -- И все, что зримъ, прейдетъ; все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкїй тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ, пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

СЪ теченїемъ временъ, всѣ звѣзды
помрачатся,
померкнѣтъ солнца блескъ; природа обвѣтшавъ
лѣтъ дряхлостью, падетъ.
Но Ты, во юности безсмертной процвѣтешь,
незыблимый, среди сраженїя стихїевъ,
развалинъ вещества, мїровъ всѣхъ
разрушенья. (*)

(*) Смерть Катонова, трагедїя Еддесонова. Дѣйс. V. Явлен. I.

ЗАЙЦОВО.

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнышняго моего пріятеля Г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ; но бѣседы наши хотя нечасты, были однакоже откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной а особливо во время войны, гдѣ великія насилія, именемъ права войны прикрываются, перешелъ въ статскую. По нещастію его, и въ статской службѣ неизбѣгнулъ того, отъ чего оставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его сколь превосходныя качества, доставили ему мѣсто предсѣдателя уголовной палаты. Сперьва нехотѣлъ онъ на себя принять сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ

онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле, отверзается мнѣ на удовлѣтвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчитъ рамена невинности; да опустѣютъ темницы, и да неузритъ ихъ оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодѣяніе да невмѣнится николи. О мой другъ! исполненіемъ моея должности, источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ; но слезы сіи, будутъ слезы обновленія во благо. Но изсякнутъ слезы, страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть, скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замѣдля, могу быть убійцею, непредупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ, или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятѣль мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ мой другъ, говорилъ мнѣ Г. Крестьянкинъ, что услаждающую разсудокъ, и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности Но вмѣсто того нашелъ я въ оной желчь и пернїе. Теперь наскучивъ оною, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время онъ заслужилъ похвалу, скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ; а я прослылъ копотким. Иные почитали мѣня иногда мздоимцемъ, за то, что неспѣшилъ отягчить жребїя нещастныхъ, впадающихъ въ преступленїе нерѣдко по неволѣ До вступленїя моего въ статскую службу, приобрѣлъ я лѣстное для меня названїе, человѣколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, ко-

имъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленїемъ или непозволительною понаровкою. Видѣлъ я рѣшенїя мои осмѣянными въ томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало; видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствїя. Съ презрѣнїемъ взиралъ, что для освобожденїя дѣйствительнаго злодѣя, и вреднаго обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленїя, лишенїемъ имѣнїя, чести, жизни, начальникъ мой будучи не въ силахъ, меня преклонить на беззаконное очищенїе злодѣйства, или на обвиненїе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко я видѣлъ, благїя мои расположенїя изчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушанїя, получили почести, кои въ глазахъ моихъ, сколь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ запруднительныхъ случаяхъ, когда увѣренїе въ не-

винности названнаго преступникомъ, меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости; но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія, жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію, часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, некасаяся причинъ оныя производившихъ. И послѣдней случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо невозмогши спасти винныхъ, мощною судьбы рукою, въ преступленіе вовлеченныхъ, я нехотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Невозмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, которой за нѣсколько уже

лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужной списокъ. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакѣемъ, камерлакѣемъ, потомъ мундшендкомъ; какія достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ Герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ чувствуя свою неспособность къ дѣламъ, выпросился въ отставку, и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассессора; съ которымъ онъ пріѣхалъ въ то мѣсто гдѣ родился, то есть въ нашу губернію лѣтъ шесть тому назадъ Отличная привязанность къ своей отчизнѣ, нерѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившейся въ знатность, или бѣднякъ приобрѣтшій богатство, сотрясши всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и сла-

бѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распространеніе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассессоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семѣйствѣ Г. Ассессора. Но я худой живописецъ; или если бы я могъ въ чертахъ лица читать внутренности человѣка, съ Лаватеровою проницательностію, то бы и тогда картина Ассессоровой семьи была примѣчанія достойна. Неимѣя сихъ свойствъ заставлю вѣщать изъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. Ассессоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сопѣнъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловался можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ го-

лову. Онъ себя почелъ вышшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва недумалъ ли онъ, что *власть его надъ ними, отъ Бога произтекаетъ*) да употребляетъ ихъ въ работу по произволенїю. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а по тому надъ слабѣйшими его, надмѣнѣнъ. Изъ сего судишь можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю *на себя, а дабы они неумирали* съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если которой казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плѣтьми, батожьемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности; за дѣйствительныя

преступленїя, какъ то, кражу, не у него но у постороннихъ, неговорилъ ни слова. Казалося будто хотѣлъ въ деревнѣ своей возобновить нравы, древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанїя, на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другаго потомъ убили. Онъ ихъ въ судъ за то неотдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что они бѣжали; говоря, что ему прибыли небудетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что нибудь укралъ у него, того онъ сѣкъ какъ за лѣность, или за дерзской или остроумной отвѣтъ, но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а нашею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разказать его мудрыхъ распоряженїй; но сего довольно, для познанїя моего Ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненїи ея веленїй,

были ея сыновья и дочери, какъ то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, что бы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы неотвлекать. Во дворѣ людей было, одинъ мальчикъ, купленной имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочерьнинъ; да повариха сипаруха. Кучера у нихъ небыло, ни лошадей; разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ. Плѣтьми или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья По щекамъ били, или за волосы таскали, бабъ и дѣвокъ, дочери. Сыновья въ свободное время, ходили по деревнѣ или въ полѣ, играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая неизбѣгала ихъ насилія. Дочери неимѣя жениховъ, вымѣщали свою скуку надъ прядильницами, *изъ которыхъ* онѣ многихъ изувѣчали. Суди самъ мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что Руской народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой

крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнїю, то ничто неможетъ его удержать, чтобы непреклонился на жестокость. Сїе самое и случилось съ Ассессоромъ. Случай къ тому подалъ неистовой и безпутной, или лучше сказать, звѣрской поступокъ, одного изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась середнему сыну Ассессора, которой употребилъ все возможное, что бы ее привлѣчь къ себѣ въ любовь; но крестьянка вѣрна пребывала, въ данномъ жениху ея обѣщанїи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха по введѣнному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господской дворъ, и понесъ повѣнечные два куда меду, къ своему господину. Сїю по послѣднюю минуту дворянчикъ и

хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту, чрезъ посторонняго мальчика на дворъ, поманилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Небудучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго Господина. На конецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ; и уже сіе скарѣдное чудовище начиналъ исполненіемъ умышленное, какъ женихъ возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усумнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь, онъ быстрѣе молніи полѣтѣлъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи затворилась клѣть; но совокупныя силы двухъ братьевъ, немощны были удержать стремленія разъярешнаго жениха. Онъ схватилъ близъ

лѣжащей колъ, и вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу, и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ невѣстою, съ ней пошутили; что увидя женихъ ея, началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцемъ. Въ доказательство, показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія отецъ, возкипѣлъ гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первой вопросъ

его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ здѣланномъ неотперся, разсказавъ все произшествїе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ старой Ассессоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоею невѣстою и ночь переспалъ на канунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней неженишся; она у меня останѣтся въ домѣ, а вы будете наказаны. По таковомъ рѣшенїи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердо, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно; неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцемъ его, то же производить изтязанїе. Но немогъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскїе дѣти, хотѣли вести въ домъ. Наказанїе произходило на дворѣ. Въ одно мгновенїе, выхватилъ онъ ее, изъ рукъ ее похищающихъ, и освобожденные побѣжали оба со двора. Сїе видя барскїе

сыновья перестали сѣчь старика, и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину, и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они соболѣзнуя о участи молодаго крестьянина, и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе Ассессоръ подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго кто встрѣтился ударилъ своею тросшію столь сильно, что упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ нехотѣлъ миновать, что бы небыть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признался. Въ самое то время, случилося ѣхать тутъ исправнику той округи, съ командою. Онъ

былъ частїю очевиднымъ свидѣтелемъ сему произшествїю. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ было половина деревни, произвѣлъ слѣдствїе, которое по степенно дошло до уголовной полаты. Дѣло было выведѣно очень ясно, и виновные во всемъ признавалися; въ оправданїе свое приводя только мучительскїе поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу, я обязанъ былъ по долгу моего званїя положить окончательное рѣшенїе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сїе дѣло, я ненаходилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненїю преступниковъ. Крестьяне убившїе господина своего были смертоубїицы. Но смертоубїйство сїе небыло ли принужденно? Непричиною ли онаго самъ убитой Ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ чиселъ третїе слѣдуетъ не-

прекословно; то и въ семъ произшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцѣ, для меня по крайнѣй мѣрѣ, была математическая ясность. Если идущу мнѣ, нападетъ на меня злодѣй, и вознесши надъ главою моею кинжалъ, возхочетъ меня имъ пронзить; убійцею ли я почтуся, если я предъупрежду его въ его злодѣяніи, и бездыханнаго его къ ногамъ моимъ повергну. Если нынѣшняго вѣка скосырь, привлекшій должное на себя презрѣніе, восхочетъ оное на мнѣ отомстить, и встретясь со мною въ уединенномъ мѣстѣ, вынувъ шпагу сдѣлаетъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайнѣй мѣрѣ да уязвитъ меня; виновенъ ли я буду, если извлекши мой мечь на защищеніе мое, я избавлю общество отъ превожущаго спокойствіе его члена? Можно ли почесть дѣяніе, оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если

оно предъупредитъ мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно на вѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешъ самъ вообразить, терзаніе души моей, при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію, сообщилъ я мои мысли моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ. Мягкосердіе и человѣколюбіе, почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній; называли меня поощрителемъ убійства; называли меня сообщникомъ убійцевъ. По ихъ мнѣнію при распространеніи моихъ вредныхъ мнѣній, изчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ ли дворянинъ, говорили они, отънынѣ жить въ деревнѣ покоенъ? Можетъ ли онъ видѣть, велѣнія его исполняемы? Если ослушники воли господина своего. а паче его убійцы, невинными признаваемы будутъ, то повиновеніе прервется, связь домашняя рушится, будетъ паки Хаосъ въ на-

чальныхъ обществахъ обитающій. Земледѣлїе умретъ, орудїя его сокрушатся, нива запуститъ и безплодным порастетъ злакомъ; посѣляне неимѣя надъ собою власти, скитаться будутъ въ лѣности, тунеядствѣ и разъидутся. Города почувствуютъ властнодержавную десницу разрушенїя. Чуждо будетъ гражданамъ ремѣсло, рукодѣлїе скончаетъ свое прилѣжанїе и рачительность, торговля изсякнетъ въ источникѣ своемъ, богатство уступитъ мѣсто скаредной нищетѣ, великолѣпнѣйшїя зданїя обвѣтшаютъ, законы запмятся и порастутъ недѣйствительностїю. Тогда огромное сложенїе общества, начнетъ валиться на части, и издыхати въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда престолъ царскїй, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженїе общества зиждутся, обвѣтшаетъ и скрушится; тогда Владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество у-

зритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину, щщилися мои сотоварищи, предлагать взорамъ всѣхъ до кого слухъ о семъ дѣлѣ доходилъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите какого онъ происхожденія? Если неошибаемся, онъ самъ въ молодости своей изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворяньчики, странныя имѣютъ понятія, о природномъ надъ крестьянами дворянскомъ правѣ. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы, думаемъ, всѣхъ насъ поверсталъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими то словами, мнили сотоварищи мои, оскорбить меня, и ненавистнымъ сдѣлать всему обществу. Но симъ неудовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду, отъ жены убитаго Ассессора, да нелишится она крестьянъ своихъ, отсылкою ихъ въ работу, и что сія то истинная была причина

страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣнїямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ меня уязвитъ, что клевета поругаетъ, что лживое представленіе добраго намѣренія, отъ онаго меня отвлечетъ! Сердце мое имъ было неизвѣстно. Незнали они, что нетрепетенъ всегда предстою, собственному моему суду, что ланиды мои нердѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое, основали они на томъ, что Ассессорша за мужнину смерть мстить нежелала, а сопровождаема своею корыстїю, и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала крестьянъ избавить отъ наказанїя, дабы нелишиться своего имѣнїя, какъ то она говорила. Съ таковою прозьбою она прїѣзжала и комнѣ. На прощеніе заубїеніе ея мужа, я съ ней былъ согласенъ; но разнствовали мы въ побужденїяхъ. Она увѣряла меня, что сама до-

вольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что оправдывая убїйцевъ ея мужа, не-надлежало ихъ подвергать болѣе, той же крайности, дабы паки небыли злодѣями, какъ по ихъ называли несвойственно,

Скоро Намѣстникъ извѣщенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣнїи, извѣщенъ, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли, и что они начинали колебаться въ своихъ разсужденїяхъ; къ чему однако же не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги Ассессорши. Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, съ моими разсужденїями онъ немогъ быть согласенъ, и вознегодовалъ усмотревъ, что они начинали въ суждении сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Посылаетъ онъ за моими сочленами, увѣщеваетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣнїй,

что они оскорбительны для дворянскаго общества, что оскорбительны для верховной власти нарушая ея законоположенїя; обѣщаетъ награжденїе исполняющимъ законъ, претя мщенїемъ неповинующимся оному; и скоро сихъ слабыхъ судей не имѣющихъ ни правилъ въ размышленїяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнїя ихъ мнѣнїя. Неудивился я увидѣвъ въ нихъ перемѣну, ибо недивился и прежде въ нихъ воспослѣдовавшей. Сродно хвилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти, и радоваться ея привѣтствїю.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнїя моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя, можетъ быть, превратить и мое. Для сего намѣренїя позвалъ меня къ себѣ, по утру въ случившейся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ меня позвать, ибо я нехаживалъ ни когда на сїи безразсудныя поклоненїя, которыя гордость почи-

таетъ въ подчиненныхъ должностїю, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и человѣчеству поносными. Онъ избралъ нарочно день торжественной, когда у него много людей было въ собранїи; избралъ нарочно для слова своего публичное собранїе, надѣяся, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души, или слабость мыслей. Противъ того и другаго устремилъ онъ свое слово. Но я за нужное ненахожу пересказывать тебѣ все то, чемъ надмѣнность, ощущенїе власти, и предъубѣжденїе къ своему проницанїю и учености, одушевляло его витїйство. Надмѣнности его отвѣтствовалъ я равнодушїемъ и спокойствїемъ, власти непоколебимостїю, доводамъ доводами, и долго говорилъ хладнокровно. Но наконецъ содрогшееся сердце, разлїяло свое избыточество. Чемъ больше видѣлъ я угожденїи въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился мой

языкъ. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я наконецъ сице. Человѣкъ родится въ мірѣ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу, есть существо ни отъ кого независящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ своей единой повиноваться волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго, словомъ становится гражданиномъ. Какія же ради вины, обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть? по что безпредѣленъ въ исполненіи своея воли, послушанія чертою оную ограничиваетъ? Для своея пользы скажетъ разсудокъ; для своея пользы скажетъ внутреннее чувствованіе; для своея пользы скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и

не гражданинъ. Слѣдственно тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званїя, есть его врагъ. Противъ врага своего, онъ защиты и мщенїя ищетъ въ законѣ. Если законъ, или не въ силахъ его заступить, или того нехочетъ, или власть его неможетъ мгновенное, въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованїе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенїя, сохранности, благосостоянїя. Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, неперестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность изъ сложенїя его произходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостоянїе. Убїенной крестъянами Ассессоръ, нарушилъ въ нихъ право гражданина своимъ звѣрствомъ. Въ то мгновенїе, когда онъ потакалъ насилїю своихъ сыновей, когда онъ къ болѣзни сердечной супруговъ, присовокуплялъ поруганїе, когда на казнь подвигался, видя сопротивленїе своему

адскому властвованїю; тогда законъ стрегущїй гражданина былъ въ отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, неотъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность; и крестъяне убившїе звѣрскаго Ассессора, въ законѣ обвиненїя неимѣютъ. Сердце мое ихъ оправдаетъ опираяся на доводахъ разсудка, и смерть Ассессора хотя насильственная, есть правильна. Да невозмнитъ кто либо искать въ благоразумїи политики, въ общественной тишинѣ, довода къ осужденїю на казнь убїйцевъ, въ злобѣ духъ испустившаго Ассессора. Гражданинъ, въ какомъ бы состоянїи небо родится ему ни судило, есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, въ немъ неизсякнетъ никогда; и тотъ, кто дерзнетъ его

уязвить въ его природной, и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему если законъ гражданскїй его ненакажетъ. Онъ замѣченъ будетъ, чертою мерзѣнїя въ своихъ согражданахъ, и всякъ имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду имъ содѣланную. — Умолкъ. Намѣстникъ неговорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка подымалъ на меня поникшїе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилїя, и мести злоба. Всѣ молчали въ ожиданїи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка изъ устъ раболѣпїя слышалося журчанїе негодованїя. Всѣ отвращали отъ меня свои очи. Казалося, что близь стоящихъ меня, объялъ ужасъ. Непримѣтно удалилися они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенїя гордыни съ нижайшею подлостїю, я удалился изъ сего собранїя лстецовъ.

Ненашедъ способовъ спасти невинныхъ убїйцъ, въ сердце моемъ оправданныхъ, я нехотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ; подалъ прошенїе объ отставкѣ и получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянїя, и услаждать мою скуку, обхожденїемъ съ друзьями. — Сказавъ сїе мы разстались, и поѣхали всякъ въ свою сторону. —

Сей день путешествїе мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались по минутно; наконецъ спускаясь съ небольшей горы, ось у кибитки переломилась и я далѣе ѣхать немогъ. — Пешкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ, неочень прїятна для петербургскаго жителя, непохожа на гулянье, въ лѣтнемъ саду или въ Баба, скоро она меня утомила, и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ я сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя; думалъ я и то и сіо, скачетъ мимо меня коляска. Сидящей въ ней увидѣвъ меня велѣлъ остановится — и я въ немъ узналъ моего знакомаго. — Что ты дѣлаешъ сказалъ онъ мнѣ? — Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе; ось переломилась. Что новаго? — Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А! ... Вотъ новинькое, Дурындинъ женился. — Неправда. Ему уже лѣтъ съ восемдесятъ. — Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо .... Читай на досугѣ; а мнѣ нужно поспѣшать. Прости, — и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по щастію была въ запасѣ. — Ѣдучи я чипалъ

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтней молодкою. Причину толь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ трудненько, если оной нескажу. Распусти уши мой другъ, и услышишъ.— Госпожа Ш. . . . витязь въ своемъ родѣ непослѣдней, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была за мужемъ за купцомъ неудачно торговавшимъ; лицомъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою, и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, незахотѣла прибѣгнуть къ прошенію надмѣнной милостыни, но заблаго разсудила, кормиться своими трудами. Доколѣ красота юности, водилась на ея лицѣ, во всегдашней была работѣ, и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но сколь скоро примѣтила, что красота ея начинала

увядать, и любовныя заботы уступили мѣсто скучливому одиночеству, то взялась она за умъ, и ненаходя больше покупщиковъ на обветшалые свои прелѣсти, начала торговать чужими, которые если невсегда имѣли достоинсво красоты, имѣли хотя достоинспво новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячь, она съ честїю изъялась изъ презрительнаго общества сводѣнь, и начала въ ростъ отдавать деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ее ремѣсло; и бывшая сводня спала, нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкое надоумило ее собраться за мужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница ее ближняя Н.. пріѣхала къ ней.--Слухъ носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется солгано. Какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ сїю басню.

Ш.) Правда совершенная. Завтра сговорЪ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н.) Ты съ ума сошла. Неужели старая кровь разЪигралась; неужели какой молокососЪ подбился къ тебѣ подЪ крылошко?

Ш.) АхЪ матка моя! не къ статѣ ты меня наравнѣ съ молодыми щипаешь вѣтреницами. Я мужа беру посебѣ. . . .

Н.) Да то я знаю, что придетЪ по тебѣ. Но вспомни, что уже насЪ любить нельзя и недля чего, развѣ для денегЪ.

Ш.) Я такого невозьму, которой бы мнѣ могЪ измѣнить. ЖенихЪ мой меня старѣе 16 годами.

Н.) Ты шутишЪ!

Ш.) По чести правда; БароиЪ ДурындинЪ.

Н.) Нельзя етому статься.

Ш.) Пріѣзжай завтра вЪ вечеру; ты увидишь, что лгать нелюблю.

Н.) А хотя и такъ, вѣть онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш.) А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ необезумѣю, что бы ему отдать все мое имѣнїе; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебреные, и другая дрянь оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть. Вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка. А естли онъ неугомонно спитъ, по сгоню съ посптѣли.

Н.) Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш.) Какъ мапка? Сверхъ того, что въ нынѣшнїя времена, нехудо имѣть хорошей чинъ, что меня называть будутъ: ваше Высокородїе, а кто по глупѣе, ваше Превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгїя зимнїя вечера, можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна; да и того удо-

вольствія неимѣю, когда чхну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду: здравствуй мой свѣтъ, здравствуй моя душинька....

Н.) Прости матушка.

Ш.) Завтра сговоръ а черезъ недѣлю свадьба.

Н.) Уходитъ.)

Ш.) Чхаетъ.) Небось неворотится. То ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Недивись мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сего дня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишъ дурындиныхъ. Если неженидьбою всегда они отличаются, то другимъ чемъ либо. А безъ дурындиныхъ Свѣтъ непростоялъ бы трехъ дней.

КРЕСТЬЦЫ.

Въ Крестьцахъ былъ я свидѣтелемъ разспанїя у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я самъ отецъ и скоро можетъ быть съ дѣтьми разспаваться буду. Нещастной предразсудокъ дворянскаго званїя, велитъ имъ ити въ службу. Одно названїе сїе приводитъ всю кровъ въ необычайное движенїе! Тысячу противъ одного держать можно, что изо ста дворянчиковъ вступающихъ въ службу, 98 становятся повѣсами, а два подъ старость, или правильнѣе сказать два въ дряхлыя ихъ, хотя нестарыя лѣта, становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣнїе, и проч. — — — — Смотря иногда на большаго моего сына, иразмышляя, что онъ скоро войдетъ въ службу, или другими сказать

словами, что птичка вылѣтитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся. Недля того, что бы служба сама по себѣ, развращала нравы; но для того, что бы со зрѣлыми нравами надлежало начинать службу. -- Иной скажетъ; а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шѣю.--Кто? Примѣръ общїй. Штабъ Офицеръ семнадцати лѣтъ; Полковникъ двадцатилѣтней; Генералъ двадцатилѣтней; Камергеръ Сенаторъ, Намѣстникъ, начальникъ войскъ. И какому отцу незахочется, что бы дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ.-- Смотря на сына моего представляется мнѣ. онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, картами доставать прокормленїе, говорить обо всемъ ни чего немысля, тяскаться по

дѣвкамъ, или врать чепуху барынямъ. Какимъ то образомъ фортуна вертясь на курей ножкѣ, приголубила его; и сынокъ мой небрѣя еще бороды, сталъ знатнымъ бояриномъ. Возмѣчталъ онъ о себѣ что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого полководца или градоначальника? -- Скажи по истинѣ отецъ чадолюбивый, скажи о истинный гражданинъ! незахочется ли тебѣ сынка твего, лучше удавить нежели оппустить въ службу. Небольно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатной бояринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того, что ихъ участь пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, пронырства гнушаяся? Невозрыдаешъ ли ты, что сынокъ твой любезной, съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь; отравлять и рѣзать людей, не своими всегда боярскими руками но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ.

Крестицкой дворянинъ, казалося мнѣ, былъ лѣтъ пятидесяти. Рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусыя власы главы его. Правильныя черты лица его, знаменовали души его спокойствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, незлобіемъ раждаемаго, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прельщающими; взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благораствореннаго разсудка, казалися подернуты легкою плѣною печали; но искры твердости и упованія пролѣтали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго, единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя, ускоряла во младшемъ развержение ума, а любовь братня, умѣряла успѣхъ въ наукахъ во стар-

шемъ. Понятïя о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни знали они равно, но острота разума и движенïя сердца, природа въ нихъ насадила различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начашки души неробкой и непоколебимости въ предпрïятïяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движенïе оныхъ, необманьчивый были знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. -- На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостïю, отъ горести предстоящей разлуки происходящею, а не отъ чувствованïя надъ собою власти или начальства. -- Рѣдкïя капли слезъ, точилися изъ ихъ очей. -- Друзья мои, сказалъ отецъ, сего дня мы разстанемся -- и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей. -- Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ обратясь ко мнѣ:

будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ предъ Свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное къ тому имѣю побужденіе, да приобрѣтутъ опытности, да познаютъ человѣка изъ его дѣяній, и наскучивъ грѣмленіемъ мирскаго жишія да оставятъ его съ радостію; но да имутъ отишіе въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудости. А для сего то остаюся я на нивѣ моей. Недаждь владыко всещедрый, недаждь имъ скитатися за милостынею вельможъ, и обрѣтати въ нихъ утѣшителя! Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ, ихъ сердце; да будетъ имъ творяй благостыню, ихъ разсудокъ. -- Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душъ вашихъ долженствуетъ. -- Еще повторю вамъ, сего дня мы разлучимся. -- Съ неизреченнымъ услажде-

нїемъ зрю слезы ваши, орошающїя ланиты вашего лица. Да опнссетъ сїе души вашей зыбленїе, совѣтъ мой во святая ее, да восколеблется она при моемъ воспоминовенїи, и дабуду отсущствень, оградою вамъ отъ золъ и печалей.

Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятїи мои, невосхотѣлъ николи, что бы кто либо былъ рачителемъ въ исполненїяхъ, до васъ касающихся. Никогда, наемная рачительница некасалася тѣлеси вашего, и никогда, наемный наставникъ некоснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности, бдѣло надъ вами денноночно, да неприближится васъ оскорбленїе; и блаженъ нарицаюся, доведши васъ до разлученїя со мною. Но невоображайте себѣ, что бы я хотѣлъ изторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченїе, или же признанїе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланаго. Вождаемъ собственныя корысти

побужденїемъ, предпрїемлемое на вашу пользу, имѣло всегда въ виду собственное мое услажденїе. И такъ изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властїю моею. Вы мнѣ ни чемъ необязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хощу искати твердости союза нашего. Онъ оснуется на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, если его въ забвенїи оставите! Образъ мой преслѣдуя нарушителю союза нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности его, и устроитъ ему казнь несносную, донеже невозвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы мнѣ ни чемъ недолжны. Возрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ наивеличайшемъ на земли благоденствїи. -- Если же оно безъ ощущенїя пребудетъ -- да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ неродитися. Даждь всещедрый, сего да не узрю,

опошедъ въ нѣдра твоя сїе предваряй! Недолжны вы мнѣ ни за воскормленїе, ни за наставленїе, а меньше всего за рожденїе. -- За рожденїе? -- Участники были ли вы въ немъ? Вопрошаемы были ли да рождени будете? На пользу ли вашу родишися имѣли, или во вредъ? Извѣстенъ ли отецъ и мать рождая сына своего, блаженъ будетъ въ жизнїи или злополученъ? Кто скажетъ, что вступая въ супружество, помышлялъ о наслѣдии и потомкахъ; а если имѣлъ сїе намѣренїе, то блаженства ли ихъ ради, произвести ихъ желалъ, или же на сохранение своего имени. Какъ желать добра тому, кого незнаю, и что сїе? Добромъ назваться можетъ ли желанїе неопредѣленное, помаваемое неизвѣстностїю? -- Побужденїе къ супружеству, покажетъ и вину рожденїя. Прельщенный, душевною паче добротою матери вашея, нежели лѣпотою лица, я употребилъ способъ вѣрный на взаимню горячность, любовь

искренную. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги. Но какое было побужденїе нашея любви? Взаимное услажденїе; услажденїе плоти и духа. Вкушая веселїе, природой повелѣнное о васъ мы немыслили. Рожденїе ваше намъ было пріятно, но не для васъ. Произведенїе самаго себя льстило тщеславїю; рожденїе ваше было новый и чувственный, такъ сказать, союзъ союзъ сердецъ подтверждающїй. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; подкрѣпляется онъ привычкою, ощущенїемъ своея власти, отраженїемъ похвалъ сыновнихъ къ отцу. -- Мать ваша, равнаго со мною была мнѣнїя, о ничтожности должностей вашихъ, отъ рожденїя происшѣкающихъ. Негордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, нетребовала признательности питая васъ своею кровїю; нехотѣла почтенїя за болѣзни рожденїя, ни за скуку воскормленїя сос-

цами своими. Она тщилася благую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но необязанность, не должность, или рабское повиновенїе. Недопустилъ ее рокъ зрѣти плодовъ ея насажденїй. Она насъ оставила, съ твердостїю хотя духа, но кончины еще нежелала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляяся ей, мы совсемъ ее непотеряемъ. Она поживетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдаете, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть, бесѣдовати о родшей васъ. Тогда мнится душа ея бесѣдуетъ съ нами, тогда становится она намъ присудственна, тогда въ насъ она является, тогда она еще жива. -- И отиралъ вѣщающїй, капли задержанныхъ въ душѣ слезъ. --

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденїе, толико же обязаны и за воскормленїе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ,

когда даю пищу псу, лижущему мою десницу; ихъ ли ради сїе дѣлаю? -- Отраду, увеселенїе, или пользу въ томъ нахожу мою собственную. Съ таковымъ же побужденїемъ производятъ воскормленїе дѣтей. Родившися въ свѣтъ вы стали граждане общества, въ коемъ живете. Мой былъ долгъ васъ воскормить; ибо если бы допустилъ до васъ кончину безвременную, былъ бы убїйца. Если я рачительнѣе былъ въ воскормленїи вашемъ, нежели бываютъ многїе, то слѣдовалъ чувствованїю моего сердца. Власть моя да пекуся о воскормленїи вашемъ, или небрегу о немъ; да сохраню дни ваши, или разточителемъ въ нихъ буду; оставлю васъ живыхъ, или дамъ умрети завременно; есть ясное доказательство, что вы мнѣ необязаны, въ томъ что живы. Если бы умерли отъ моего о васъ небреженїя, какъ по многїе умираютъ, мщенїе закона меня бы непреслѣдовало. -- Но скажутъ обязаны

ѣы мнѣ за ученїе и наставленїе. -- Немоей ли я вЬ томЬ искалЬ пользы, да благи будите. Похвалы воздаваемыя доброму вашему поведѣнїю, разсудку, знаніямЬ, искуству вашему, распростираяся на васЬ, отражаются на меня, яко лучи солнечны опіЬ зеркала. Хваля васЬ, меня хвалятЬ. Что успѣлЬ бы я если бы вы вдалися пороку, чужды были ученїя, тупы вЬ разсужденїяхЬ, злобны, подлы, чувствительности неимѣя. Нетолько сострадатель былЬ бы я вЬ вашемЬ косвенномЬ хожденїи, но жерпива, можетЬ бытЬ вашего неистовства. Но нынѣ спокоенЬ оспаюся, отлучая васЬ отЬ себя; разумЬ прямЬ, сердце ваше крѣпко, и я живу вЬ немЬ. О друзья мои, сыны моего сердца! родивЬ васЬ, многїя имѣлЬ я должности вЬ отношенїи кЬ вамЬ, но вы мнѣ ни чемЬ недолжны; я ищу вашей дружбы и любови; если вы мнѣ ее дадите, блаженЬ отыду кЬ началу жизни, и невозмущуся при кончинѣ

оставляя васъ на вѣки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнилъ должность мою въ воспитанїи вашемъ, обязанъ сказати нынѣ вамъ вину, по что васъ такъ, а неиначе воспитывалъ и для чего ссму а недругому васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитанїи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣянїй.

Со младенчества вашего принуждения вы нечувствовали. Хотя въ дѣянїяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, неощущали однакоже ни коли ея направленїя. Дѣянїя ваши были предъузнаны и предваряемы; нехотѣлъ я, что бы робость или послушанїе повиновенїя, малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ неперпящь велѣнїя безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я что уклонялися отъ пути мною назначеннаго,

устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда останавлялъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность неприсудствовала во мнѣ, когда казалося, нерачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, что бы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудите въ возрастѣ совершенномъ. И для того почасту ходили вы босы непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи возлѣжали на отдохновеніе, на скаміи или на камени. Неменьше старался я, удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды, наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ дороги къ

дому. Своль вкусенъ намъ казался тогда, хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской!

Неробщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что неимѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а некакъ обычай или мода велитъ; что одѣваетеся не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы а не чесателя. Неробщите если будете небрежены въ собранїяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что неумѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляяся, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, спрѣлять. Неопечальтеся, что вы скакать неумѣете какъ скоморохи. Вѣдайте, что лучшее плясанїе ни чего непредставляетъ величественнаго; и если нѣкогда тронуты будете зрѣнїемъ онаго, то любострастїе будетъ

тому корень, все же другое оному посстороннее. -- Но вы умѣете изображать, животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты Царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденїе, нетокмо чувствъ, но и разума. -- Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка приводя внутренность въ движенїе, дѣлаетъ мягкосердїе въ насъ привычкою. -- Научилъ я васъ и варварскому искуству сражаться мечемъ. Но сїе искуство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того невостребуетъ. Оно, уповаю, несдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы твердой имѣете духъ, и обидою несочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. -- Небоитесь сказать ни кому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите, или зажаренной вами кусокъ

мяса, будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности.

Во младенчествѣ и отрочествѣ, неотягощалъ я разсудка вашего, готовыми размышленіями, или мыслями чуждыми, неотягощалъ памяти вашей излишними предмѣтами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ опверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ приобрѣли нетвѣрдя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума небыли въ васъ дѣйствующи, непредлагалъ я вамъ понятія о всевышнемъ суще ипвѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо что, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣ

шало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу, пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній, непредразсудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, что бы вы могли сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукахъ, неоставилъ я ознакомить васъ съ различными народами, изъучивъ васъ языкамъ иносшраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной, да умѣете на ономъ изъ-

яснять ваши мысли словесно и письменно, что бы изъясненїе сїе было въ васъ непринужденно, и поту на лицѣ непроизводило. Аглинской языкъ, а потомъ Латинской, старался я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ. Ибо упругость духа вольности, переходя въ изображенїе рѣчи, приучитъ и разумъ къ твердымъ понятїямъ, столь во всякихъ правленїяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ я, направлять стопы ваши въ стезяхъ науки, тѣмъ бдѣтельнѣе тщился быть во нравственности вашей. Старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенїя, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, мщенїе производящїй. Мщенїе!... душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенїя, оставили только оберегательность своего сложенїя, поправъ желанїе возвращать уязвленїя.

Нынѣ настало то время, что чувствы ваши дошедъ до совершенства возбужденїя, но не до совершенства еще понятїя о возбуждаемомъ; начинаютъ тревожиться всякою внѣшностїю, и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Нынѣ достигли времени, въ которое, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланїя и недѣланїя; а лучше сказать, когда чувства доселѣ одержимыя плавностїю младенчества, начинаютъ ощущать дрожанїе, или когда жизненныя соки исполнивъ сосудъ юности, превышать начинаютъ его воскраїя, ища стезю свойственнымъ для нихъ стремленїямъ. Я сохранилъ васъ неприступными доселѣ превратнымъ чувствъ потрясенїямъ, но несокрылъ отъ васъ невѣденїя покровомъ, пагубныхъ слѣдствїй, совращенїя отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденїи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество, чувственнаго на-

сыщенїя, и возгнушалися; свидѣтели были страшнаго волненїя страстей, превысившихъ брега своего естественнаго теченїя, познали гибельныя ихъ опустошенїя, и ужаснулися. Опытность моя носяся надъ вáми, яко новый Егидъ охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленїй. Нынѣ будете сами себѣ вожди, и хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинанїй, ибо сердце и душа ваша мнѣ отверсты; но яко свѣтъ отдаляяся отъ предмѣта менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отриновенны моего присуъдствїя, слабое ощутите согрѣнїе моея дружбы. И для того преподамъ вамъ, правила единожитїя и общежитїя, дабы по усмиренїи страстей, невозгнушалися дѣянїй во оныхъ свершенныхъ, и непознали, что есть раскаянїе.

Правила единожитїя елико то касатся можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и

нравственности. Незабывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Упражненїе оныхъ умѣренное, укрѣпитъ ихъ неистощевая, и послужитъ ко здравїю вашему, и долгой жизни. И для того упражняйтеся въ искуствахъ, художествахъ и ремеслахъ вамъ извѣстныхъ. Совершенствованїе въ оныхъ, иногда можетъ быть нужно. Неизвѣстно намъ грядущее. Если непрїязненное щастїе отъимѣтъ у васъ все, что оно вамъ дало; богаты пребудете во умѣренности желанїй, кормяся дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства все небрежете, поздо о томъ думать во дни печали. Нѣга, излѣненїе и неумѣренное чувствъ услажденїе, губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряй тѣло невоздержностїю, изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленїе же силъ, укрѣпитъ тѣло а съ нимъ и духъ. Если почувствуешъ отвращенїе къ яствамъ, и болѣзнь постучится у дверей; воспряни тогда

отъ одра твоего, на немъ же лѣлѣешъ чувства твои, приведи уснувшїе члены твои въ дѣйствїе упражненїемъ, и почувствуешъ мгновенное силъ обновленїе; воздержи себя отъ пищи нужной во здравїи, и гладъ сдѣлаетъ пищу твою сладкою, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что на утоленїе глада, нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишенїе внѣшнихъ чувствованїй, сонъ, удалится отъ твоего возглавїя, и невозможешъ возобновить силъ разумныхъ и тѣлесныхъ; бѣги изъ чертоговъ твоихъ, и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ. и почїешъ во здравїе.

Будьте опрятны въ одежлѣ вашей; тѣло содержите въ чистотѣ; ибо чистота служитъ ко здравїю, а неопрятность и смрадность тѣла, нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но небудьте и въ семъ неумѣренны. Негнушайтесь, по-

собити поднимая погрязшую во рѣ тѣлегу, и тѣмъ облегчишь упадшаго; вымараеше руки, ноги или тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины уничиженїя; утѣшайте томящагося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему.

Нынѣ достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждатся начинаютъ, но разсудокъ слабъ еще на ихъ обузданїе. Ибо чаша разсудка безъ опытности, на вѣсахъ воли воздымется; а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ, къ равновѣсїю неиначе приближиться можно, какъ трудолюбїемъ. Трудитеся тѣломъ; страсти ваши нестоль сильное будутъ имѣть волненїе; трудитеся сердцемъ, упражняяся въ мягкосердїи, чувствительности, соболѣзнованїи, щедротѣ, отпущенїи, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитсся разумомъ,

упражняяся въ чтеніи, размышленіи, разысканіи истинны, или произшествій; и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но невозмните въ восторгѣ разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть со всѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самою природою. Когда чувствы наши, внѣшнія и внутреннія ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нѣе же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный человѣкъ, есть глупецъ и истуканъ нелѣпый, невозмогаяй ни благаго ни злаго Не достоинство есть, воздержатися отъ худыхъ помысловъ, немогши ихъ сотворить. Безрукой неможетъ уязвить ни кого; но неможетъ подать помощи утопающему, ни удержати на брегъ падающаго въ пучину моря. -- И такъ умѣренность во

страсти есть благо; шествїе во стезѣ средою, есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; безстрастїе есть нравственная смерть. Яко же шественникъ отдаляяся среды сицзи, вдается опасности ввергнутися въ тотъ или другой ровъ, такого бываетъ шествїя во нравственности. Но буде страсти ваши, опытностїю, разсудкомъ, и сердцемъ направлены къ концу благому, скинь съ нихъ бразды томнаго благоразумїя, не сокращай ихъ полѣта; мѣпа ихъ будетъ всегда вѣличїе; на немъ единомъ остановиться онѣ умѣютъ.

Но если я васъ побуждаю небыть безстрастными, паче всего потребно въ юности вашей, умѣренность любовныя страсти. Она природою насаждена въ сердцѣ нашемъ, ко блаженству нашему. И такъ въ возрожденїи своемъ никогда ошибиться неможетъ, но въ своемъ предмѣтѣ, и неумѣренности. И такъ блюдитеся, да неоши-

бетеся въ предмѣтѣ любви вашея, и да непочтете взаимною горячностїю оныя образъ. Съ благимъ же предмѣтомъ любви, неумѣренность страсти сея, будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила неприрода въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенїя произтекаетъ. Разуму вашему, едва шествїе свое начинающему, сїе бы было непонятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ, была бы вамъ неощутительна, а потому и безполезна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятїе, воспомяните о родшей васъ. Представте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызанїя, и приложите картину сїю къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое

содроганїе. Что оно есть? Познаете со временемъ; а днесь довольны будьте онаго ощущенїемъ.

Приступимъ нынѣ въ кращѣ къ правиламъ общежитїя. Предписать ихъ неможно съ точностїю; ибо располагаются они часто по обстоятельствамъ мгновенїя. Но дабы, колико возможно, менѣе ошибаться; при всякомъ начинанїи, вопросите ваше сердце; оно есть благо, и николи обмануть васъ неможетъ. Что вѣщаетъ оно, то и твориte. Слѣдуя сердцу въ юности неошибетеся, если сердце имѣете благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, неимѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ.

Правила общежитїя относятся ко исполненїю, обычаевъ и нравовъ народныхъ, или, ко исполненїю закона, или ко исполненїю добродѣтели. Если въ обществѣ нравы и обычаи непротивны закону, если законъ неполагаетъ добродѣтели преткновенїй въ ея ше-

ствїи, то исполненїе правилъ общежитїя есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ, многими наполнены во нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ, противорѣчїями. И отъ того трудно становится, исполненїе должности человѣка и гражданина, ибо нерѣдко онѣ находятся въ совершенной противуположности.

Понеже добродѣтель, есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненїе ея, ни чемъ недолженствуетъ быть препинаемо. Небреги обычаевъ и нравовъ, небреги закона гражданскаго и священнаго, сполъ святыя въ обществѣ вещи, буде исполненїе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Недерзай николи нарушенїя ея, прикрывати робостїю благоразумїя. Благодественъ безъ нея будешъ во внѣшности, но блаженъ николи.

Послѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы приобрѣ-

шемъ благопрїятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписанїе закона, можемъ приобрѣсти, названїе честнаго человѣка. Исполняя же добродѣтель, приобрѣтемъ общую довѣренность, почтенїе и удивленїе, даже и въ тѣхъ, кто бы не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный Аѳинскїй Сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу, трепеталъ во внутренности своей, предъ его добродѣтелїю.

Недерзай никогда исполнять обычая въ предосужденїе закона. Законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, неповинуися ему, ибо онъ заблуждаетъ, себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, яко же нарушенїе онаго повелѣетъ; тогда повинуйся, ибо въ Россїи Государь есть источникъ законовъ.

Но если бы, законъ или Государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушенїе

добродѣтели, пребудь въ оной неколебимъ. Небойся ни осмѣянїя, ни мученїя, ни болѣзни, ни започенїя, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, яко камень сред̀и бунтующихъ но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою; и если предадутъ тебя смерти, осмѣяны будутъ, а ты поживешъ на памяти благородныхъ душъ, до скончанїя вѣковъ. Убойся заранѣе, именовать благоразумїемъ, слабость въ дѣянїяхъ, сего перваго добродѣтели врага. Сего дня нарушишъ ее уваженїя ради каковаго, завтра нарушенїе ея казаться будетъ самою добродѣтелїю; и такъ порокъ воцарится въ сердцѣ твоемъ, и исказишъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденїя къ первымъ суть всегда мягкосердїе, кротость, соболѣзнованїе, и корень всегда ихъ благъ. Побужденїя къ добродѣте-

лямъ общественнымъ, нерѣдко имѣютъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того ненадлежитъ останавливаться въ исполненіи ихъ. Предлогъ надъ нимъ же вращаются, придаетъ имъ важности. Въ спасшемъ Курціи отечество свое, отъ пагубоносныя язвы, никто незритъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнію, но Ироя. Если же побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ, начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтеся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могли удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ, нѣкоторыя исполнительныя правила жизни. -- Старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ, заслужитъ собственное свое почтеніе; дабы обращая во уединеніи взоры свои во внутрь себя, непокмо немогли бы вы раскаяваться о сдѣлан-

номъ, но взирали бы на себя со благоговѣнїемъ.

Слѣдуя сему правилу удаляйшеся, елико то возможно, даже вида раболѣпствованїя. Вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай. Посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ; обычай скаредной, ничего незначущей, показующей въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надмѣнности, и слабой разсудокъ. У Римлянъ было похожее сему обыкновенїе, которое они называли амбицїо, то есть снисканїе или обхожденїе; а отъ туда и любочестїе названо амбицїо, ибо посѣщенїями именитыхъ людей, юноши снискивали себѣ путь, къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у Римлянъ обычай сей введѣнъ былъ для того, что бы молодые люди обхожденїемъ съ испытанны ли научалися, то сомнѣваюсь, что бы цѣль въ обычаѣ семъ, всегда непорочна

сохранилася. Въ наши же времена посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею никто неимѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. Итакъ да непреступитъ нога ваша, порога отдѣляющаго раболѣпство, отъ исполненія должности. Непосѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нее отличитъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде, нежели въ благомъ пути отвердѣете; и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка; то неотчаевайтеся, согляда иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя, возлюбите добро. Разпутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надѣжду исправленія; ибо сколь-

зятъ по поверхности сердца, его неуязвляя. Я лучше желаю что бы во младыхъ лѣтахъ вашихъ, вы были разпутны, расточительны, наглы; нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ, нежели чемъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположенїе въ щегольствѣ, означаетъ всегда сжатой разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлїй Кесарь былъ щеголь; но щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его, была къ сему побужденїемъ. Но онъ изъ щеголя, облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженїю его желанїй.

Во младомъ человѣкѣ, нетокмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣянїями жизни, прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбїе, гордость,

любомщенїе, звѣрство; то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ, блескомъ ясной наружности, хотя не-найдете ни кого столь любящаго васъ, да представишъ вамъ зерцало истины; немните однако же, запмишь взоры прозорливости. -- Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувствительница увѣдать станетъ прикосновенїемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Проспите возлюбленные мои, проспите друзья души моей; днѣсь при сопутномъ вѣтрѣ, отчальте отъ брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житїя человѣческаго, да научитеся управлять сами собою. Блажени, непретерпѣвъ крушенїя, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте щастливы во плаванїи вашемъ. Се искренное мое

желанїе. Естественныя силы мои изтощавъ движенїемъ и жизнїю, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ на вѣки; но се мое вамъ завѣщанїе. Если ненавистное щастїе, изтощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли неостанется, если доведенну до крайности, небудетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенїя; тогда воспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. -- Умри. -- Въ наслѣдїе вамъ оставляю слово умирающаго Катона. -- Но если во добродѣтели умрети возможешъ, умѣй умреть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ. -- Если забывъ мои наставленїя поспѣшать будешъ на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели, возтревожится; являюся тебѣ въ мечтѣ. -- Возпряни отъ ложа твоего, преслѣдуй душевно моему видѣнїю. -- Если тогда източится слеза изъ очей

твоихъ, то усни паки; пробудишся на исправленїе. Но если среди злыхъ твоихъ начинанїй, воспоминая обо мнѣ, душа твоя незыбнется, и око пребудетъ сухо... Се спаль, се отрава. -- Избавь меня скорьби; избавь землю поносныя тяжести. -- Будь мой еще сынъ. -- Умри на добродѣтель.

Вѣщавшу сїе старцу, юношескїй румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованїя, черты лица сїяли сверхъестественнымъ веществомъ. -- Онъ облобызалъ дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разстанїя. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться; упругая сїя душа, смягчилася. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; онъ руки свои простиралъ въ слѣдъ за отъѣзжающими; казалося, будто желаетъ остановить стремленїе коней. Юноши узрѣвъ из-

дали родшаго ихъ въ такой печали, возрыдали сполъ громко, что вѣтръ, доносилъ жалостной ихъ стонъ до слуха нашего. Они простирали такъ же руки къ отцу своему; и казалося будто его къ себѣ звали. Немогъ старецъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятїя. Между тѣмъ, пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей, отъ взоровъ нашихъ: пришедъ въ себя старецъ, сталъ на колѣни и возвѣлъ руки и взоры на небо: Господи, воззопилъ онъ, молю тебя, да укрѣпишъ ихъ въ стезяхъ добродѣтели, молю блажени да будутъ. Вѣси, николи неупруждалъ тебя Отецъ всещедрый, безполезною молитвою. Увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее тебѣ въ насъ, есть добродѣтель; дѣянїя чистаго сердца, суть наилучшая для тебя жертва.... Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ. .... Господи да будетъ на нихъ воля

твоя. -- Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слово Крестицкаго дворянина невыходило у меня изъ головы. Доказательства его, о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, казалися мнѣ неоспоримы. Но если въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, что бы юноши почитали старцевъ, и неопытность совершенство, то нѣтъ кажется нужды, власть родительскую дѣлать безпредѣльною. Если союзъ между отцемъ и сыномъ, не на нежныхъ чувствованіяхъ сердца основанъ, то онъ конечно нетвердъ; и будетъ нетвердъ, во преки всѣхъ законоположеній. Если отецъ въ сынѣ своемъ видитъ своего раба, и власть свою ищетъ въ законоположеніи; если сынъ почитаетъ отца наслѣдія ради; то какое благо изъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазу-

хой..... Отецъ обязанъ сына воскормить и научить, и долженъ наказанъ быть за его проступки, доколѣ онъ невойдетъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ должности свои да обрящетъ въ своемъ сердцѣ. Если онъ ни чего неощущаетъ, то виновенъ отецъ, по что ничего ненасадилъ. Сынъ же въ правѣ требовати отъ отца вспомоществованія, доколѣ пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи естественная сія и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ ищетъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда сіи возмужаютъ. Се есть законъ природы. Если гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать или наставника, доколѣ любленіе его необратится ко другому предмѣту. Да неоскорбится симъ сердце твое отецъ чадолюбивый;

естество того требуетъ. Единое въ томъ тебѣ утѣшеніе да будетъ воспоминая, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца, до совершеннаго только возраста. Тогда же отъ тебя зависѣть будетъ, обратить его горячность къ тебѣ. Если ты въ томъ успѣешь, блаженъ и почтенія достоинъ. -- Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

Я Ж Е Л Б И Ц Ы.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытанїе. Я отецъ, имѣю нѣжное сердце, къ моимъ дѣтямъ. Для того то слово Кресницкаго дворянина, меня споль тронуло. Но потрясши меня до внутренности, изліяло нѣкое усладительное чувствованїе надѣжды, что блаженство наше въ отношенїи дѣтей нашихъ, зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было, быть зрителемъ позорища, которое глубокїй корень печали, оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды, на его истребленїе. О юность! услыши мою повѣсть; познай свое заблужденїе; воздержись отъ произвольныя гибели; и пресѣки путь къ будущему раскаянїю.

Я проѣзжалъ мимо кладьбища. Необыкновенной вопль терзающаго на себѣ власы человѣка, понудилъ меня

остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребенїе. Надлежало уже гробъ опускать въ могилу, но тотъ, котораго я издали зрѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и ухватясь за оной весьма крѣпко, недозволялъ оной опускать въ землю. Съ великимъ трудомъ, отвлекли его отъ гроба, и опустя оной въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущїй вѣщалъ къ предстоящимъ: почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ непогребли живаго, и нескончали моей скорби и раскаянїя. Вѣдайте, вѣдайте, что я есмь убїйца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Недивитеся сему. Я непрекратилъ жизни его ни мечемъ, ни отравою. Нѣтъ я болѣе сего сдѣлалъ. Я смерть его уготовалъ до рожденїя его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убїйца, каковыхъ много, но есмь убїйца люпѣйшїй другихъ. Убїйца сына моего до ро-

жденїя его. Я, я единъ прекратилъ дни его, излїявъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во все время житїя своего, ненаслаждался онъ здравїемъ ни дня единаго; и томящагося въ силахъ своихъ, развѣрстїе яда пресѣкло теченїе жизни. Никто, никто мѣня ненакажетъ за мое злодѣяніе! — Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его, и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста. —

Нечаянный хладъ разлїялся въ мо-

ихъ жилахъ. Я оцепенѣлъ. Казалося мнѣ, я слышалъ мое осужденїе. Воспомянулъ дни, распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда востревоженная чувствами душа, гонялася за ихъ услажденїемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи, истиннымъ предмѣтомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастїи, навлекло тѣлу моему, смрадную болѣзнь. О если бы недалѣе она корень свой испускала!

О если бы она съ уполенїемъ любострастїя прерывалася! Прїявъ отраву сїю въ веселїи, непокмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдїе нашему потомству -- О друзья мои возлюбленные, о чада души моей! Невѣдаете вы, колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело, есть мое осужденїе. Страшусь возвѣстишь вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, можетъ быть меня, и въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы неносите въ крови вашей сокровеннаго жала, опредѣленнаго, да скончаетъ дни ваши безвременно. Прїявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, запвердѣлость моихъ членовъ противилася его распространенїю, и боретися съ его смертоносностїю. Но вы прїявъ его отъ рожденїя вашего, нося его въ себѣ, какъ нужную часть сложенїя; какъ воспротивитесь разруши-

тельному его созженїю? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствїя сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденїи моего юношества, призовите на помощь врачебное искуство, и если можете, не ненавидьте меня

Но теперь отверзается очамъ моимъ, все пространство сего любострастнаго злодѣянїя. Согрѣшилъ предомною, навлекши себѣ безвремянную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ предъ вами, отравивъ жизненныя ваши соки, до рожденїя вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравїе, и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ, и сїе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносныи ядъ изпочаяся въ веселїи преселился въ чистое ея тѣло, и отравилъ непорочны ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ,

чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспрепила мнѣ ее въ томъ предостеречь; она же неостерегалася отравителя своего, въ горячности своей къ нему. Воспаленїе, ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы.... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сїя смрадная болѣзнь, во всѣхъ Государствахъ дѣлаетъ столь великїя опустошенїя, нетокмо пожиная много настоящаго поколѣнїя, но сокращая дни грядущихъ? Кто причиною, развѣ неправительство? Оно дозволяя разпутство мздоимное, отверзаетъ нетокмо путь ко многимъ порокамъ; но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находятъ защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ Государствахъ, состоятъ подъ покровительствомъ начальства. Если бы, говорятъ нѣкоторые, запрещено было наѣмное удовлѣтворе-

нїе любовныя страсти, то бы нерѣдко были чувспвуемы, сильныя въ обществѣ потрясенїя. Увозы, насилїя, убїйство, нерѣдко бы источникъ свой имѣли въ любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основанїя обществъ.— И вы желаѣте лучше тишину и съ нею томленїе и скорбь, нежели тревогу и съ нею здравїе и мужество. Молчите скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ засыпляемыхъ лестїю въ оковы. Боится оно даже постороннїя тревоги. Желалобы, чтобъ вездѣ одинако съ нимъ мыслили, дабы надежно лѣлѣятся въ величествѣ и утопать въ любострастїи..... Я неудивляюся глаголамъ вашимъ. Сродно рабамъ желати, всѣхъ зрѣть въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребїй, а превосходство чьѣ либо, тягчитъ ихъ разумъ и духъ.

В А Л Д А И.

Новой сей городокъ, сказываютъ, населенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Сей городокъ достопамятѣнъ, въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ незамужнихъ.

Кто небывалъ въ Валдаяхъ, кто незнаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдаискихъ разрумяненыхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ, и стараются возжигать въ пушешествениикѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью, на щетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей, сея въ города произведѣнныя деревни, со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешъ, что она есть наидревнѣйшая и что развратные нравы, суть единые токмо

остатки ея древняго построенїя. Но какъ немного болѣе ста лѣтъ какъ она населена, по можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованїй. Путешественникъ условясь о пробываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Наспала ночь. Баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаетъ или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ея, или сосѣдки. Отираютъ его утомлѣнные члены; омываютъ его грязь. Сїе производятъ совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огнь, и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здравїе и драгоцѣнное на путешествїе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и опятченнаго любо-

вными подвигами и виномъ путешественника, сіи любострастныя чудовища, предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Невѣдаю, правда ли сіе, но то правда, что наглость Валдайскихъ дѣвокъ сократилася. И хотя они неоткажутся и нынѣ удовлетворить желаніямъ путешественника, но прежней наглости въ нихъ невидно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, достопамятно останется въ повѣствованіяхъ жертвовавшаго монаха жизнію своею, ради своей любовницы. Въ полупорѣ верстѣ отъ города, среди озера, на островѣ, находится Иверской монастырь, славнымъ Никономъ Патріархомъ построенный. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ спала взаимною, скоро стремились они къ совершенію ея. Единожды насладившися ея весе-

емъ, не въ силахъ они были противиться ея стремленїю. Но состоянїе ихъ полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто изъ монастыря своего; любовницѣ нельзя было посѣщать кельи своего любовника. Но горячность ихъ все преодолѣла; изъ любострастнаго монаха она сдѣлала неустрашимаго мужа, и дала ему силы почти чрезъестественныя. Сей новый Леандръ, дабы наслаждаться веселїемъ ежедневно въ объятїяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровомъ все эримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и совлекая свои ризы, преплывалъ озеро до противустоящаго берега, гдѣ воспрїемлемъ былъ въ объятїя своей любезной. Баня и въ ней утѣхи любовныя для него были готовы; и онъ забывалъ въ нихъ опасность и трудность преплыванїя, и боязнь, если бы отлучка его стала извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта, возвращался онъ

въ свою келью. Тако препроводилъ онъ долгое время въ сихъ опасныхъ преплытїяхъ, награждая веселїемъ ночнымъ, скуку дневнаго заключенїя. Но судьба положила конецъ, его любовнымъ подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы на зрѣнїе своей любезной, внезапу возсталъ вѣтръ ему противной, будущу ему на средѣ пути его. Всѣ силы его немощны были, на преодоленїе раз' яренныхъ водъ. Тщетно онъ утомлялся напрягая свои мышцы; тщетно возвышалъ гласъ свой, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамѣрился онъ возвратиться къ монастырю своему, дабы, имѣя попутной ветръ, тѣмъ легче онаго достигнуть. Но едва обратилъ онъ шествїе свое, какъ валы, осиливъ его утомленныя мышцы, затопили его въ пучинѣ. На утрїе тѣло его найдено на отдаленномъ берегу. Если бы я писалъ

Поэму на сїе, то бы читателю моему представилъ любовницу его въ описанїи. Но сїе было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновенїе, скорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Невѣдаю и того, бросилась ли сїя новая Геро въ озеро; или же въ слѣдующую ночь, паки топила баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что Валдайскїя красавицы отъ любви неумирали .... развѣ въ больницѣ.

Нравы Валдайскїе переселился и въ близь лежащей почтовой станъ, Зимногорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ. Прежде всего представятся взорамъ разрумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался, съ мазанными Валдайскими и Зимногорскими Сиренами.

ЕДРОВО.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ кибитки. Неподалеку отъ дороги надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ея стремленїю направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Толпа сїя состояла болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ они были въ праздничной одѣждѣ, шеи голыя, ноги босыя, локти наружѣ, платье зашкнутое спереди за поясъ, рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное. Прїятности загрубѣвшїя хотя, отъ зноя и холода, но прелестны безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ, въ устахъ улыбка, или смѣхъ сердечной; а отъ него виденъ становился рядъ зубовъ, бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щего-

лихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда любезныя наши боярыньки Московскїе и Петербурскїя, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубнаго врача унихъ нѣтъ. Несдираютъ они каждой день лоску съ зубовъ своихъ ни щепками ни порошками. Станьте, съ которою изъ нихъ вы хотите, ротъ со ртомъ; дыханїе ни одной изъ нихъ незаразитъ вашего легкаго. А ваше, ваше можетъ быть, положитъ въ нихъ начало . . . . болѣзни . . . . . боюсь сказать какой; хотя незакраснѣетесь, но расердитесь. -- Развѣ я говорю неправду? -- Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобою же; другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или чего Боже спаси, ежедневныхъ любовниковъ. Познакомясь сего дня и совершивъ свое желанїе, завтра его незнаетъ; да и того иногда не-

знаетъ, что уже она однимъ его поцѣлуемъ заразилася. — А ты голубушка моя пятнадцати лѣтняя дѣвушка, ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ невыхаживалъ; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго старика Генерала, и спѣшитъ тебя выдать за мужъ, для того только, что бы несдѣлать съ тобой визита воспитательному дому. А за старикомъ то жить нехудо, своя воля; только бы быть за мужемъ, дѣти всѣ его. Ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше; болѣе удовольствія въ украденныхъ успѣхахъ; съ первой ночи приучить его можно, неслѣдовать глупой старой модѣ, съ женою спать вмѣстѣ. —

И непримѣтилъ, какъ вы, мои любезныя городскія свашьюшки, шепу-

шки, сестрицы, плѣмянницы и проч. меня долго задержали. Вы право того нестоите. У васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности . . . . сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда, есть между ими на васъ похожїя, но есть такїя, каковыхъ въ городахъ слыхомъ неслыхано и видомъ невидано. . . . . Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены. Вамъ смѣшно что у нихъ ступни въ пять вершковъ, а можетъ быть и въ шесть. Ну любезная моя племянница, съ трехъ вершковою твоею ножкою, стань съ ними рядомъ, и бѣгите въ запуски; кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей? а — а — ето нетвое дѣло. — А ты сестрица моя голубушка, съ трехъ четвертнымъ своимъ станомъ въ охватѣ, ты изволишъ из-

дѣвашься, что у сельской моей русалки, брюшко на волѣ выросло. Постой моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою. Ты ужъ десятой мѣсяцъ за мужемъ, и ужъ трехъ четверпной швой спанъ изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ, запоешъ другимъ голосомъ. Но дай Богъ, что бы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зяшюшка ходишъ повѣся носъ. Уже всѣ швои шнурованья бросилъ вѣ огонь. Кости изъ всѣхъ швоихъ платьевъ повышаскалъ, но уже поздо. Сросшихся швоихъ на криво составовъ шѣмъ несприямишъ. -- Плачь мой любезной зять, плачь. Мать наша, слѣдуя плачевной и смертїю разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многїя лѣша шебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложенїе. Она теперь возносишъ надъ главою ея смертоносное острїе; и если оно некоснешся дней швоея супруги, благодари слу-

чай; а если вѣришь, что провидѣніе Божіе отомъ забопилося, по благодари и его, коли хочешъ. -- Но я еще съ городскими боярыньками. -- Вотъ что привычка дѣлаетъ; отвязаться отъ нихъ нехочется. И право съ вами бы неразстался, если бы могъ довести васъ до того, что бы вы лица своего и искренности нерумянили. Теперь прощайте. --

Покуда я глядѣлъ на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрялся итти за нею въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ двадцати, а конечно неболѣе семнадцати, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись съ ней, началъ я съ нею разговоръ. -- Нетрудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать незнаю. -- Меня зовутъ Анною, а ноша моя нетяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя баринъ непопро-

сила мнѣ пособить. -- Къ чему такая суровость, Аннушка душа моя, я тебѣ худова нежелаю. -- Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты; пожалуй проходи своею дорогою. -- Анютушка я право нешаковъ, какъ я тебѣ кажуся, и нешаковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь. Тѣ, думаю, такъ неначинаютъ разговора, съ деревенскими дѣвками; а всегда поцѣлуемъ; но я хотя бы тебя поцѣловалъ, то конечно бы такъ, какъ сестру мою родную. -- Неподъѣзжай пожалуй; расказы таковыя я слыхала; а коли ты худова немыслишъ, чего же ты отъ меня хочешъ? -- Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать, если у тебя отецъ и мать, какъ ты живешъ, богато ли или убого, весело ли, если у тебя женихъ? -- А на что ето тебѣ баринъ. Отъ роду въ первой разъ такія слышу рѣчи. -- Изъ сего судить можешъ Анюта, что я ненегодяй, нехочу тебя обругать, или обезчестить.

Я люблю женщинъ для того, что они соотвѣтственное имѣютъ сложенїе моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ, или крестьянокъ для того, что онѣ незнаютъ еще притворства, неналагаютъ на себя личины притворныя любви, а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца, и искренно..... Дѣвка въ сїе время смотрѣла на меня выпяля глаза съ удивленїемъ. Да и такъ быть должно; ибо кто незнаетъ, съ какою наглостїю дворянская дерзкая рука, поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрїю шутки, съ деревенскими дѣвками. Онѣ въ глазахъ дворянъ старыхъ и малыхъ, суть твари созданныя на ихъ угожденїе. Такъ они и поступаютъ; а особливо съ нещастными, подвластными ихъ велѣнїямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущенїе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ; нѣкакїя крестьяне (повѣсть сїя нелжива) связавъ своего господина везли

его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина. Онъ во всемъ былъ господинъ доброй и человѣколюбивой, но мужъ небылъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія, шу которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ бо дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда, выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто неповѣдали вы сего, законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкой взоръ смерти, образъ мыслей его перемѣнилъ, и далъ жизненнымъ его сокамъ, другое теченіе. -- Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. . . . . Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ. . . . .

Если баринъ ты нешутишь, сказала мнѣ Анюша, то вотъ что я тебѣ скажу; у меня отца нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два, есть матушка да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ пять лошадей, и три коровы. Есть и мелкаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ дому работника. Меня было сватали въ богатой домъ, за парня десятилѣтняго; но я незахотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ; я его любить небуду. А какъ онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того то незахотѣлось итти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ несомнѣваюсь. Гулять съ молодцами нелюблю, а за мужъ баринъ хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Анюта

потупя глаза. -- Скажи душа моя Анютушка, неспыдись; всѣ слова въ устахъ невинности, непорочны. -- Вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ, годъ шому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣлки. Мужъ ее любитъ, а она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья, родила ему сынка. Всякой вечеръ она выходитъ пестовать его за ворота. Она на него ненаглядится. Кажется, будто и паренекъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему, агу, агу, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякой день; мнѣ бы ужъ хотѣлось самой имѣть такова же паренька. . . . . Я немогъ шутъ выперпѣть и обнявъ Анюту поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца. -- Смотри баринъ какой ты обманьщикъ, ты ужъ играешъ со мною. Поди сударь прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, сказала Анюта заплакавъ. Кабы

батюшка живъ былъ и ето видѣлъ, то бы даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шѣю. -- Неоскорбляйся моя любезная Анютушка, неоскорбляйся, поцѣлуй мой неосквернитъ твоей непорочности. Она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенїя и былъ изторгнутъ восхищенїемъ глубоко тронутыя души. Небойся меня любезная Анюта, неподобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятїе непорочности не во что вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь тебѣ Богомъ, что бы недерзнулъ на него. -- Разсуди самъ баринъ, какъ неосердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе всѣ ужъ опданы, и я въ нихъ невластна. -- Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умѣешь. Ты нашла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешь блаженна. Ни что нераз-

вратитъ союза вашего. Небудетъ ты окружена соглядателями, въ сѣти пагубы уловить тебя стрегущими. Небудетъ слухъ сердечнаго друга твоего, уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на нарушеніе его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же моя любезная Анюша, ты лишена удовольствія наслаждаться щастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга? -- Ахъ баринъ, для того что его неотдаютъ къ намъ въ домъ. Просятъ ста рублей. А матушка меня неотдаетъ; я у ней одна работница. -- Да любитъ ли онъ тебя? -- Какъ же нетакъ. Онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги. . . . Ему хочется такова же паренька. Грусно мнѣ будетъ; но быть терпѣть. Ванюха мой хочетъ или на баркахъ въ Питеръ въ работу, и неворотится, покуда невыработаетъ сто рублей для своего выкупа. -- Непускай его любезная Аню-

шушка, непускай его; онъ идетъ на свою гибель. Тамъ онъ научится пьянствовать, мотать, лакомиться, нелюбить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ. — Ахъ баринъ нестращай меня, сказала Анюта почти заплакавъ. -- А тѣмъ скорѣе Анюта, если ему случится служить въ дворянскомъ домѣ. Господской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижнїе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва развращенія, достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума; кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ. -- Да какъ же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ небывать замужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ негуляетъ; меня неотдаютъ къ нему въ домъ; то высватаютъ за него другую, а я бѣдная умру съ горя..... Сїе говорила она проливая горькїя слезы. -- Нѣтъ моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за нимъ. Поведи меня къ своей матерѣ.

-- Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь. Проходи мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и небьетъ, но одно ея слово мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ. -- Нѣтъ моя Анюта я пойду съ тобою;... и недожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ налѣстницу въ избу. Анюта мнѣ кричала въ слѣдъ, постой баринъ, постой. Но я ей невнималъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила; подлѣ нее на лавкѣ сидѣлъ будущей ея зять. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю, чтобы дочь ея была за мужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. Спасибо баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришедъ сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ воскресенье будетъ свадьба. -- Пускай же посуленное отъ меня,

будетъ Анютѣ въ приданое. -- И на томъ спасибо. Приданова бояре дѣвкамъ даромъ недаютъ. Если ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешъ ей приданое, то Богъ тебя накажетъ за твое безпутство; а денегъ я невозьму. Если же ты доброй человѣкъ и неругаешся надъ бѣдными, то взявъ я отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумаютъ. Я немогъ надивиться, нашедъ толико благородства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану, на заведеніе дому; но онъ мнѣ сказалъ: у меня Баринъ есть двѣ руки, я ими домъ и заведу. Пирмѣтивъ, что имъ мое присудствіе было неочень пріятно, я ихъ оставилъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мысли моей невыходила. Невин-

ная ея откровенность, мнѣ нравилась безмѣрно. Благородной поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка нехотѣла у меня взять, непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которыя въ соразмѣрности состояній долженствуютъ быть для Полковницы, Совѣтницы, Маіорши, Генеральши, пять, дѣсять, пятнадцать тысячь или болѣе; если же Госпожѣ Полковницѣ, Маіоршѣ, Совѣтницѣ, или Генеральшѣ, ... (въ соразмѣрности моего посула Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицемъ недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатной бояринъ, седмидѣсятой, или чего Боже сохрани, седмьдѣсятъ второй пробы, посулитъ пять, десять, пятнадцать тысячь, или глухо знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или

выпроситъ въ почетныя дѣвицы; то я васъ вопрошаю городскія матушки, неїокнетъ ли у васъ сердечко? незахочется ли видѣть дочку въ позлащенной каретѣ, въ брилїантахъ, ѣдущую четвериею, если она ходитъ пешкомъ, или ѣдущею цугомъ, вмѣсто двухъ замореныхъ клячь, которыя ее таскаютъ? Я согласенъ въ томъ съ вами, что бы вы обрядъ и благочинїе сохранили, и нетакъ легко здалися, какъ театральныя дѣвки. Нѣтъ мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ или на два, но неболѣе. А если долѣ заставите воздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ будучи занятъ дѣлами Государственными, васъ оставитъ, дабы нетерять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребитъ можетъ на пользу общественную. -- Тысяча голосовъ на меня подымаются; ругаютъ меня всякими мерскими названїями; мошенникъ, плутъ, кан... бес... ипр. ипр. ...

Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести непоношу. Уже ли всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало; кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, та брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы и на ту я неподамъ, суда по формѣ говорить съ ней нестану.--

Анюта, Анюта, ты мнѣ голову скружила! Для чего я тебя неузналъ лѣтъ 15 тому назадъ. Твоя отровенная невинность любострастному дерзновенію неприступная, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первой мой въ жизни поцѣлуй небылъ тотъ, которой я на щекѣ твоей прилѣпилъ, въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности, проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избѣгнулъ скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ наемницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, ненарушилъ бы союза родства, моею плотскою несытостію; дѣв-

ственность была бы для меня святая святыхъ, и ея коснуться недерзнулъ бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленїя твоею незастенчивою невинностїю. Увѣренъ, что обратишъ на путь добродѣланїя, начинающаго съ онаго совращаться, и укрѣпишъ въ немъ къ совращенїю наклоннаго. Невозтревожся, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшей въ объятїяхъ безстудства, мимо тебя пройдетъ, и тебя презритъ; не-щщися воспретитъ его шествїю, усла-жденїемъ твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмаз-ною корою. Неможетъ благодѣтель-ное жало, невинныя добродѣтели, по-ложитъ на немъ глубокїя черты. Ко-нецъ ея скользнетъ, по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее острїе твое неприступится. Но непропусти юношу, опасными лѣ-поты прелестями облеченнаго; улови его въ твои сѣти. Онъ гордъ, над-

менень, порывистъ, наглъ, дерзновенень, обидящь, уязвляющь, кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатлѣнїю, и отверзется на воспрїятїе твоего благотворнаго примѣра. — Анюта я съ тобой немогу разстаться, хотя уже вижу двадцатой столпъ отъ тебя. —

Но что такое за обыкновенїе, о которомъ мнѣ Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить? По что неополчится рука законы хранящая, на искорененїе толикаго злоупотребленїя? Въ Христїанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ, соглашенїе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ неравной бракъ благословить, или какой судїя можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть неможетъ. Сїе запрещаютъ правила естественности, яко вещь безполез-

ную для человѣка; сїе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскїй, яко вреднос для общества. Мужъ и жена въ обществѣ, суть два гражданина, дѣлающїе договоръ въ законѣ утвержденной, которымъ обѣщаваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденїе (да недерзнетъ здѣсь ни кто оспорить первѣйшаго закона сожитїя, и основанїя брачнаго союза; начало любви непорочнѣйшїя; и твердый камень основанїя супружняго согласїя) обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стяжанїе, возращать плоды своея горячности, и дабы жить мирно другъ друга неуязвлять. При неравенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условїе сего соглашенїя? Если мужъ десятми лѣтъ, а жена двадцати пяти, какъ то бываетъ часто во крестьянствѣ; или, если мужъ пятидесяти а жена пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ, можетъ ли быть взаимное чувствъ усла-

жденїе. Скажите вы мнѣ мужья старички, но скажите посовѣсти, спомните ли вы названїя мужа. Вы можете только возжечь огнь любовной, не въ состоянїи его утушить. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы; то можетъ ли положительной законъ быть твердъ, если основанїя неимѣетъ въ естественности? Скажемъ яснѣе онъ и несуществуетъ. -- Возращать плоды взаимной горячности. -- Но можетъ ли тутъ быть взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ ли быть плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающїя росы? А если плодъ когда и будетъ, но будетъ онъ тощъ, невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнїю. -- Неуязвлять другъ друга. -- Се правило предвѣчное, вѣрное, буде щастливою въ супругахъ симпатїею, чувства ихъ равномѣрно услаждаются,

то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро утихаютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости, подернетъ чувственное веселіе, непроницаемою корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую древность лѣтъ. -- Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо. Жить вмѣстѣ. -- Но будетъ ли въ томъ взаимность. Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданникъ и рабъ совѣршенный, велѣніе господа своего исполнять только могущій. -- Вотъ Анюта благія мысли тобою мнѣ внушенныя. Прости любезная моя Анютушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ, наслѣдятъ въ нихъ.

Хопиловской ямъ былъ уже въ виду, а я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души моей вос-

кликнулъ громко: о Анюта! Анюта! Дорога была негладка, лошади шли шагомъ; повозчикъ мой вслушался въ мою рѣчь, оглянувшись на меня: видно Баринъ, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Анютку нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Неодному тебѣ она носъ уперла.... Всемъ взяла.... На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! всѣхъ за поясъ заткнетъ, хоть бы кого.... А какъ пойдетъ въ полѣ жать... загляденье Ну... братъ Ванька щастливъ.-- Иванъ братъ тебѣ?--Братъ двоюродной. Да вѣть и парень! Трое вдругъ молодцовъ стали около Анютки свататься; но Иванъ всѣхъ отбаярилъ. Они и темъ и семъ, но непутьта. А Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ.... (Мы уже въѣзжали въ околицу).... Тото Баринъ! Всякъ пляшетъ да некакъ скоморохъ. -- И къ почтовому двору подъѣхалъ.

Всякъ пляшетъ, да некакъ скоморохъ, швердилъ я вылѣзая изъ кибитки.... Всякъ пляшетъ да некакъ скоморохъ, повторилъ я наклоняяся, и поднявъ развёртывая.....

ХОТИЛОВЪ.

Проектъ въ будущемъ.

Доведя поспепенно любезное отечество наше, до цвѣтущаго состоянїя, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художеспва и рукодѣлїя, возведенныя до высочайшїя совершенства степени, до коей человѣку достигнути дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческїй вольно разпростирая свое крылїе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величїю, и надежнымъ нынѣ спалъ стражею общественныхъ законоположенїй. Подъ державнымъ его покровомъ свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко всевышнему творцу возсылаемыхъ. Съ неизреченнымъ радованїемъ сказати можетъ, что отечество наше есть прїятное божеству обиталище; ибо сложенїе его не на предразсудкахъ и суевѣрїяхъ основано,

но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ отца всѣхъ. Неизвѣстны намъ вражды, сполъ часто людеи раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями другъ друга почитаемъ, единому принадлежа семѣйству, единаго имѣя отца, Бога.

Свѣтильникъ науки, носяся надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ нынѣ его отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ, отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховныя власти, яко велѣнія нѣж ыхъ родителей къ своимъ чадамъ, предъупреждаетъ даже и безхитросныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ, о приобрѣтеніи и сохраненіи имѣній, недозволяетъ возродиться семѣйнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его влад-

нїи отъ другаго, глубока, и всѣми зрима, и всѣми свято почитаема Оскорбленїя частныя между нами рѣдки, и дружелюбно примиряются. Воспитанїе народное пеклося о томъ, да кротки будемъ, да будемъ граждане миролюбивые, но прежде всего да будемъ человѣки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внѣшнихъ враговъ неимѣя; доведя общество до вышшаго блаженства гражданскаго сожитїя; неужели толико чужды будемъ ощущенїю человѣчества, чужды движенїямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды брапнїя; и оставимъ въ глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношенїе дальнѣйшаго потомства, пречь цѣлую общниковъ нашихъ, сограждань намъ равныхъ, брапїй возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрской обычай, порабощать себѣ подобнаго человѣка, возродившейся въ

знойныхъ полосахъ Ассіи; обычай дикимъ народамъ приличный; обычай, знаменующій сердце окаменѣлое, и души отсудствіе совершенное, простерся на лицѣ земли быстротечно, широко и далеко. И мы Сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные невѣжества мракомъ, воспріяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія, сохранили его нерушимо, даже до сего дня.

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавному сему злу. Но державныя ихъ подвиги утщетилися, извѣстнымъ тогда, гордыми своими преимуществами въ государствѣ нашемъ, чиносостояніемъ,

но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣнїе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушенїе оковъ гражданскїя неволи. Нешокмо они немогли исполнити своихъ благихъ намѣренїй, но ухищренїемъ помянутаго въ государствѣ чиносостоянїя, подвигнуты стали на пропивныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, сожимающихъ узы, и опягчающихъ оковы, наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ. Земледѣльцы и доднесь между нами рабы; мы въ нихъ непознаемъ сограждань намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрипте окрестъ васъ, и познайте заблужденїе ваше. Служители Божества предвѣчнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человѣка, еди-

номыслїемъ съ нами, изъяснялн вамъ въ поученїяхъ своихъ, во имя всещедраго Бога, ими проповѣдуемаго; колико мудрости его и любви противно, властвовати надъ ближнимъ своимъ, самопроизвольно. Стараліся они, доводами въ природѣ и сердцѣ нашемъ почерпнутыми, доказать вамъ жестокость вашу, неправду, и грѣхъ. Еще гласъ ихъ, торжественно во храмахъ живаго Бога, вопїетъ громко: опомнитесь заблудшїе, смягчитеся жестокосердые; разрушите оковы братїи вашей, отверзите темницу неволи, и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитїя, къ нему же всещедрымъ уготованы, яко же и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленїи оныхъ должно быть одинаково.

Но если служители Божества, представили взорамъ вашимъ, неправоту

порабощенїя, въ отношенїи человѣка; за долгъ нашъ вмѣняемъ мы, показать вамъ, вредъ оной въ обществѣ, и неправильность онаго, въ отношенїи гражданина Излишне казалось бы, при возникшемъ сколь уже давно, духѣ любомудрїя, изыскивать или поновлять доводы, о существенномъ человѣковъ а потому и гражданъ равенствѣ. Возросшему подъ покровомъ свободы, исполненному чувствїями благородства а не предразсужденїями, доказательства о первенственномъ равенствѣ, суть движенїя его сердца обыкновенныя. Но се нещастїе смертнаго на земли: заблуждати среди свѣта, и незрѣти того, что прямо взорамъ его предстоитъ.

Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ, преподали вамъ, основанїя права естественнаго, и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ человѣковъ, мысленно внѣ общества, прїявшихъ одинаковое отъ природы сложе-

нïе, и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно, равныхъ вовсемъ между собою, и единые другимъ неподвластныхъ. Право гражданское, показало вамъ человѣковъ, промѣнявшихъ безпредѣльную свободу, на мирное оныя употребленïе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлъ, и правило дѣянïямъ своимъ; то всѣ равны отъ чрева матерня въ природной свободѣ, равны должны быпь и въ ограниченïи оной. Слѣдсшвенно и тутъ одинъ другому неподвластенъ. Властитель первый въ обществѣ, есть законъ: ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденïе вступаши въ общесшво, и полагати произвольныя предѣлы дѣянïямъ. Разсудокъ скажетъ, собсшвенное благо, сердце скажешъ, собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскïй скажепъ, собственное благо. Мы въ обществѣ живемъ, уже многïе сшепени усовершепсшвованïя прошекшемъ, и по тому запамя-

товали мы начальное онаго положенїе. Но возриите на всѣ новые народы, и на всѣ общества естества, если такъ сказать можно. Во первыхъ порабощенїе есть преступленїе; во вторыхъ единъ злодѣй или непрїятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сїи понятїя, познаемъ мы, колико удалилися мы отъ цѣли общественной, колико отстоимъ еще, вершины блаженства общественнаго, далеко. Все сказанное нами, вамъ есть обычно, и правила таковыя, изсосали вы со млекомъ матернимъ. Единъ предразсудокъ мгновенїя, единая корысть, (да неуязвитеся нашими изреченїями,) единая корысть отъемлетъ у насъ взоръ, и въ темнотѣ бѣснующимъ, насъ уподобляетъ.

Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ! кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ кто даетъ намъ здравїе, кто житїе наше

продолжаетъ, неимѣя права распоряжа-
тии ни тѣмъ, что обрабопываетъ, ни
тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ
ближайшее имѣетъ право, буде недѣ-
латель ея? Представимъ себѣ мыслен-
но, мужей пришедшихъ въ пустыню,
для сооруженія общества. Помышляя
о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ по-
росшею злакомъ землю. Кто жребій
на удѣлѣ получаетъ? Нетопъ ли, кто
ее вспахать возможетъ; нетотъ ли,
кто силы и желаніе къ тому имѣетъ
достаточныя? Младенцу или старцу,
разслабленному, немощному и неради-
вому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она
пребудетъ въ запустеніи, и вѣтръ кла-
совъ на ней невозвѣетъ. Если она без-
полезна дѣлателю ея, то безполезна и
обществу; ибо избытка своего дѣла-
тель обществу неотдастъ, неимѣя
нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ обще-
ства, тотъ кто ниву обработать мо-
жетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею пра-
во, и обрабопывающій ее, пользуепіся

ею изключительно. Но колико удалился мы, отъ первоначальнаго общественнаго положенїя, относительно владѣнїя. У насъ, потъ кто естественное имѣетъ къ оному право, нетокмо отъ того изключенъ совершенно, но работая ниву чуждую, зритъ пропитанїе свое зависящее отъ власти другаго! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ, истины сїи немогутъ быть непонятны, но дѣянїя ваши, въ исполненїи сихъ истинъ, предпочтутъ корысть чувствованїямъ, сердце услаждающимъ? Но какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званїя, и частїю въ законѣ мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженнымъ, гражданское положенїе крестьянина въ Россїи? Ненасытецъ кровей одинъ скажетъ, что онъ

блаженъ, ибо неимѣетъ понятія о лучшемъ состояніи.

Мы постараемся опровергнуть теперь, сіи звѣрскія властителей правила, яко же ихъ опровергали нѣкогда, предшественники наши, дѣяніями своими неуспѣшно.

Блаженство гражданское въ различныхъ видахъ представиться можетъ. Блаженно государство, говорятъ, если въ немъ царствуетъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ непустѣютъ, и во градѣхъ гордыя воздымаются зданіи Блаженно, называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего, и властвуетъ оно внѣ себя, нетокмо силою своею, но и словомъ своимъ, надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззримъ, на предлѣжащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ мы? Про-

странный воинскїй станъ Царствуетъ въ немъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшїй строй, зрится, въ рядахъ ихъ. Единое велѣнїе, единое руки мановаиїе начальника, движетъ весь станъ, и движетъ его стройно Но можемъ ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностїю воинскаго повиновенїя въ куклы, отъемлѣтся у нихъ даже движенїя воля, только живымъ веществамъ свойственная. Они знаютъ только велѣнїе начальника, мыслятъ, что онъ хощетъ, и спремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могущественнѣйшею силою государства. Совокупны, возмогутъ вся, но раздѣлены и на единѣ, пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелаетъ. Устройство на щетъ свободы, столь же противно блаженству нашему, какъ и самые узы. -- Сто невольниковъ, приговожденныхъ ко скамьямъ корабля, весла-

ми двигаемаго въ пути своемъ, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзанїе, скорбь, отчаянїе. Желали бы они нерѣдко промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспоривають. Конецъ страданїя ихъ, есть блаженство; а блаженство неволи несродно, и потому они живы. И такъ да неослѣпимся, внѣшнимъ спокойствїемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ, да нечочтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца сограждан. Если въ нихъ найдешь спокойствїе и миръ, тогда сказать можешъ воистинну: се блаженны.

Европѣйцы опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровїю природныхъ ея жителей, положили конецъ убїйствамъ своимъ, новою корыстїю. Запуспѣлыя нивы, сего обновленнаго сильными природы потрясенїями полукружїя, почувствовали соху нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ на тучныхъ лу-

гахъ выростявшій, и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ былïе свое, острïемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя древеса, издревле вершины ихъ осѣнявшïя. Лѣса безплодныя и горькïя дебри, претворяюстя въ нивы плодоносныя, и покрываются стовидными произращенïями единой Америкѣ свойственными, или удачно въ оную преселенными. Тучные луга потапливаются многочисленнымъ скотомъ, на ясшву и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя, вездѣ кажется видъ благосостоянïя и внѣшнïй знакъ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудитъ скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обилïи. Заклавъ Индïйцовъ единовременно, злобствующïе Европейцы, проповѣдники миролюбïя во имя Бога истины, учители кротости и человѣколюбïя, къ корени яростнаго убïйства завоевателси, прививаютъ хлад-

кровное убїйство порабощенїя, приобрѣтенїемъ невольниковъ куплѣю Сїи то нещастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенагала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, преселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства, вздираютъ обильныя нивы Америки, трудовъ ихъ гнушающейся. И мы страну опустошенїя назовемъ блаженною для того, что поля ея непоросли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращенїями разновидными. Назовемъ блаженною страною, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи неимѣютъ надѣжнаго прощанїя, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова. О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ! дабы терніе и волчецъ простирая корень свой глубоко, изтребилъ всѣ драгїя Америки произведенїя! Возпрепещите о возлюбленные мои, да нескажутъ о васъ: „премѣни имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ.„

Мы дивимся и нынѣ еще огромности Египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды, чрезъ долгое время доказывать будутъ, смѣлое въ созиданіи Египтянъ зодчество. Но для него, сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе надменныхъ фараоновъ. Кичливые сіи властители, жадая безсмертія, и по кончинѣ хотѣли отличествовати, внѣшностію своею отъ народа своего И такъ огромность зданій безполезныхъ общественну, суть явныя доказательства его порабощенія. Въ останкахъ погибшихъ градовъ, гдѣ общее блаженство нѣкогда водворялось, обрящемъ развалины училищъ, больницъ, гостинницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій; во градахъ же, гдѣ извѣстнѣе было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ Царскихъ чертоговъ, пространныхъ конюшенъ, жилища звѣрей. Сравните то и другое; выборъ нашъ небудетъ затруднителенъ.

Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній. Звукъ, гремленіе, надутлость, и истощеніе. Я таковую славу, примѣню къ шарамъ въ 18 мъ столѣтіи изобрѣтеннымъ; изъ шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ, и возлѣтаютъ съ быстротою звука, до выспреннихъ предѣловъ еѳира. Но то, что ихъ составляло силу, източается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно, тяжесть горе вращавшаяся, пріемлетъ естественный путь паденія долу; и то, что мѣсяцы цѣлые сооружалося со трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ, едва часовъ нѣсколько можетъ веселить взоры зрителей.

Но вопроси чего жаждетъ завоеватель; чего онъ ищетъ опустошая страны населенныя, или покоряя пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ ярославнѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, Великимъ названнаго; но великъ по истинѣ, не въ дѣлахъ сво-

ихъ, но въ силахъ душевныхъ и разореніяхъ. О Аѳиняне! вѣщалъ онъ, колико стоитъ мнѣ, быть хвалиму вами. Несмысленной! возри на шествіе твое. Крутый вихрь твоего полѣта, преносяся чрезъ твою область, запаскиваетъ въ вертеніе свое жителей ея, и влача силу государства во своемъ стремленіи, за собою оставляетъ пустыню и мертвое пространство. Неразсуждаешь ты о ярый вѣтрь, что опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ни чего необрящешъ тебя услаждающаго. Если приобрѣлъ пустыню, то она содѣлается могилою для твоихъ сограждан, въ коей они сокрыватися будутъ; населяя новую пустыню, превратишъ страну обильную въ безплодную. Какая же прибыль, что изъ пустыни содѣлалъ селидьбы, если другія населенія, тѣмъ сдѣлалъ пустыми? Если же приобрѣлъ населенную страну, то изчисли убійства твои, и ужаснися. Изкоренить дол-

женствуешь ты, всѣ сердца, тебя въ громоносности твоей возненавидѣвшія; немни убо, что любити можно, его же боятися нудяться. По истребленіи мужественныхъ гражданъ, останушися и будутъ подвластны тебѣ робкія души, рабства ито воспріяти готовыя; но и въ нихъ ненависть къ подавляющей твоей побѣдѣ укоренится глубоко. Плодъ твоего завоеванія будетъ, нельсти себѣ, убійство и ненависть. Мучитель пребудешъ на памяти потомковъ; казниться будешь, вѣдая, что мерзятъ тебя новые рабы твои, и ошъ тебя кончины твоея просятъ.

Но нисходя къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, колико вреднымъ его находимъ мы для общества. Вредно оно въ размноженіи произрастеній и народа, вредно примѣромъ своимъ, и опасно въ неспокойствіи своемъ. Человѣкъ въ начинаніяхъ своихъ двигаемый корыстію,

предпрїемлетъ то, что ему служить можетъ на пользу, ближайшую или дальную, и удаляется того, въ чемъ онъ необрѣтаетъ пользы, ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденїю, все начинаемое для себя, все что дѣлаемъ безъ принужденїя, дѣлаемъ съ прилѣжанїемъ, раченїемъ, хорошо. Напротивъ того все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что недля своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ находимъ мы земледѣлателей, въ государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чуждая, плодъ оныя имъ непринадлежитъ. И для того обрабопываютъ ее лѣниво; и нерадѣютъ о томъ, незапустѣетъ ли среди дѣланїя. Сравни сію ниву, съ данною надмѣннымъ владѣльцемъ, на тощее прокормленїе дѣлателю. Нежалѣетъ сей о трудахъ своихъ, ея ради предпринимаемыхъ. Ни что неотвлекаетъ его отъ дѣланїя. Жестокость времени

онъ одолѣваетъ бодрственно; часы на упокоенїе опредѣленныя, проводитъ въ трудахъ; во дни на веселїе опредѣленные, онаго чуждается. Зане рачитъ о себѣ, работаетъ для себя, дѣлаетъ про себя. И такъ нива его, дастъ ему плодъ сугубый; и такъ всѣ плоды трудовъ земледѣлателей, мертвѣютъ, или паче невозраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщенїе гражданъ, если бы дѣланїе нивъ было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающїя своея цѣли земныя произведенїя, поликоже препятствуютъ размноженїю народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бы и было кому есть, небудетъ; умрутъ отъ испощенїя. Тако нива рабства неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, имъ же опредѣлены были природою избытка ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ много-

плодїе. Къ недостатку прокормленїя и одеждъ, присовокупили работу до изнеможенїя. Умножь оскорбленїя надмѣнности и уязвленїя силы, даже въ любезнѣйшихъ человѣка чувствованїяхъ; тогда со ужасомъ узришь, возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеванїй, что недаетъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ. Но отъ нее вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговремянно и всегда; одна, когда прейдетъ полѣтъ ея, скончаеваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сїя кончится, и переменится неможетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясенїемъ всея внутренности.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предмѣты рабства возрѣнїе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ никакой неможно быть связи, развѣ

насиліе. И сіе, собираяся въ малую среду, властнодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наиярostнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы, толико въ рабахъ изсякаетъ, что нетокмо нежелаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершивтую паденіе перваго человѣка. — Примѣры властвованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда блази и къ

блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный, полезностію своею оправдаться не можетъ. И шакъ нынѣ молимъ васъ, отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Невѣдаете ли любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе неприходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чемъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ни что уже въ разлитіи его прошивиться ему невозможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечь и отраву. Смерть и пожиганіе, намъ будетъ по-

сулѣ за нашу суровость и безчеловѣчїе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшенїи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщенїи своемъ. Приведите сейѣ на память прежнїя повѣствованїя. Даже обольщенїе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленїе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико нежелаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому неумыслили, какъ ихъ умерщвленїе. Нещадили они ни пола ни возраста. Они искали паче веселїе мщенія, нежели пользу сотрясенїя узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на

пробужденїе нещастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся.

Но если ужасъ гибели, и опасность потрясенїя стяжанїй, подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, не уже ли небудемъ мы толико мужественны въ побѣжденїи нашихъ предразсужденїй, въ попранїи нашего корыстолюбїя и неосвободимъ братїю нашу изъ оковъ рабства, и невозстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ изчисленїяхъ корыстолюбиваго благоразумїя, а менѣе еще въ опасности. Идите возлюбленные мои, идите въ жилища братїи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребїя. Вѣщайте съ ощущенїемъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашею участїю, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ нами, и убѣжденные общею пользою, пришли мы да лобзаемъ бра-

пїю нашу. Оставили мы гордое различїе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, возторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы сограждан намъ любѣзныхъ, да будетъ знаменитѣйшїй въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголъ вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Немѣдлите возлюбленные мои. Время лѣтитъ; дни наши преходятъ въ недѣйствїи. Да нескончаемъ жизни нашея, возъимѣвъ только мысль благую, и невозмогши ее исполнить. Да невоспользуется тѣмъ потомство наше, да непожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣнїемъ о насъ да нескажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязїю бумагѣ, которую поднялъ

я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей.

Вошедъ въ избу я спрашивалъ, кто были проѣзжіе незадолго передомною. Послѣдней изъ проѣзжающихъ, говорилъ мнѣ почтоліонъ, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Онъ у насъ забылъ связку бумагъ, которую я теперь за нимъ въ слѣдъ посылаю. Я попросилъ почтоліона, что бы онъ далъ мнѣ сіи бумаги посмотрѣть и развернувъ ихъ узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Уговорилъ я его, чтобы онъ бумаги сіи отдалъ мнѣ, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу, а по тому неточелъ я ихъ пріобрѣтеніе кражею. Онъ ихъ отъ меня доселѣ нетребовалъ, а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ раз-

смотривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ разположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній, относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой вѣдая, что вышшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повременнымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднѣе уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣ-

щикъ возметъ земледѣльца, въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволитъ крестьянамъ вступать въ супружество, нетребуя на то согласія своего господина. Запретитъ брать выводныя деньги. Второе положеніе, относится къ собственности и защитѣ земледѣльцовъ. Удѣлъ въ землѣ ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобретенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ Дозволитъ крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволитъ невозбранное приобретеніе вольности, платя господину за отпу-

скную, извѣстную сумму. Запретить произвольное наказанїе безъ суда. -- Изчезни варварское обыкновенїе, разрушься власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель. . . . . За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженїе рабства.

Между многими постановленїями, относящимися къ возстановленїю по возможности равенства во гражданахъ, нашелъ я табель о рангахъ. Сколь она была не къ стати нынѣшнимъ временамъ, и онымъ несоразмѣрна, всякъ самъ можетъ вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отѣзду; и для того я за благо положилъ, лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ что несуществуетъ.

ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Никогда непроѣзжалъ я сего новаго города, что бы непосмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Перьвой, которому на мысль пришло, уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку рукодѣльную, дабы всѣ концы единыя области, въ вящее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы, отъ естественныхъ и нравственныхъ причинъ разпадутся, позлащенныя нивы ихъ порастутъ терніемъ, и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ, гордыхъ ихъ правителей, скрываться будутъ ужи, змѣи и жабы; любопытный путешественникъ обрящетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщені-

ахъ, каковыя есть въ Европѣ, они неимѣли понятïя. Дороги, каковыя у Римлянъ бывали, наши небудутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и безъ обдѣлки нескоро заровняются.

Немало увеселительнымъ было для меня зрѣлищемъ, вышневолоцкой каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными, и приуготовляющимися къ прохожденïю сквозь слюзъ, для дальнѣйшаго плаванïя до Петербурга. Тутъ видно было, истинное земли изобилïе, и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блескѣ, мощный побудитель человѣческихъ дѣянïй, корыстолюбïе. Но если при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянïя, при раздробленïи мыслей скоро увяло мое радованïе. Ибо воспомянулъ, что въ Россïи многïе земледѣлатели, недля себя работаютъ; и такъ изобилïе земли во многихъ кра-

яхъ Россіи доказываетъ, отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнѣе время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки, и драгія ея произращенія, какъ то сахаръ, кофе, краски и другія, неосушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе налитой въ твоей чашкѣ, исахаръ разпущенной въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною превосходящихъ его силы трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія; дерзай жестокосердой усладить гортань твою. -- Видъ прещенія сопутствовавшей сему изреченію, поколебнулъ меня до внутренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы о жители Петербурга, питающїеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или на единѣ, когда рука ваша вознесетъ первой кусокъ хлѣба опредѣленной на ваше насыщенїе, остановитеся и помыслите. Не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведенїяхъ Америки. Не потомъ ли, не слезами ли и стенанїемъ упучнялися нивы, на которыхъ оной возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайнѣй мѣрѣ, на нивѣ оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если разтворъ его составленъ изъ зерна лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаянїе; на немъ знаменовалося проклятїе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: прокляпа земля въ дѣлахъ сво-

ихъ. Блюдитеся да неотравлены будете, вождѣленною вами пищею. Горькая слеза нищаго, тяжко на ней возлегаетъ. Отримите ее отъ устъ вашихъ; постишеся, се истинное и полезное можетъ быть поученіе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія, неимѣемъ нужды ходить въ дальныя страны, ни чудесъ искать за тридѣвять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаюпся.

Нѣкто ненашедъ въ службѣ, какъ то по просторечію называютъ, щастія, или нежелая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя, искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйстви-

шельнѣйшимъ образомъ, всевозможное сдѣлать употребленїе, естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработываню земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ, почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудїямъ, ни воли ни побужденїя неимѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношенїи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не-значущимъ. Для достиженїя своея цѣли, онъ опиялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитанїе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаянїе, за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ сей дворянинъ нѣкто, всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они неумирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣлен-

ное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые неимѣли семействъ, мѣсячины неполучали, а пообыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни, хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ, производилася такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію, одѣжда. Обувь для зимы, то есть, лапти дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ, господинъ у нихъ неотымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ

иногда бираль себѣ, платя за нихъ цѣ-ну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣнїи неудивительно, что земледѣлїе въ деревнѣ Г: нѣкто, было въ цвѣтущемъ состоянїи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ, четверть; когда у другихъ хорошей былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ дѣсять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ, онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбїю; и поступая съ сими равно какъ и первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣнїе, усугубляя число стеняющихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ, уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! недостоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячь четвертей въ годъ, болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, щитаются на равнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ

тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? что бы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему непринадлежитъ. Оно нажито грабежемъ, и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которые взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ. Вмѣсто вашего поощренія къ таковому насилію, которое вы источникомъ государственнаго богатства почитаете, простите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите орудія его земледѣлія; сожгите его риги, овины, житницы, и развѣйте пепелъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство, ознаменуйте

его яко общественнаго пашя, дабы всякъ его видя, нетолько его гнушался, но убѣгалъ бы его приближенїя, дабы незаразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ

Здѣсь я опять принялся за бумаги моего друга. Въ руки мнѣ попалося, начертаніе положенія, о уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проектъ въ будущемъ.

Вводя, нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши, непослѣднимъ способомъ почли къ тому, умаленіе правъ дворянства. Полезно государству въ началѣ своемъ, личными своими заслугами; ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи, его корень, произнесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣстѣ мужества, водворилася надмѣнность и самолюбіе, намѣстѣ благородства души и щедроты, посѣялися раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинныя скряги на великое. Жительствуя среди

столь тѣсныхъ душъ, и подвизаемые на малости, ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе Государи возмнили что они суть Боги, и вся его же коснупіся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Тако и быть должествуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія власти, возмечтали Цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій преломляяся, такъ сказать, въ сихъ новыхъ опсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли, воздвигли Цари придворныхъ испукановъ, кои истинные ѳеатральныя божки, повинуются свистку или трещеткѣ. Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожаленія, отвратимъ взоры наши, отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возры-

дамъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкой мой, конюшей, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ кто меня брѣетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моея, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ неупоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству, силами своими душевными и тѣлесными, нещадя ради отечества, ни здравія своего ни крови, возлюбляя даже смерть, ради славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣе ли вы накормитеся, буде кушанье мое лучше вашего пригоповлено, и въ сосудахъ моихъ лѣется вино, изо всѣхъ концевъ вселенныя? Укроетеся ли въ шествіи вашемъ, отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои пучны?

Лучшей ли дастъ нива вамъ плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей, въ мое увеселенїе ? Вы улыбнешеся съ чувствованїемъ жалости. Но нерѣдкой въ справедливомъ негодованїи своемъ скажетъ намъ: тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ черпоговъ, тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ, тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растенїй, сочетаетъ съ хладною вязкостїю сѣверныхъ туковъ, для услажденїя разслабленнаго твоего желудка и оцепѣлаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкїй сокъ Африканскаго винограда; тотъ, кто ўмащаетъ окружїе твоей колесницы, кормитъ и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя тво кровавую Ситву ведетъ со звѣрями дубравными и птицами небесными; всѣ сїи тунеядцы, всѣ сїи лѣлѣятели, какъ и многїе другїе, твоея надмѣнности, выеятся надо мною, надъ исшочившемъ по-

токи кровей на ратномъ полѣ, надъ поперявшимъ нужнѣйшія члены тѣла моего, защищая грады твои и черпоги, въ нихъ же сокрытая твоя робость завѣсою величавости, мужествомъ казалася; надъ провождающимъ дни веселїй, юности и ущѣхъ, во сбереженїи малѣйшїя полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налоговъ; надъ нерачившемъ о имѣнїи своемъ, трудяся денноночно въ снисканїи средствъ, къ достиженію благъ общественныхъ; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ, силы изтощеваются въ подъемлемыхъ нами трудахъ, и при возкраїи гроба едва возмогаемъ удостоишься твоего благоволенїя; а сїи упитанные тельцы сосцами нѣжности и пороковъ, сїи незаконные сыны отечества наслѣдяшъ въ спяжанїи нашемъ.

Тако и болѣе еще по справѣдливости возглаголютъ отъ васъ многіе. Что дадимъ мы, Владыки силъ, въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше, и видится воспаленна ярость въ очахъ нашихъ на вѣщающихъ сице. Таковы бываютъ нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истины. И никто да недивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живетъ съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лесть и ласкательство, содѣлаютъ его глуха слѣпа и неосязательна.

Но да непадетъ на насъ таковая укоризна. Съ младенчества нашего возненавидѣвъ ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости, даже до сего дня; и нынѣ новый опытъ въ любви нашей къ вамъ и преданности, явенъ да будетъ. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія, съ военнымъ и граждан-

скимъ. Исшребися на памяти обыкноженїе во стыдъ нашъ толико лѣтъ существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства, раченїе о пользѣ общей, да получаютъ награду въ трудахъ своихъ и едины да отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговремянно насъ теснившее, мы явимъ вамъ наши побужденїи, на уничтоженїе толь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ. -- Вѣщаютъ вамъ и предки наши пѣхъ же были мыслей, что Царскїй престолъ, коего сила во мнѣнїи гражданъ коренится, отличествовати долженствуетъ внѣшнимъ блескомъ, дабы мнѣнїе о его величествѣ было всегда всецѣло и ненарушимо. Отъ туда пышная внѣшность властителей народовъ, отъ туда стадо рабовъ ихъ окружающихъ. Согласиться всякъ долженъ, что пѣсные умы и малыя души внѣшность поражать можетъ. Но чемъ народъ просвѣщеннѣе, то есть, чемъ

болѣе особенниковъ въ просвѣщенїи тѣмъ внѣшность менѣе дѣйствовать можетъ. Нума могъ грубыхъ еще Римлянъ увѣрить, что Нимфа Егерїя наставляла его въ его законоположенїяхъ. Слабые Перуанцы охотно вѣрили Манко Капаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси изтекаетъ. Магометъ могъ прельстить скипающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрыжали заповѣдей, на горѣ среди блеску молнїи. Но нынѣ буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденїй. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланїе свое утвердить съ выше, тотъ употребитъ болѣе наружность полезности и тою всѣ тронутся. Мы же устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, по что намъ блескъ внѣшности? не полезностїю ли нашихъ

постановленїй ко благу государства текущею облистаетъ наше лице; всякъ взирающїй на насъ узритъ наше благомыслїе, узритъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и того ради намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но сѣдящему во благости. Если бы древнїе Персы управлялися всегда щедротою, небы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла. Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственною должностїю во служенїи своемъ имѣя угожденїе намъ, колико изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что намъ нравится можетъ. Желанїе наше будетъ предъупреждено; но непокмо желанїю недопустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлѣпвореніе. Возрите со ужасомъ на дѣйспвїе таковыхъ угожденїй. Наипвердѣйшая душа во правилахъ своихъ позыбнется,

приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнїю, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуждыя, едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ, почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшїя скорби и раны и самая смерть, покажутся намъ необходимыми дѣйствїями теченїя вещей, и являясь намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движенїе, какое производятъ въ насъ театральныя представленїя. Зане стрѣла болѣзни, и жало зла, не въ насъ дрожитъ вонзенное.

Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго Царей дѣйствїя. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться отъ возмущенїя благонамѣренїй нашихъ? Неблаженны ли, если и заразѣ примѣра, положили преграду? Надежны въ благосердїи нашемъ, на-

дежны не въ развратѣ со внѣ, надежны во умѣренности вашихъ желанїй, возблагоденствуемъ съ нова, и будемъ примѣромъ позднѣйшему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу.

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ, встрѣченъ я былъ человѣкомъ отправляющимся въ Петербургъ, на скитаніе прошенія. Сіе состояло въ снисканіи дозволенія, завести въ семъ городѣ свободное книгопечатаніе. Я ему говорилъ, что на сіе дозволенія ненужно; ибо свобода на то дана всѣмъ. Но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, и вотъ его о томъ размышленія.

Типографіи у насъ всѣмъ имѣть дозволено, и время то прошло, въ которое боялися поступаться онымъ дозволеніемъ частнымъ людямъ; и для того, что въ вольныхъ типографіяхъ, ложныя могутъ печатаны быть пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свободно имѣть всякому орудіи печатанія, но то, что печать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянь-

кою разсудка, остроумїя, воображенїя, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривые ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править немогутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ каляка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дятьки неступитъ, безъ опекуна неможетъ править своимъ наслѣдїемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствїя обыкновенной ценсуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствїя ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

„Наилучшей способъ поощрять „доброе, есть непрепятствїе, дозво„леніе, свобода въ помышленїяхъ. Ро„зыскъ вредень въ Царствѣ науки: „онъ сгущаетъ воздухъ и запираетъ

„дыханїе. Книга проходящая десять
„цензуръ прежде, нежели достигнетъ
„свѣта, неесть книга, но подѣлка
„святой Инквизицїи; часто изуро-
„дованной, сченной батожьемъ, съ
„кляпомъ во рту узникъ, а рабъ все-
„гда..... Въ областяхъ истинны, въ
„царствѣ мысли и духа; не можетъ
„ни какая земная власть давать рѣ-
„шенїй, и недолжна; неможетъ того
„правительство, менѣе еще его цен-
„соръ, въ клабукѣ ли онъ или съ тям-
„лякомъ. Въ царствѣ истинны, онъ
„не судїя но отвѣтчикъ, какъ и сочи-
„нитель. Исправленїе можетъ толь-
„ко совершиться просвѣщенїемъ; безъ
„главы и мозга нешевельнется ни ру-
„ка ни нога..... Чѣмъ государство ос-
„новательнѣе въ своихъ правилахъ,
„чѣмъ стройнѣе, свѣтлѣе и тверже
„оно само въ себѣ, тѣмъ менѣе мо-
„жетъ оно позыбнуться и стрясти-
„ся отъ дуновенїя каждаго мнѣнїя,
..отъ каждой насмѣшки разъяреннаго

„писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ „оно въ свободѣ мыслей и въ свободѣ „писанїй, а отъ нее подъ конецъ при- „быль конечно будетъ истиннѣ. Гу- „бители бываютъ подозрительны; „тайные злодѣи робки. Явной мужъ, „творяй правду и твердый въ пра- „вилахъ своихъ, допуститъ о себѣ „глаголъ всякїй. Хождаетъ онъ во дни, „и на пользу себѣ строитъ клевету, „своихъ злодѣевъ. Откупы въ помы- „шленїяхъ вредны.... Правитель госу- „дарства да будетъ безпристрастенъ „во мнѣнїяхъ, дабы могъ обнять мнѣ- „нїя всѣхъ и оныя въ государствѣ сво- „емъ дозволять, просвѣщать и на- „клонять къ общему добру: отъ того „то истинно Великїе Государи столь „рѣдки.„

Правительство познавъ полезность книгопечатанїя, оное дозволило всѣмъ; но паче еще познавъ, что запрещенїе въ мысляхъ уничтожитъ благое намѣ- реніе вольности книгопечатанїя, пору-

чило цензуру или присмотръ за изданіями, управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего, можетъ быть только тотъ, что бы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленной урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ, и на многія лѣта остановку въ шествіи разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе, новую мысль и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія, переводъ романа. Переводчикъ слѣдуя Автору говоря о любви назвалъ ее: лукавымъ богомъ. Мундирной цензоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: „неприлично Божество называть лукавымъ.„ Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да немѣшается. Если хочешъ благоразтвореннаго воздуха, удали отъ себя комнильню; если хочешъ свѣта, удали

затмѣваніе; если хочешъ, что бы дитя небыло застѣньчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и бапожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже. (*)

Пускай печатаютъ все кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю несмѣхомъ. Слова невсегда суть дѣянія, размышленіи же не преступленіи. Се правила наказа, о новомъ уложеніи. Но

(*) Такого же роду цензоръ, недозволялъ, сказываютъ, печатать ипѣ сочиненіи гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря, я съ нимъ дѣла никакого неимѣю. Если въ какомъ либо сочиненіи порочили народныя нравы того или другаго государства, онъ недозволеннымъ сіе почиталъ, говоря, Россія имѣетъ трактъ дружбы съ нимъ Если упоминалося гдѣ о Князѣ или Графѣ, того недозволялъ онъ печатать, говоря, сіе есть личность, ибо у насъ есть Князья и Графы между знатными особами.

брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ никого бранить невелѣно, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Нетокмо неможетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ Царя до послѣднѣйшаго гражданина.

Обыкновенныя правила Цензуры суть: почеркивать, марать, недозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно. Если безумецъ въ мечтаніи своемъ, нетокмо въ сердцѣ но громкимъ гласомъ речетъ, „нѣсть Бога„; въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается гром-

кое и постѣпное ехо, „нѣсть Бога, нѣсть Бога.„ Но чтожъ изъ того. Ехо, звукъ; ударитъ въ воздухъ, поизыбнетъ его и изчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но если думаешь, что хуленїемъ Всевышнїй оскорбится; урядникъ ли благочинїя можетъ быть за него истецъ? Всесильный звоняще-му въ трещетку, или бїющему въ набатъ, довѣрїя недастъ. Возгнушается метатель грома и молнїи, ему же всѣ стихїи повинуются, возгнушается колеблящїй сердца изъ запредѣловъ вселенныя, дать мстити за себя и самому Царю, мечтающему быти его на земли преемникомъ. -- Кпожъ можетъ быть судїею въ обидѣ Отца предвѣчнаго? -- Тотъ его обижаетъ, кто мнитъ, возможетъ судити о его обидѣ. Тотъ дастъ отвѣтъ предъ нимъ.

Отступники откровенной религіи, болѣе доселѣ въ Россіи дѣлали вреда, нежели непризнаватели бытія Божія, Аѳеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Аѳеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы, всѣхъ Россіянъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія Греческія церькви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. Но для чего недозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненіи дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго Христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ суть иногда вредны. Возпрети ихъ. Проповѣдаются они примѣромъ. Уничтожъ примѣръ. Отъ печатной книги раскольникъ небросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество, есть то же, что его поощрять. Дай ему

волю; всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы всѣ Евины дѣти.

Но запрещая вольное книгопечатанїе, робкїя правительства не богохуленїя боятся, но боятся сами имѣть порицателей. Кто въ часы безумїя нещадитъ Бога; тотъ въ часы памяти, и разсудка непощадитъ незаконной власти. Небояйся громовъ Всѣсильнаго, смѣется висилицѣ. Для того то вольность мыслей, правительствамъ справедлива. До внутренности потрясенный вольнодумецъ, простретъ дерзкую но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ, и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣнїй возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любьви общаго блага возникъ; не-

утвердится ли паче, когда основанїе его будетъ явно; невозлюбится ли любящїй искренно? Взаимность есть чувствованїе природы, и стремленїе сїе почило въ естествѣ. Прочному и твердому зданїю довольно его собственнаго основанїя; въ опорахъ и контрфорсахъ ему нужды нѣтъ. Если позыбнется оно отъ вѣтхости, тогда только побочныя тверди ему нужны. Правительство да будетъ истинно, вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ плѣвелы, тогда всѣ изблеванїи, смрадность свою возвратятъ на извергшеся ихъ; а истинна пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ, (да назовемъ такъ въ угодность власти, всѣ твердыя размышленїя, на истинѣ основанныя, власти противные,) есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголяй на Бога. Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной; то невозмутится отъ пустаго звука клевещы, яко же Господь силъ

нетревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломитъ правду. Тогда и сдина мысль твердости ее тревожитъ; глаголъ истинны ее сокрушитъ, дѣлліе мужества ее развѣетъ.

Личность, но язвительная личность есть обида. Личность въ истинѣ, столь же дозволительна, какъ и самая истина. Если ослѣпленный судія судитъ въ неправду; и защитникъ невинности издастъ въ свѣтъ его коварный приговоръ; если онъ покажетъ его ухищреніе и неправду; то будетъ сіе личность, но дозволенная; если онъ его назоветъ судіею наёмнымъ, ложнымъ, глупымъ, есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станетъ именованіями смрадными, и бранными словами поносить, какъ то на рынкахъ употребительно; то сіе есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства, дѣло вступаться за

судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не судія да будетъ въ томъ испецъ, но оскорбленное лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судіею да оправдится едиными дѣлами. (*) Тако долженствуетъ судить о личности. Она наказанія достойна, но въ печатаніи болѣе поль-

(*) Г. Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей въ Америкѣ перемѣнѣ, и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи Президентомъ, невозмогшал-ся сражаться съ наступавшими на него. Изданы были противъ него наижесточайшія листы. Первѣйшій градоначальникъ области, низшелъ въ ристалищѣ, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ, и ихъ устыдилъ. . . . Се примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ, печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирепствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить что, печатанное истинно, а мстящій таковъ какъ о немъ напечатано.

зы устроитъ, а вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ, когда рѣшенїя всегда будутъ въ законѣ, когда законъ основанъ будетъ на истиннѣ, и заклеплется удрученїе, тогда развѣ, тогда личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благонравїи, и сколько слова ему вредятъ.

Сочиненїя любострастныя, наполненныя похотливыми начертанїями, дышущїя разрваніомъ, коего всѣ листы и строки, стрекательною наготою зїяютъ, вредны для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Разпламѣняя возпаленное воображенїе, тревожа спящїя чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвремянную наводятъ возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненїя могутъ быть вредны; но не онѣ разврату корень. Если читая ихъ, юноши пристрастятся къ крайнему услажденїю любовной страсти; то немогли бы того про-

извести въ дѣйствїе, небы были торгующїя своею красотою. Въ Россїи таковыхъ сочиненїй въ печати еще нѣтъ, а на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ разкрашенныхъ любовницъ. Дѣйствїе болѣе развратитъ, нежели слово и примѣръ паче всего. Скитающїяся любовницы, отдающїя сердца свои съ публичнаго торга наддателю, тысячу юношей заразятъ язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга недавала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣвокъ, до произведенїи же развратнаго хотя разума, ей дѣла нѣтъ. Заключу симъ: цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно даетъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обвертки. Равно какъ ободренїе ѳеатральному сочиненїю даетъ публика, а не Директоръ ѳеатра. Такъ и выпускаемому въ миръ сочиненїю, цензоръ ни славы недастъ ни безславїя. Завѣса поднялась, взоры

всѣхъ устремились къ дѣйствованїю; нравится, плещутъ; неправится, спучатъ и свищутъ. Оставь глупое на волю сужденїя общаго; оно тысящу найдетъ цензоровъ. Наистрожайшая полицїя невозможетъ такъ запретить дряни мыслей, какъ негодующая на нее публика. Одинъ разъ имъ вонь-мутъ, потомъ умрутъ они и невоскреснутъ во вѣки. Но если мы признали безполезность цензуры, или паче ея вредъ въ царствѣ науки; то познаемъ обширную и безпредѣльную пользу вольности печатанїя.

Доказательства сему кажется ненужны. Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всѣмъ безпрекословно, то естественно, что все, что будетъ придумано, изобрѣтено, то будетъ извѣстно; великое будетъ велико, истинна не затмится. Недерзнутъ правители народовъ удалиться отъ стези правды, и убоятся; ибо пути ихъ, злость и ухищренїе

обнажатся. Возтрепещетъ судїя, подписывая неправедный приговоръ, и его раздеретъ. Устыдится власть имѣющїй, употреблять ее на удовлетворенїе только своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ, прикрытое убїйство, убїйствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истинны. Спокойствїе будетъ дѣйствительное, ибо заквасу въ немъ небудетъ. Нынѣ поверхность только гладка, но илъ на днѣ лежащїй мутится, и тмитъ, прозрачность водъ.

Прощаяся со мною, порицатель цензуры далъ мнѣ небольшую тетрадку. Если, читатель ты нескучливъ, то читай что передъ тобою лежитъ. Если же бы случилось что ты самъ принадлежишъ къ цензурному комитету, то загни листъ, и скачи мимо.

Краткое повѣствованїе о произхрожденїи ценсуры.

Если мы скажемъ, и утвердимъ ясными доводами, что ценсура съ Инквизицїею принадлежатъ къ одному корню; что учредители Инквизицїи изобрѣли ценсуру, то есть разсмотренїе приказное книгъ до изданїя ихъ въ свѣтъ; то мы хотя ничего нескажемъ новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ, извлечемъ, въ добавокъ многимъ другимъ, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческїй, что они подстригали ему крылїе, да необратитъ полетъ свой къ величїю и свободѣ.

Проходя протекшїя времена и столѣтїя, мы вездѣ обретаемъ пережающїе черты власти, вездѣ зримъ силу возникающую на истинну, иногда суевѣрїе ополчающееся на суевѣрїе.

Народъ Аѳинскїй, священнослужителями возбужденный, писанїя Протагоровы запретилъ, велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ ли въ безумїи своемъ, предалъ смерти, на незагладимое во вѣки себѣ поношенїе, вочеловѣченную истинну, Сократа. Въ Римѣ находимъ мы, больше примѣровъ таковаго свирѣпствованїя. Титъ Ливїй повѣствуетъ, что найденные во гробѣ Нумы писанїя, были созжены повелѣнїемъ Сената. Въ разныя времена случалося, что книги гадательные вѣлено было относить къ Претору Свѣтонїй повѣствуетъ, что Кесарь Августъ таковыхъ книгъ велѣлъ сжечь до двухъ тысячь. Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума! Не уже ли запрещая суевѣрныя писанїя, ластители сїи думали, что суевѣрїе истребится? Каждому въ особенности своей, воспрещали прибѣгнуть къ гаданїю, совершаемому, нерѣдко на обуздане токмо мгновенное, грызущей скор-

би; оставляли явныя и государственныя гаданїя, Авгуровъ и Аруспицїевъ. Но если бы во дни просвѣщенїя возмнили, книги учащїя гаданїю или суевѣрїе проповѣдающїе запрещать или жечь, не смѣшно ли бы было, что бы истинна приняла жезлъ гоненїя на суевѣрїе? чтобъ истинна искала на пораженїе заблужденїя, опоры власти и меча, когда видъ ея одинъ, есть наижесточайшїй бичь на заблужденїе?

Но Кесарь Августъ не на гаданїя одни простеръ свои гоненїя, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабїенїя. „Злодѣи его, говоритъ Сенека риторъ, изобрѣли для него сїе новаго рода наказанїе. Неслыханное дѣло и необычайное, казнь извлекать изъ ученїя. Но по щастїю государства сїе разумное свирѣпствованїе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что быть бы могло, если бы Троеначальники за благо положили осудить разумъ Цицерона? „Но мучитель скоро отмстилъ за Лабїенїя

тому, кто исходатайствовалъ созженїе его сочиненїй. При жизни своей видѣлъ онъ, что и его сочиненїя преданы были огню. (*) „Незлому какому примѣру путъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собственному.„ (**) Даждь небо, что бы зло всегда обращалося на изобрѣтателя его, и что бы воздвигшїй гоненїе на мысль, зрѣлъ всегда свои осмѣянными, въ поруганїи, и на истребленїе осужденными! Если мщенїе когда либо извинительно быть можетъ, то развѣ сїе.

(*) Сочиненїя Арїя Монтана, издавшаго въ Нидерландахъ первой реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ томъ же реестрѣ.

(**) Кассїй Северъ, другъ Лабїенїя видя писанїи его въ огнѣ, сказалъ: теперь меня сжечь надлежитъ: ибо я ихъ наизусть знаю. Сїе подало случай при Августѣ къ законоположенїю о поносительныхъ сочиненїяхъ; которое по природному человѣку обезьянству, принято въ Англїи, и въ другихъ государствахъ.

Во времена народнаго правленїя, въ Римѣ гоненїя таковаго рода обращалося только на сусѣдїе, но при Императорахъ простерлось оно на всѣ пвердыя мысли. Кремуцїй Кордъ, въ исторїи своей назвалъ Кассїя, дерзнувшаго осмѣять мучительство Августово на Лабїенїевы сочиненїя, послѣднимъ Римлянниномъ. Римскїй Сенатъ, ползая предъ Тиверїемъ, велѣлъ во угожденїе ему, Кремуцїеву книгу сжечь. Но многїе съ оной ослалися списки. „Тѣмъ паче, говоритъ Тацитъ, смѣяпься можно надъ попеченїемъ тѣхъ, кои мѣчтаютъ, что всемогуществомъ своимъ, могутъ изтребить воспоминовенїе слѣдующаго поколѣнїя. Хотя власть бѣшенствуетъ на казнь разсудка, но свирѣпствованїемъ своимъ себѣ устроила стыдъ и посрамленїе, имъ славу„.

Неизбавилися созженїя книги Іудейскїя при Аннїохѣ Епифанѣ Царѣ Сирскомъ. Равной съ ними подвержены

были участи сочиненїя Христїанъ. Императоръ Дїоклитїанъ, книги священнаго писанїя велѣлъ предать сожженїю. Но Христїанскїй законъ одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучителей, и нынѣ остается во свидѣтельство неложное, что гоненїе на мысли и мнѣнїя, нетокмо не въ силахъ оныя истребить, но укоренятъ ихъ и распространятъ. Арнобїй, справедливо востаетъ противу таковаго гоненїя и мучительства. „Иные вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, что бы Сенатъ истребить велѣлъ писанїя, въ доказательство Христїанскаго исповѣданїя служащїя, которыя важность опровергаютъ древнїя религїи. Но запрещать писанїя, и обнародованное хотѣть истребить, неесть защищать Боговъ, но бояться истинны свидѣтельствованїя. „Но по распространенїи Христїанскаго исповѣданїя, священнослужители онаго, толикоже стали

злобны противъ писаній, которые были имъ противны и не въ пользу. Недавно порицали строгость сію въ язычникахъ, недавно почитали ее знакомъ недовѣренія къ тому, что защищали, но скоро сами ополчилися всемогуществомъ. Греческіе Императоры, занимаяся болѣе церьковными прѣніями, нежели дѣлами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣянія и ученія Іисусовы, понималъ съ ними различно. Таковое гоненіе распространилося и на произведеніе разсудка и разума. Уже, мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшему Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на созженіе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ, на смерть. Императоръ Θеодосій II. проклятыя книги Несторія велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о

писанїяхъ Евтихїя. Въ Пандектахъ Юстинїановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя решенїя. Несмысленные! невѣдали, что испребляя превратное или глупое исполкованїе Христїанскаго ученїя, и запрещая разуму трудитися въ изслѣдованїи какихъ либо мнѣнїй, они останавляли его шествїе; у истины отнимали сильную опору, различїе мнѣнїй, прѣнїя, и невозбранное мыслей своихъ изрѣченїе. Кто можетъ за то поручиться, что Несторїй, Арїй, Евтихїй и другїе Ересники, быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенскїе соборы небыли созваны, что бы Декартъ родиться могъ десять столѣтїй прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!

По разрушенїи Римскїя Имперїи, монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но ништо у нихъ неоспоривалъ свободы писать, что они желали. Въ 768 году Амвросїй Опертъ монахъ Бенедиктинской, посылая тол-

кованїе свое на Апокалипсисъ, къ Папѣ Стефану III, и прося дозволенїя о продолженїи своего труда и о изданїии его въ свѣтъ, говоритъ: что онъ первой изъ писателей проситъ таковаго дозволенїя. „Но да неизчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писанїи, для того, что уничиженїе поклонилося непринужденно.„ Соборъ Санскїй въ 1140 году осудилъ мнѣнїя Абелардовы, а Папа сочиненїя его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Грецїи ни въ Римѣ, ни гдѣ примѣра ненаходимъ, что бы избранъ былъ судїя мысли, что бы кто дерзнулъ сказать, у меня просите дозволенїя, если уста ваши отверзать хотите на велерѣчїе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщенїе, и все что безъ нашего клейма явится въ свѣтъ, объявляемъ за ранѣе, глупымъ, мерзскимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтенїе, предоставлено было Христїянскому священству, и цензура была современна Инквизицїи.

Нерѣдко проходя исторїю, находимъ разумъ суевѣрїю, изобрѣшенїя наиполѣзнѣйшїя современниками грубѣйшему невѣжеству. Въ то время, какъ боязливое недовѣрїе къ вещи утверждаемой, побудило монаховъ учредить цензуру, и мысль испребляпь въ ея рожденїи, въ то самое время дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей на исканїе Америки; Кеплеръ предузнавалъ бышїе притяжательной въ природѣ силы, Нютономъ доказанной; въ то же время родился, начертавшїй въ пространствѣ пупь небѣснымъ тѣлесамъ, Коперникъ. Но къ вящшему сожалѣнїю о жребїи человѣческаго умспвованїя скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечашанїе родило цензуру; разумъ философскїй въ XVIII столѣтїи, произвелъ Иллуминашовъ.

Въ 1479 году находимъ, древнѣйшее доселѣ извѣстное дозволенїе на печашанїе книги. На концѣ книги подъ

заглавїемъ: „Знай самъ себя,„ печатанной въ 1480 году присоединено слѣдующее: мы Морфей Жирардо, Божїимъ милосердїемъ, Патрїархъ Венецїанскїй, первенствующїй въ Далмацїи, по прочтенїи выш писанныхъ Господъ, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи, и по таковому же онаго заключенїю и присоединенному довѣренїю, такъ же свидѣтельствуемъ, что книга сїя православна и богобоязлива. Древнѣйшїи монументъ цензуры, но недревнѣйшїй безумїя!

Древнѣйшее о цензурѣ узаконенїе, доселѣ извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатанїе. Предузнавали монашескїя правленїя, что оно будетъ орудїемъ сокрушенїя ихъ власти, что оно ускоритъ развращенїе общаго разсудка, и могущественно на мнѣнїи, а не на пользѣ общей основанное, въ книгопе атанїи обрящетъ свою кончину. Да позволятъ

намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій на пагубу мысли и на посрамленіе просвѣщенія.

Указъ о неизданіи книгъ греческихъ, Латинскихъ и пр., на народномъ языкѣ, безъ предварительнаго ученыхъ удостоенія 1486 года. (*)

Бертольдъ, Божіею милостію, Святыя Маинцкія Епархіи Архіепископъ, въ Германіи Архиканцелеръ и Курфирстъ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія, чрезъ Божественное печатанія искусство, возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣденія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желаніемъ, искуство сіе употребляютъ во зло, и данное для наученія въ житіи человѣческомъ, обращаютъ на пагубу и злорѣчіе.

(*) Кодексъ дипломатическій изданный Гуденомъ. Томъ IV.

Мы видѣли книги до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ Латинскаго на Нѣмецкой языкъ, и неблагопристойно для святаго закона, въ рукахъ простаго народа обращающіяся, чтожъсказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ правилъ и законоположеній; хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими, писаны разумно и тщательно, но наука сама по себѣ толико запрудительна, что краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на оную достаточна цѣлая жизнь.

Нѣкоторые глупые, дерзновенные и невѣжды, попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди читая переводы сіи признаются, что ради великой несвойственности и худаго употребленія словъ, они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ до другихъ наукъ касающихся, въ которыя

часто вмѣшиваютъ ложное, надписываютъ ложными названіями, и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чемъ болѣе находится покупщиковъ.

Да вѣщаютъ таковые переводчики, если возлюбляютъ истинну, съ какимъ бы намѣреніемъ то нидѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды; да вѣщаютъ, Нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оной того, что Греческіе и Латинскіе изящные писатели, о вышнихъ размышленіяхъ, Христіанскаго исповѣданія и о наукахъ писали, точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, скудости ради своей, языкъ нашъ на сказанное недостаточенъ весьма, и нужно для того, что бы они неизвѣстныя имена вещамъ, въ мозгу своемъ сооружали; или если употребятъ древнія, то испортятъ истинный смыслъ; чего наипаче опасаемся въ писаніяхъ священныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ

и неученымъ людямъ, и женскому полу, въ руки которыхъ попадутся книги священныя, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотри святаго Евангелія строки, или посланія Апостола Павла, всякъ разумный признается, что много въ нихъ прибавленій и исправленій писцовыхъ.

Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ, что въ писателяхъ Каѳолическія церкви, находится зависящее отъ строжайшаго разсмотренія? Многое въ примѣръ поставить можемъ, но для сего намѣренія довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искуства, въ славномъ нашемъ градѣ Маинцѣ, скажемъ истиннымъ словомъ, божественно явилося, и нынѣ въ ономъ исправленно и обогащенно пребываетъ; то справедливо, что бы мы въ защиту нашу приняли важность сего искуства. Ибо должность наша есть, сохранять священныя писанія въ нерастлѣн-

ной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ, о заблужденіяхъ и о продерзостяхъ, людей наглыхъ и злодѣевъ, желая елико намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предъупредить и наложить узду, всѣмъ и каждому, церковнымъ и свѣтскимъ нашей области поддаинымъ, и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ, какого бы они званія и состоянія ни были; симъ каждому повелѣваемъ, что бы никакое сочиненіе въ какой бы наукѣ, художествѣ или знаніи ни было, съ Греческаго, Латинскаго, или другаго языка, переводимо небыло на Нѣмѣцкой языкъ, или уже переведенное, съ перемѣною новаго заглавія, или чего другаго, небыло раздаваемо или продаваемо, явно или скрытно прямо или постороннимъ образомъ, если до печатанія или послѣ печати до изданія въ свѣтъ, небудетъ имѣть, отверстаго дозволенія на печатаніе, или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ

намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ Докторовъ и Магистровъ университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Маинцѣ, отъ Іоганна Бертрама де Наумбурха, въ касающемся до Богословіи, отъ Александра Дидриха въ законоученіи, отъ Ѳеодорика де Мешедя во врачебной наукѣ, отъ Андрѣя Елера во словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ Докторовъ и Магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ, если таковые на продажу изданные книги, небудутъ смотрѣны и утверждены, почтеннымъ и намъ любезнымъ, однимъ Богословіи Магистромъ и однимъ или двумя Докторами и Лиценціатами, которые отъ думы онаго города, на годовомъ жалованьѣ содержимы быть имѣютъ.

Если кто сіе Наше попечительное постановленіе презритъ, или противъ таковаго Нашего указа, подастъ совѣтъ, помощь или благопріятство, своимъ лицемъ или постороннимъ;

тѣмъ самимъ подвергаетъ себя осужденїю на проклятїе; да сверьхъ того лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ, и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенїя, никто безъ особаго повѣленїя, да нарушить недерзаетъ. Дано въ замкѣ С. Мартына, во градѣ Нашемъ Майнцѣ, съ приложенїемъ печати Нашей. Мѣсяца Януарїя, въ четвертый день 1486 года.

Его же о предъидущемъ, какимъ образомъ отправлять цензуру. Лѣта 1486 Бертольдъ и пр. Почтеннѣйшимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ Намъ во Христѣ И. Бертраму богословїи, А. Дидриху законоученїя, Ѳ. де Мешеде, врачеванїя Докторамъ и А. Елеру словесности Магистру, здравїе, и къ нижеписанному прилѣжаніе.

Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ произшедшихъ, и желая онымъ предва-

рить, и заградить путь по возможности, повелѣваемъ, да никто въ Епархіи и области нашей, недерзаетъ переводить книги на Нѣмецкой языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги, въ городѣ нашемъ Майнцѣ, небудутъ разсмотрѣны вами, и касательно до самой вещи, доколѣ небудутъ въ переводѣ и для продажи вами утверждены, согласно съ выше объявленнымъ указомъ.

Надѣяся твердо на ваше благоразуміе и осторожность, Мы вамъ поручаемъ: когда назначаемые къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненіи или книги, къ вамъ принесены будутъ, то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и если нелегко можно дать имъ истинной смыслъ, или могутъ возродить заблужденія и соблазны, или оскорбить цѣломудріе, то оные отвергните; тѣ которые вы отпустите свободными, имѣете вы подписать своеручно, и именно на концѣ двое отъ

васъ; дабы тѣмъ виднѣе было, что та книги вами смотрѣны и утверждены. Богу нашему и Государству любезную и полезную должность отправляйте. Данъ въ замкѣ С. Марцына. 10 Январїя 1486 года.

Разсматривая сїе новое по тогдашнему времени законоположенїе, находимъ, что оно клонилося болѣе на запрещенїе, что бы мало было книгъ печатано на Немѣцкомъ языкѣ, или другими словами, что бы народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненїя на Латинскомъ языкѣ писанные, цензура кажется нераспространялася. Ибо тѣ, которые были свѣдущи въ языкѣ Латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденїя, ему неприступны, и что читали, понимали ясно и некриво. (*)

(*) Сравнить съ нимъ можно, дозволенїе имѣть книги иностранные всякаго рода, и запрещенїе таковыхъ же на языкѣ народномъ.

И такъ священники хотѣли, что бы одни причастники ихъ власти, были просвѣщенны, что бы народъ науку починалъ божественнаго происхожденїя, превыше его понятїя, и несмѣлъ бы оныя коснуться. И такъ изобрѣтенное на заключенїе истинны и просвѣщенїя въ тѣснѣйшїя предѣлы, изобретенное недовѣряющею властїю ко своему могуществу, изобрѣтенное на продолженїе невѣжества и мрака, нынѣ во дни наукъ и любомудрїя, когда разумъ отрясъ несродные ему путы суевѣрїя, когда истинна блистаетъ столично паче и паче, когда источникъ ученїя протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанїя правительствъ стремятся на истребленїе заблужденїй, и на отверстїе безпреткновенныхъ путей разсудку къ истиннѣ; постыдное монашеское изобрѣтенїе трепещущей власти, принято нынѣ по всемѣстно, укоренено и благою прїемлется преградою блужде-

нїю. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностїю дать истиннѣ опору, вы заблужденїемъ хотите просвѣщать народы. Блюдитеся убо, да невозродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовати будете надъ невѣждами, паче загрубѣлыми, что не отъ недостатка пособїй къ просвѣщенїю, невѣжды пребыли въ невѣжествѣ природы, или паче въ естественной простотѣ, но здѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенїю, остановлены въ шествїи, и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая въ томъ вамъ польза боропися самимъ съ собою, и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о семъ священство. Вы заранѣе уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы, если невсегда оковы священнаго суевѣрїя, то суевѣрїя политическаго, несколь хотя смѣшнаго, но сколь же пагубнаго.

По щастію однако же общество, что неизгнали изъ областей вашихъ книгопечатанїе. Яко древо во всегдашней веснѣ насажденное, нетеряетъ своея зелености, тако орудїя книгопечатанїя, остановлены могутъ быть въ дѣйствїи, но неразрушены.

Папы уразумѣвъ опасность ихъ власти, отъ свободы печатанїя родящься могущей, неукоснили законоположить о цензурѣ; и сїе положенїе пріяло силу общаго закона, на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверїй, Папа Александръ VI первый изъ Папъ законоположилъ о цензурѣ въ 1507 году. Самъ согбенный подъ всѣми злодѣянїями, неустыдился пещися о непорочности испокѣданїя Христїанскаго. Но власть когда краснѣла! Буллу свою начинаетъ онъ жалобою на дїавола, которой кулоль сѣетъ во пшеницѣ, и говоритъ: „Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искуства, многїя книги и сочиненїя

въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче въ Кельнѣ, Майнцѣ, Трїерѣ, Магдебургѣ напечатанныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденїя, ученїя пагубныя, Христїанскому закону враждебныя, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются, желая безъ отлагательства предварить сей ненавистной язвѣ, всѣмъ и каждому сказаннаго искуства печатникамъ и къ нимъ принадлежащимъ, и всѣмъ кто въ печатномъ дѣлѣ обращается въ помянутыхъ областяхъ, подъ наказанїемъ проклятїя и денежныя пени, опредѣляемой и взыскиваемой почтенными братїями нашими, Кельнскимъ, Маинцкимъ, Трїерскимъ и Магдебургскимъ Архїепископами или ихъ намѣстниками въ областяхъ ихъ, въ пользу Апостольской камеры; Апостольскою властїю наистрожайше запрещаемъ, что бы недерзали книгъ, сочиненїй или писанїй, печатать или отдавать въ печать, безъ доклада вышесказаннымъ Архїепископамъ или Намѣ-

ствникамъ, и безъ ихъ особливаго и точнаго безденежно испрошеннаго дозволенїя; ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде нежели дадутъ таковое дозволенїе, назначенное къ печатанїю, прилежно разсмотрятъ, или чрезъ ученыхъ и православныхъ велятъ разсмотрѣть, и да прилѣжно пекутся что бы небыло печатано противнаго вѣрѣ православной, безбожное и соблазнъ производящаго. „А дабы прежнїя книги, несодѣлали болѣе нещастїй, то вѣлено было разсмотрѣть всѣ о книгахъ реестры, и всѣ печатныя книги, а которыя что либо содержали противное Каѳолическому исповѣданїю, тѣ сжечь.

О! вы цензуру учреждающїе, воспомните, что можете сравниться съ Папою Александромъ VI и устыдитеся.

Въ 1515 году Латеранскїй Соборъ о цензурѣ положилъ, что бы никакая книга небыла печатана, безъ утвержденїя священства.

Изъ предъидущаго видѣли мы, что цензура изобрѣтена священствомъ, и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятїемъ и денежнымъ взысканїемъ, справедливо въ тогдашнее время казаться могла ужасною, нарушителю изданыхъ о ней Законоположенїй. Но опроверженїе Лутеромъ власти Папской, отдѣленїе разныхъ исповѣданїй отъ Римскїя церькви, прѣнїя различныхъ властей въ продолженїе тридесятилѣтней войны, произвели много книгъ, которыя явилися въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма цензуры. Вездѣ однако же духовенство, присвояло себѣ право производить цензуру надъ изданїями; и когда въ 1650 году, учреждена была во Францїи цензура гражданская, но богословской факультетъ Парижскаго Университета, новому установленїю противурѣчилъ, ссылаясь, что двѣсти лѣтъ, онъ пользовался симъ правомъ.

Скоро по введенїи (*) книгопечатанїя въ Англїи учреждена цензура. Звѣздная палата, неменьше ужасная въ свое время въ Англїи, какъ въ Испанїи Инквизицїя, или въ Россїи Тайная Канцелярїя, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ; учредила освобождателя, безъ дозволенїя котораго ничего печатать несмѣли. Жестокости ея, противъ писавшихъ о правительствѣ, нещетны, и исторїя ея оными наполнена. И такъ, если въ Англїи суевѣрїе духовное, не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду цензуры, возложена она суевѣрїемъ политическимъ. Но то и другое пеклися, да власть будетъ всецѣла, да очи

(*) Виллїамъ Каксшонъ Лондонской купецъ, завелъ въ Англїи книгопечатницу при Едуардѣ IV въ 1474 году. Первая книга печатанная на Аглинскомъ языкѣ была, Разсужденїе о шашечной игрѣ, переведенное съ французскаго языка. Вторая, Собранїе рѣченїй и словъ философовъ, переведенное Лордомъ Риверсомъ.

просвѣщенїя, покрыты всегда пребудутъ туманомъ обаянїя, и да насилїе царствуетъ на щетъ разсудка.

Со смертїю Графа Страфорда рушилась звѣздная палата; но ни уничтоженїе сего, ни судебная казнь Карла I, немогли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанїя. Долгой Парлїаментъ возобновилъ прежнїя положенїя противъ ея здѣланныя. При Карлѣ II и при Яковѣ I, они паки возобновленны. Даже по совершенїи премѣны въ 1692 году узаконенїе сїе подтверждено, но на два только года. Скончавшись, въ 1694 году, вольность печатанїя утверждена въ Англїи совершенно, и ценсура зѣвнувъ въ послѣдней разъ, издохла. (*)

(*) Въ Данїи вольное книгопечатанїе было мгновенно. Спихи Вольперовы на сей случай къ Датскому Королю, во свидѣтельство осталися, что похвалою, даже мудрому законоположенїю, слѣшить ненадлежитъ.

Американскія правительства, приняли свободу печатанія, между первѣйшими законоположеніями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи, въ главѣ I, въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильванскихъ, въ 12 статьѣ говоритъ: „народъ имѣетъ право говорить, писать и обнародовать свои мнѣнія; слѣдовательно свооода печатанія, никогда недолженствуетъ быть затрудняема.„ Въ главѣ 2, о образѣ правленія, въ отдѣленіи 35: „печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хощетъ изслѣдовать, положенія законодательнаго собранія, или другой отрасли правленія. „Въ проектѣ о образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія въ 1776 году въ Іюлѣ. Отдѣленіе 35. „Свобода печатанія, отверспа да будетъ всѣмъ желающимъ изслѣ-

дватъ законодательное правительство, и общее собраніе да некоснется оныя никакимъ положеніемъ. Ни какой книгопечатникъ, да непотребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ примѣчанія, мнѣнія, наблюденія, о поступкахъ общаго собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о повѣденіи служащихъ, поколику оное касается до исполненія ихъ должностей.„ Делаварское Государство, въ объявленіи изъяснительномъ правъ, въ 23 статьѣ говоритъ: „Свобода печатанія, да сохраняема будетъ ненарушимо.„ Мариландское Государство, въ 38 статьѣ, тѣми же словами объясняется. Виргинское, въ 14 статьѣ говоритъ сими словами: „Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной.„

Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года, во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ толико стѣсняемо небыло, какъ въ

семъ государствѣ. Стоглазный Аргъ, сторучный Бріарей, Парижская полиція, свирѣпствовала противъ писаній и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ, томилися нещастные, дерзнувшіе охуждать, хищность Министровъ и ихъ распутство. Если бы языкъ французскій, небылъ толико употребителенъ въ Европѣ, небылъ бы всеобщимъ, то Франція стеня подъ бичемъ цензуры, недостигла бы до того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ся писатели. Но общее употребленіе французскаго языка, побудило завести въ Голандіи, Англіи Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все что явиться недерзало во Франціи, свободно обнародовано было въ другихъ мѣстахъ. Тако сила кичася своими мышцами осмѣяна была и неужасна; тако свирѣпства пеняющіяся челюсти праздны оставалися, и слово твердое ускользало отъ нихъ непоглощенно.

Но дивись несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ шевдятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, ценсура во Франціи неуничтожена. И хотя все тамъ печатается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы недавно читали, да возплачутъ Французы о участи своей, и съ ними человѣчество! мы читали недавно, что народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ досель ихъ Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали подъ судъ, за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще хождаешъ близъ Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ Нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нее возможность свирѣпствовать противъ раз-

судка и просвѣщенїя. Малыя Нѣмецкїя правленїя, хотя вольности книгопечанїя, стараются положить преграду. но безъуспѣшно. Векерлинъ, хотя мстящею властїю, посаженъ былъ подъ стражу, но Сѣдое Чудовище, осталося у всѣхъ въ рукахъ. Покойной Фридрихъ II Король Пруской, въ земляхъ своихъ печатанїе злѣлалъ почти свободнымъ; некакимъ либо законоположенїемъ, но дозволенїемъ токмо, и образомъ своихъ мыслей. Чему дивится, что онъ неуничтожилъ цензуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезнѣйшая страсть была всесилїе. Но воздержись отъ смѣха. — Онъ узналъ, что указы имъ изданные, нѣкто намѣренъ былъ собравъ напечатать. Онъ и къ онымъ приставилъ двухъ цензоровъ, или правильнѣе сказать браковщиковъ. О властвованїе! о всѣсилїе! ты мышцамъ своимъ недовѣряешь. Ты боишся собственнаго своего обвиненїя, боишся что бы языкъ твой тебя непосра-

милъ, что бы рука твоя тебя незаушила! -- Но какое добро сіи насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вредъ. Скрыли они отъ глазъ потомства нелѣпое какое либо законоположеніе, которое на судъ будущей, власть оставить стыдилась; которое оставшися явнымъ, было бы можетъ быть уздою власти, да недерзаетъ на уродливое. Императоръ Іосифъ II рушилъ отъ части преграду просвѣщенія, которая въ Австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ, въ царствованіе Маріи Терезіи, тяготила разсудокъ; но немогъ онъ стрясти съ себя бремени предразсужденіи, и предложное издалъ о цензурѣ наставленіе. Если должно его хвалить за то, что невозбранялъ опорочивать свои рѣшенія, находить въ поведѣніи его недостатки, и таковыя порицанія издавать въ печати; но похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей, онъ оставилъ узду. Сколь легко упо-

требить можно оную во зло! . . . (*) Чему дивишься, скажемъ и теперь какъ прежде: Онъ былъ Царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей если не въ Царской?

Въ Россіи . . . . . Что въ Россіи съ цензурою происходило, узнаете въ другое время. А теперь не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

(*) Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Іосифа II, намѣренъ возобновить цензурную комисію, предмѣстникомъ его уничтоженною.

МѢДНОЕ.

Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли,,.....Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ -- пляшутъ -- подойдемъ по ближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. -- Но я читалъ слѣдующее. Немогъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостнымъ гласъ нехитросшнаго веселія, до сердца моего непроникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли, и суди.

Каждую недѣлю два раза, вся Россійская Имперія извѣщается, что Н: Н: или Б: Б: въ несостояніи или нехочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про....., или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н: Н: или Б: Б:

другими какими либо случаями, пошелъ въ долгъ, или подъ взысканїе. То и другое на равнѣ въ вѣдомостяхъ прїемлется. -- Публикуется -- „Сего.... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленїю уѣзднаго суда, или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго морга, отставнаго Капитана Г.... недвижимое имѣнїе, домъ состоящей въ... части, подъ Но... и при немъ, шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающїе могутъ осмотрѣть заблаговремянно.„

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ гдѣ оная производится, стоятъ неподвижны, на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, опершись на вязовой дубинкѣ, жаждетъ угодать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцемъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при

Фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфурскую баталїю, онъ раненаго своего господина, унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой былъ дядькою своего молодаго барина. Во младенчествѣ, онъ спасъ его отъ утопленїя, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ переѣжжая на поромѣ, и съ опасностїю своей жизни, спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ задолги, въ бытность свою въ гвардїи унтеръ офицеромъ. -- Старуха 80 лѣтъ; жена его, была кормилицею матери своего молодаго барина; его была нянькою, и имѣла надзираніе за домомъ, досамаго того часа, какъ выведена на сїе торжище. Во все время службы своея, ничего у господъ своихъ неутратила, ни чемъ непокорыстовалась, никогда нелгала, а если иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушїемъ. -- Женщина лѣтъ въ 40 вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днѣсь чув-

ствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ болѣе живописомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его нерадѣла. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Онѣ съ нимъ разстаются какъ съ сыномъ. — Молодица 18 лѣтъ дочь ея и внучка стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы лiющiяся изъ ея прелѣстныхъ очей. Не ты ли, невозмогши прельщенiемъ и обѣщанiями уловить ея невинности, ни устрашить ея непоколебимости угрозами и казнiю, на конецъ употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насладился веселiемъ, котораго она дѣлить съ тобой гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанной съ нею некоснулся болѣе ея ложа, и ты лишенъ сталъ твоея утѣхи,

употребилъ насиліе. Четыре злодѣя, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги..... но сего неокончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе. Она держишъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, позабыла отцево звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, что бы непопасть въ руки ему подобнаго. — Младенецъ.... Твой сынъ варваръ, твоя кровь. Иль думаешъ, что гдѣ небыло обряда церьковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности. Иль думаешъ, что данное по приказанію твоему благословеніе, наемнымъ извѣщателемъ слова Божія, сочетованіе ихъ утвердило, иль думаешъ, что насильственное вѣнчаніе во храмѣ Божіемъ можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ, онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодѣйствъ и расплѣ-

ній, совершается во имя отца радостей и ушѣнителя скорбей, при его свидѣтеляхъ, недостойныхъ своего сана. -- Дѣтина лѣтъ въ 25, вѣнчанной ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ ево глазахъ. Раскаявается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать нетрудно..... Безплодное рвеніе. Достанешся другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей. Ты умереть неумѣешь. Ты склонишся и будешъ рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. А если бы возхотѣлъ противиться, умрешъ въ оковахъ томною смерьтію. Судіи между вами нѣтъ. Незахочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать. Онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ

тебя градскому правосудїю. — Правосудїе! — гдѣ обвиняемый неимѣетъ почти власти оправдаться. — Пройдемъ мимо другихъ нещастныхъ, выведенныхъ на торжище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо нещастныхъ узнали свою участь — слезы, рыданїе, стонъ пронзили уши всего собранїя. Наитвердѣйшїя были пронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованїе? О Квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и купивъ сихъ нещастныхъ, даровали бы имъ свободу. — Живъ многїя лѣта въ обѣяпїяхъ одинъ другаго, нещастные сїи къ поносной продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, или лучше сказать, обычай варварской, ибо въ законѣ того неписано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣянїе, какое право имѣетъ продавать сего младенца? Онъ незаконнорожденной. Законъ

его освобождаетъ. Постойте я буду доносителъ; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О щастїе! по что ты такъ обидило меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесь жажду вкусити прелѣстнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству. -- Сердце мое сполъ было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранїя, и отдавъ нещастнымъ послѣднею гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. -- Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешъ! Возвратись, сказалъ я ему; небудь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай, варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селенїяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я, небудь свидѣшелемъ нашего затмѣнїя, и да невозвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бѣседуя съ ними о нашихъ нравахъ.-- Немогу сему я вѣритъ,

сказалъ мнѣ мой другъ; невозможно, что бы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновенїе.-- Недивись, сказалъ я ему, установленїе свободы въ исповѣданїи, обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ прїобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово спадо. Но свобода сельскихъ жителей, обидитъ какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великїе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенїя.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у насъ, говорилъ то-
варищъ мой практирнаго обѣда, въ
разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлет-
ся, далеко еще отстоитъ величія. По-
езія было пробудилась, но нынѣ паки
дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло
одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ уразумѣвъ смѣшное въ
Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ,
снялъ съ нихъ несродное имъ полукаф-
танье. Подавъ хорошіе примѣры но-
выхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдова-
телей своихъ узду великаго примѣра,
и никто доселѣ ошшатнушься ошъ
него недерзнулъ. По нещастію слу-
чилося, что Сумароковъ въ то же вре-
мя былъ; и былъ отмѣнной стихотво-
рецъ. Онъ употреблялъ стихи по при-
мѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ
за ними, невоображаютъ, что бы другіе
стихи быть могли, какъ Ямбы, какъ

такїе, какими писали сїи оба знаменитые мужи. Хотя оба сїи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложенїй, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни одинъ кого подражанїя незаслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопѣвца Давпилями, или если бы Сумароковъ, Семиру или Димитрїя написалъ Хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь Ямбовъ, и болѣе бы славы въ осмилѣтнѣмъ своемъ пріобрѣлъ прудѣ, описавъ взятїе Казани, свойственнымъ Епопеѣ стихосложенїемъ. Недивлюсь, что древней трехъ на Виргилїя надѣлъ Ломоносовскимъ покроемъ; но желалъ бы я, что бы Омиръ между нами не въ Ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его, Ексаметрахъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ а переводчикъ, сдѣлалъ бы Епоху въ нашемъ стихосложенїи;

ускоривъ шествїе самой Поезїи цѣлымъ поколѣнїемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ, основановили Россїйское стихосложенїе. Неутомимой возовикъ Тредїяковскїй, немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенїя очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложенїи, глубокїй пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами, и Рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать Дактилями, тому тотъ часъ Тредїяковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ неродится Мильтона, Шекеспира или Больпера. Тогда и Тредїяковскаго вырокутъ изъ порозшей мхомъ забвенїя могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложенїи препятствовать будетъ при-

выкшее ухо ко краесловїю. Слышавъ долгос время единогласное въ стихахъ окончанїе, безрифмїе покажется трубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французкой языкъ будетъ въ Россїи, больше другихъ языковъ въ употребленїи. Чувствия наши, какъ тибкос и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволенїю. Сверхъ же того въ стихотворенїи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословїя. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота необлекнетъ никогда. Омиръ, Виргилїй, Мильтонъ, Расинъ, Волтеръ, Шекеспиръ, Тассо и многїе другїе, читаны будутъ доколѣ неистребится родъ человѣческїй.

Излишнимъ почитаю я бѣседовать съ вами, о разныхъ стихахъ Россїйско-

му языку свойственныхъ. Что такое Ямбъ, Хорей, Дакпиль, или Анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійской языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали невсегда Ямбами. Гораздо бы Епической поемѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады небылъ въ Ямбахъ, а Ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ пирной мой товарищъ, однимъ духомъ и съ толикою поворотливостію языка, что я неуспѣлъ ни чего ему сказать на возраженіе, хотя много кой чего имѣлъ на защищеніе, Ямбовъ и всѣхъ тѣхъ которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ заразительному послѣдовалъ примѣру, и сосочинялъ стихи Ямбами, но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ; да и оставшуюся таже ожидаетъ участь, какъ и сосестръ ея поспѣшая. Въ Москвѣ нехотѣли ее напечатать, по двумъ причинамъ, первая, что смыслъ въ стихахъ неясенъ, и много стиховъ топорной работы, другая, что предмѣтъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ, просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся яко нѣжной отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать нехотѣли, снисходительно возрятъ на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ, прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ подавая бумагу. -- Я ее развернулъ и читалъ слѣдующее. Вольность. . . . Ода. . . . За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ.

Но я очень помню, что въ Наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: „вольностію называть должно то, что всѣ одинаковымъ повинуются законамъ. Слѣдственно о вольности у насъ говорить вмѣстно.

I.

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ;
О! вольность, вольность, даръ безценный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ,
Во свѣтъ, рабства тьму, претвори
Да Брутъ и Телль, еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся,
Отъ гласа твоего Цари.

Сію строфу обвинили для двухъ причинъ, за стихъ, „во свѣтъ рабства тьму претвори. „Онъ очень тугъ, и трудень на изреченіе, ради частаго по-

вторенїя буквы Т, и ради соитїя частаго согласныхъ буквъ, „бства тьму претв.„ на десять согласныхъ три гласныхъ, а на Россїйскомъ языкѣ толико же можно писать сладостно, какъ и на Италїанскомъ. . . . Согласенъ. . . . хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ находя въ негладкости стиха изобразительное выраженїе трудности самаго дѣйствїя. . . . Но вотъ другой, „да смятутся отъ гласа твоего Цари.„ Желать смятенїя Царю, есть то же, что желать ему зла; слѣдовательно. . . . . Но я нехочу вамъ наскучить всѣми примѣчанїями, на стихи мои сдѣланными. Многїе признаюсь изъ нихъ были справедливы. Позвольте что бы я вашимъ былъ чтецомъ.

2.

Я въ свѣтъ изшелъ и ты сомною. . . . Сїю строфу проидемъ момо. Вотъ ее содержанье:

Человѣкъ во всемъ отъ рожденїя свободенъ. . . . .

3.

Но чтожъ претитъ моей свободѣ,
Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ;
Возникла общa власть въ народѣ,
Соборной всѣхъ властей удѣлъ.
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно.
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди пятченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины,
Средь мирныхъ подъ сѣньми олив.
Пароска мармора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива некурится,
Тамъ надпись пламенная зрится:
„Конецъ, невинности бѣдамъ.„

5.

Оливной вѣтвїю веньчанно,
На твердомъ камени сѣдяй;
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество . . . . . .

И пр. изображается законъ въ видѣ божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудїе.

6.

Возводитъ строгїя зеницы,
Льетъ радость, трепетъ, вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепрїятства,
Породы, знатности, богатства,
Тнушаясь жертвенныя тли;
Родства незнаетъ, ни прїязьни
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божїй на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,

Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ.
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ
Его отчизна намъ гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою,
И всюду вѣя ползкій ядъ; . . . .

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъемлющаго у человѣка чувствительность, влекущее его въ яремъ порабощенія и заблужденія во броню его облекшее:

Бояпся истинны велѣлъ. . . . .
Власть называетъ оное, извѣтомъ божества; разсудокъ обманомъ.

9.

Возримъ мы въ области обширны,
Гдѣ тусклой тронъ стоитъ рабства;

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣрїе священное и политическое, подкрѣпляя другъ друга,
Союзно общество гнѣтутъ.
Одно сковать разсудокъ тщится.
Другое волю смерть стремится;
На пользу общую рекутъ.

10

Покоя рабскаго подъ сѣнью,
Плодовъ златыхъ невозростетъ;
Гдѣ все ума претитъ стремленью,
Великость тамъ непроязбетъ.

И всѣ злые слѣдствїя рабства, какъ то безпѣчность, лѣность, коварство, голодъ и пр.

11.

Чело надмѣнное вознеси,
Схвативъ желѣзный скипетръ, Царь,
На громномъ троиѣ, властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишъ подлу тварь.
Живошъ и смерть въ рукѣ имѣя:
„По волѣ, рѣкъ, щажу злодѣя,

„Я властїю могу дарить;
„Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
„Нахмурюсь грозно, все смятется.
„Живешъ тогда, велю коль жить.„

12.

И мы внимаемъ хладнокровно.....
Какъ, алчной змїй, ругаяся всѣмъ,
отравляетъ, дни веселїя и успѣхъ.
Но хотя во кругъ твоего престола
всѣ стоятъ преклонше колѣна; тре-
пещи, се мстителъ грядетъ, прори-
цая вольность.....

13.

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна,
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣ-
шитъ.
Мечь остръ, я зрю вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть лѣта-
етъ;
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы;

Се право мщенное природы
На плаху возвело царя,

14.

И ноши се завѣсу лживой,
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой,
Огромной испуканъ поправъ;
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ;
„Преступникъ власти мною данной!
„Вѣщай злодѣй, мною вѣнчанной,
„Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

15

„Тебя облекъ я во порфиру
„Равенство въ обществѣ блюсти,
„Вдовицу призирать и сиру,
„Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
„Отцемъ ей быть, чадолюбивымъ;
„Но мстителемъ непримиримымъ,
„Пороку, лжѣ и клеветѣ;
„Заслуги честью награждати,
„Устройствомъ зло предъупреждати,
„Храними нравы въ чистотѣ.

16.

Покрылъ я море кораблями.....
Далъ способъ къ приобрѣтенію богатствъ и благодѣтствія. Желалъ я что бы земледѣлецъ небылъ плѣнникъ на своей нивѣ, и тебя бы благословлялъ.....

17.

„Своихъ кровей я безъпощады
„Гремящую воздвигнулъ рать;
„Я мѣдны изваялъ громады,
„Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать.
„Тебѣ велѣлъ повиноваться
„Съ тобою къ славѣ устремляться.
„Для пользы всѣхъ, мнѣ можно все.
„Земныя нѣдра раздираю,
„Металлъ блестящій извлекаю,
„На украшеніе пивое.

18.

„Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
„Забывъ, что я избралъ тебя;
„Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
„Возмнилъ, что ты Господь, не я;

„Мечемъ мои разторгъ уставы;
„Безгласными повѣрь всѣ правы,
„Стыдишься истинѣ велѣлъ.
„Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
„Взывать сталъ не ко мнѣ но къ Богу,
„А мной гнушаться восхотѣлъ.

19.

„Кровавымъ потомъ доставая
„Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
„Съ тобою крохи раздѣляя,
„Своей нищуги нещадилъ;
„Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
„На чтожъ скажи ихъ недостало,
„Что рубище съ меня сорвалъ?
„Дарить любимца полна лести!
„Жену чуждающуся чести!
„Иль злато Богомъ ты призналъ?

20.

„Въ отличность знакъ изобрѣтенный,
„Ты началъ наглости дарить;
„Въ злодѣя мечь мой изощренный,
„Ты сталъ невинности сулить;

„Стружденные полки въ защиту,
„На брань ведешь ли знамениту,
„За человѣчество карать?
„Въ кровавыхъ борешся долинахъ,
„Дабы упившися въ Аѳинахъ,
„Ирой, зѣвавъ могли сказать.

21.

Злодѣй злодѣевъ всѣхъ люпѣшій...
Ты всѣ совокупилъ злодѣянія, и жало
свое въ мѣня устремилъ.....
Умри, умри же ты сто кратъ.
Народъ вѣщалъ.....

22.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханьжа, и льстецъ и святотать!
Единъ ты, въ свѣтъ столь благо-
творный
Примѣръ великій, могъ подать.
Я чту Кромвель въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ.
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы,
Ты Карла, на судѣ, казнилъ.

23.

И се гласъ вольности раздается
во всѣ концы.....
На вечѣ весь течетъ народъ;
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древлѣ сотрясаетъ,
Исполненный коварствъ черногъ.
Закономъ строитъ твердь природы.
Великъ, великъ, ты духъ свободы,
Зиждителенъ какъ самъ есть Богъ!

24.

Въ слѣдующихъ одиннадцати стро-
фахъ, заключается описаніе царства свободы, и дѣйствія ея; по есть сохранность, спокойствіе, благодѣнствіе, величіе.....

34.

Но страсти изощряя злобу.....
Превращаютъ спокойствіе гражданъ въ пагубу.....
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны раздираютъ,
И всѣ слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовали.....

35. 36. 37.

Описанїе пагубныхъ слѣдствїй роскоши. Междоусобїй. Гражданская брань. Марїй, Сулла, Августъ.....
Тревожну вольность усыпилъ.
Чугунный скипетръ обвилъ цвѣтами...
слѣдствїе того, порабощенїе.....

38. 39.

Таковъ есть законъ природы; изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабспво.....

40.

Начпо сему дивиться, и человѣкъ родится на то чпо бы умереть.....
Слѣдующїя 8 спрофъ содержатъ прорицанїя о будущемъ жребїи отечсства, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе чемъ будетъ пространнѣе. Но время еще непришло. Когда же оно наспупитъ, тогда
Встрещатъ заклѣпы тяжкой ночи.
Упругая власть при издыханїи присшавитъ стражу къ слову, и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ ма-

хомъ раздавить возникающую вольность..... 49.

Но человѣчество возревет въ оковахъ, и направляемое надеждою свободы, и неистребимымъ природы правомъ, двинется..... И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложенїе, тогда тяжелая власть, Развѣется въ одно мгновенье.
О день избраннѣйшїй всѣхъ днѣй!

50.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.
Мрачная шверд позыбнулась, и вольность возсїяла.

Вотъ и конецъ, сказалъ мнѣ новомодной стихотворецъ. -- Я очень тому порадовался, и хотѣлъ было ему сказать, можетъ быть непрїятное на стихи его возраженїе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карапкаться на пегаса, когда онъ съ норовомъ.

ГОРОДНЯ.

Въѣжжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ, слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцовъ. Вставъ изъ моей кибитки отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину, примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ узналъ я, что рекрутской наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ пятидесяти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешъ? Кому ты поручаешъ домъ родительской? Поля наши поростутъ травою; мохомъ наша хижина. Я бѣдная престарѣлая мать твоя, скипаться дол-

жна по мїру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ мѣня и накормитъ? Да все то нестоль сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханїи? Кто приметъ мое родительское благословенїе? Кто, тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ воспомянуть меня надъ могилою? Неканетъ на нее твоя горячая слеза; небудетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи спояла дѣвка уже взрослая. Она такъ же вопила.-- Прости мой другъ сердечной, прости мое красное солнушко. Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, небудетъ больше утѣхи ни веселья. Непозавидуютъ мнѣ подруги мои. Невзойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешъ, ни вдовою ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бы намъ обвѣнчатися; хотя бы ты мой милой другъ,

хотя бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. А вось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшенїе.

Парень имъ говорилъ: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жеребей. Воля Божїя. Кому неумирать, тотъ живъ будетъ. А восьлибо я съ полкомъ къ вамъ приду. А восьлибо дослужуся до чина. Некрушися моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. -- Рекрута сего отдавали изъ Економическаго селенїя.

Со всѣмъ другаго рода слова, вялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окресть стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь

буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ ошъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ небуду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину, необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ, онъ отвѣтствовалъ: Если бы, государь мой, съ одной стороны, поставлена была висилица, а съ другой глубокая рѣка и стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было ити на право или на лѣво, въ пеплю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ что преплывъ на другой брегъ опасность уже минется. Нл кто несогласился бы изпытать,

тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей щитаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ но къ нещастію ихъ горчайшему они чувствительности нелишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего неудивляетесь жестокосердію своей собратіи, дворянъ.

И по истиннѣ неожидалъ я сказаннаго, отъ одѣтаго въ смурой кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но желая удовлѣтворить моему любопытству, я просилъ его, что бы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи толь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, недо-

стающихъ нерѣдко въ людяхъ, несвойственно называемыхъ благородными.

Если вы непоскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что неназовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ именованїемъ, ни позыва несдѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечной, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшїй надъ участїю своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитанїе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различїя между нами почти небыло развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодаго боярина, тому учили и меня; наставленїи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодаго господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастїе твое зависитъ совсемъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешъ побужденїй, нежели мой сынъ Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды неузнаетъ, а ты съ рожденїя съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченїя. -- На семнадцатомъ году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужїе краи съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюся, что ты возратишся къ утѣшенїю моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возратясь же въ оное, узъ рожденїемъ твоимъ на тебя наложенныхъ, ты необрящешъ. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращалися въ Россїю; молодой мой баринъ въ радости ви-

дѣтъ своего родителя, а я признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщанїемъ. Сердце трепетало вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствїе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ, получилъ извѣстїе о смерьти своего отца. Онъ былъ оною пронутъ, я приведенъ въ отчаянїе. Ибо всѣ мои стараніи, пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодаго моего барина, всегда были тщетны. Онъ нетолько меня нелюбилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятенїе, извѣстїемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщанїе непозабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сїе сказать, ибо получивъ свободу смертїю своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды

его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомыслїе оныя помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшей мой господинъ, влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу; но которая съ красотою тѣлесною, соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденїя, отличностїю почитала только внѣшность, знатность, богатство. Чрезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина, и моя повелительница. До того времени я нечувствовалъ перемѣны въ моемъ состоянїи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего неприказывалъ, но я предъупреждалъ его иногда желанїи, чувствуя его власть и мою участь. Едва моло-

дая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялася начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребїя. Первой вечеръ по свадьбѣ и слѣдующїй день, въ которой я ей представленъ былъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру когда при довольно многолюдномъ собранїи, пришли всѣ къ столу, и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенїю моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа, сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной несажалъ. Онъ взглянувъ на меня и движемъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, что бы я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сїе уничиженїе. Я скрывъ однако же, изступающїя изъ

глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день несмѣлъ я показаться. Ненавѣдываяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующїе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня небыло дома. Неповторю того, что она говорила будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ етажѣ, съ холостыми офицїантами; гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ кои хъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сїе удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но

дабы незанимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣствованіемъ, госпожа моя вступивъ въ управленіе дома, и ненаходя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности, влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мнѣ неродиться! Колико крапъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрости въ невежествѣ, недумавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы неудерживало прещеніе вышняго надъ всѣми судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ нетокмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва непреступилъ я своего обѣта, и неотъялъ у себя томныя оста-

шки плачевнаго житїя, при случившемся новомъ души уязвленїи.

Плѣмянникъ моей барыни, молодецъ осмадцати лѣтъ, сержантъ Гвардїи, воспитанный во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горнишную дѣвку своей тетушки, и скоро овладѣвъ, опытною ея горячностїю, сдѣлалъ се матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ произшествїи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его узнавъ о семъ запретила входъ къ себѣ своей горнишной; а плѣмянника побранила съ лѣгка. По обыкновенїю милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей ненашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствїи своего супруга мнѣ возвѣстила, яко отмѣнную мнѣ ми-

лость. Немогъ я болѣе терпѣть поруганїя.-- Безчеловѣчная женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло; говоришь вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сїе право. Я и сему мало вѣрю; но что неправо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть неможетъ. -- Слова мои произвели въ ней звѣрское молчанїе. Обратясь потомъ къ супругу ея.-- Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщанїе, забылъ и свое изреченїе; но недоводи до отчаянїя души, твоея благороднѣйшей, страшись! -- Болѣе сказать я немогъ, ибо по повелѣнїю госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню, и сѣченъ нещадно кошками. Надругой день, едва я могъ встать отъ побоевъ съ постѣли; и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ

и я любя ее къ самомъ ея преступленїи, хочу ето для нее сдѣлать. Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другаго неимѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство, въ принужденїи меня къ тому, къ чему неимѣете права. -- Ну такъ пора въ солдаты, вскричала яростно моя госпожа..... Потерявшей путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю, меньше обрадуется сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сїи слова: въ солдаты, повторила она, и на другой день то бы исполнено. -- Несмысленная! она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленїе въ солдаты есть наказанїе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О! надежда сладостное нещастному чувствїе, пребуди во мнѣ. -- Слеза тяжкая, но не

слеза горести и отчаянїя изтупила изъ очей его. -- Я прижалъ его къ сердцу моему. Лице его новымъ озарилось веселїемъ. Невсе еще изчезло; ты вооружаешъ душу мою, вѣщалъ онъ мнѣ, противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствїе мое небезконечно. . . . .

Отъ сего нещастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованыхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленїя достойно, сказалъ я самъ себѣ взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, нетокмо нежелаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сїе состоянїе; но обыкнувъ въ семъ тяжкомъ во исполненїи званїи, спановятся бодры, предпрїимчивы, гнушаяся даже прежняго своего состоянїя. Я спросилъ у одного близъстоящаго, которой по одеждѣ своей приказнымъ служителемъ быть казался. -- Коне-

чно боясь ихъ побѣгу заключили ихъ въ толь тяжкія оковы.—Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому занадобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ для отдачи въ рекруты, казеннымъ крестьянамъ.

Я.) Мой другъ ты ошибаешся, казенные крестьяне покупать немогутъ своей братіи.

Онъ.) Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ нещастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ той волости, которая за нихъ платила деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными, для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего непреступившіе въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы! премудрость ваша, часто бываетъ только въ вашемъ

слотѣ! Не явное ли се вамъ посмѣяніе? Но паче еще того, посмѣяніе священнаго имени вольности. О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, ярясь въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ, изторгнулися великіе мужи, для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишенны. -- Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе. -- Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны, Если бы хотя немного имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ.. Возвратимся.... Друзья мои, сказалъ

я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ; вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить въ воинское званїе, ни кто къ тому васъ теперь принудить неможетъ. -- Перестань баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки, больно было разставашься одному съ дряхлымъ отцемъ, другому съ малолѣтными сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты за тысячу рублей. -- Если вы до сего времени невѣдали, то вѣдайте что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать немогутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ. -- О если такъ баринъ, то спасибо тѣбе; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты нехотимъ и что мы вольные люди. -- Прибавьте къ

тому, что васъ продалъ вашъ господинъ, не въ указное время и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ. (*) — Легко себѣ вообразить можно радость распростершуюся налицахъ сихъ нещастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы, какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты, отдатчики рекрутскіе разумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили барину не въ свое мѣшается дѣло, отойди пока сухъ; и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принужденъ былъ удалиться отъ сел толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружа-

---

(*) Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія.

щихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалося, пьянаго, кривляющагося на предстоящихъ, которые глядя на него хохотали до слезъ. -- Что тутъ за чудо спросилъ я у одного мальчика, чему вы смѣетеся? -- А вотъ рекрутъ иноземецъ, поруски неумѣетъ пикнуть. -- Изъ рѣдкихъ словъ имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ французъ. Любопытство мое паче возбудилося; и желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ. -- Мой другъ, какими судьбами ты здѣсь находишся?

Французъ.) Судьбѣ такъ захотѣлося, гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я.) Да какъ ты попался въ рекруты?

Фран.) Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я.) Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты. Изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ крестьянъ, и рускихъ; а ты я вижу не мужикъ, и не руской.

Фран.) А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился перукмахерству. Выѣхалъ въ Россїю съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ. Ему мнѣ заплатить было нечемъ. Я оставивъ его; ненашедъ мѣста, чуть неумеръ съ голоду. По щасптю могъ попасть въ матрозы на корабль, идущей подъ Россїйскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ Россїйской подданной, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ, за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня на

всегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался Прускимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ будучи пьяной своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ что я обязанъ въ Россіи присягою; и яко вѣрной сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ щастіе и искуство мое мнѣ послужили; выигралъ въ шинкѣ рублей съ двадцать и купивъ себѣ за десять, изрядной кафтанъ, отправился лакѣемъ съ Казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина, и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали, ты говоришъ по французски,

що и того довольно. Хозяинъ мой невидалъ какъ я на улицѣ отъ него удалился, онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто, за сто пятьдесятъ рублей, пудъ сахару, пудъ кафе, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить надлѣжало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ незнали, что я писать неумѣю. Но какой то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Ненашедъ другаго подобнаго сему дурака, немогши отправлять мое ремѣсло съ изломанными пальцами, и боясь умереть съ голоду, я продалъ себя за двести рублей. Меня записали въ крестьяне, и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ важнымъ видомъ, что сколь скоро будетъ война, то дослужуся до генеральскаго чина; а небудетъ войны, то набью карманъ (коли можно)

и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь.

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гранодерской шабкѣ, гордо разхаживающаго, и держа поднятую плѣть кричащаго: Лошадей скорѣя; гдѣ староста? его Превосходительство будетъ здѣсь чрезъ минуту; подай мнѣ старосту.... Снявъ шляпу за сто шаговъ староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланной ему позывъ. -- Лошадей скорѣя. — Тотъ часъ батюшка; пожалуйте подорожную. -- На. Да скорѣя же, а то я тебя.... говорилъ онъ поднявъ плѣть надъ головою дрожащаго старосты. Недокончанная сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія въ Енеидѣ, рѣчь Еола къ вѣтрамъ

„Я васъ„ ..... и сокращенной видомъ плѣши, властновелительнаго гранодера староста, столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры, ощущали надъ собою власть, сильной Еоловой строги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ, „его Прево„сходительству съ честною его фа„милїей, потребно пятьдесятъ лоша„дей, а у насъ только тридцать на „лицо, другїя въ разгонѣ. — Роди ста„рой чортъ. А небудетъ лошадей „то тебя изъуродою. — Да гдѣ же ихъ „взять, коли взять негдѣ. — Разгово„рился еще..... А вотъ лошади у меня „будутъ„.... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно. — „Полно ли съ тебя. „Да вотъ три свѣжїе, говорилъ стро„гїй судья ямскаго стана, указывая „на впряженныхъ въ мою повозку. Вы„пряги ихъ для насъ. — Коли баринъ „та ихъ отдастъ. — Какъ бы онъ не-

„отдалъ. У меня и ему то же доста-
„неiпся. Да кiпо онъ таковъ? — Не-
„вѣсть какой то..... какъ онъ меня
величалъ, того незнаю.

Между тѣмъ я вышедъ на улицу, воспретилъ храброму предтѣчѣ его Превосходительства, исполнить его намѣренїе, и выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ полканомъ, прерванъ былъ пріѣздомъ его Превосходительства. Еще издали слышенъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь, Частое бїенїе копытъ, и зрѣнїю уже непримѣтное обращенїе колесъ подымающеюся пылью, толико сгуспили воздухъ, что колесница его Превосходительства, закрыта была непроницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его, аки громовой тучи ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудесное бы тушъ увидѣлъ; ибо не-

сущееся пыльное облако подъ знатною его Превосходительства особою, вдругъ остановясь развернлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли серовиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ пріѣзду моего на почтовой станъ, до того времени какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошло по крайнѣй мѣрѣ цѣлой часъ. Но повозки его Превосходительства, запряжены были неболѣе какъ въ четверть часа ..... и поскакали они на крылѣхъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казалися пѣхъ, кои удостоились вести Превосходительную особу, но небояся гранодерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лѣнтами. Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ, и дабы имъ въ путешествіи зѣвая ненаскучилось, скачутъ они нежалѣя ни

ногъ ни легкаго, и нерѣдко отъ на туги околеваюпіъ. Блаженны повторю я имѣющіе внѣшность къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плѣти имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ называется; что ему ни А,.. ни О,.. во всю жизнь свою сказать не удалося; (*) что онъ одолженъ, и сказать стыдно, кому своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, пьянство, грабежъ, убивство небольше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиды его никогда отъ стыда некраснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечены; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника, и рабъ едва, едва при дворѣ нечто зна-

---

(*) См. рукописную Придворную Грамматику фонъ-Визина.

чущаго. Но властелинъ и презирающъ, невѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность, безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцовъ они нетерпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его Превосходительствомъ. Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролѣтѣ его изчезла, и я пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его погибшую съ шумомъ.

КЛИНЪ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфимїамъ Князь.... Поющей сїю народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божїимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящїй у воротъ почтоваго двора, окруженной толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствїя въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца, предстоять ему со благоговѣнїемъ. Неискусной хотя его напѣвъ но нѣжностїю изреченїя сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенные во благогласїи уши, жителеи Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габрїелли, Маркези, или Тоди. Никто изъ предстоящихъ, неостался безъ зыбленїя внутрь глубокаго, когда Клинской пѣ-

вѣцъ, дошедъ до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованїе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися изтупающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлѣтѣла сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, неложной знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованїя; даже мужественной возрастъ, къ жестокости толико привыкшей, видъ воспрїялъ важности. О! природа возопилъ я паки.....

Сколь сладко неизвительное чувствованїе скорби! Колико сердце оно обновляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собранїемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ изпорнутыя изъ сердца Вертеромъ..... О

мой другъ, мой другъ! почто и ты незрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія, была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денешки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба, довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему. „Дай Богъ тебѣ здоровья.„ Я нехотѣлъ отъѣхать, небывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія, на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ, облегчаетъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ болз-

ни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, неуспѣлъ онъ изрещи, обыкновеннаго своего благословѣнія подающему, отвлеченъ онъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горьсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость. Онъ несопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полукшу и краюшку хлѣба, пѣвшему старцу! — Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово. - Нѣтъ дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близь стоящей его мальчикъ. -- По что такая милостыня? сказалъ слѣпой опуская мѣста своихъ очеи и ища казалося, мысленно вообразити себѣ то

что въ горьсти его лежало. По что она немогущему ею пользоваться. Если бы я нелишенъ былъ зрѣнїя, сколь бы велика моя была за него благодарность. Неимѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? невижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ престу-
пленїю. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многїе протянутъ руку. Возми его назадъ доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. -- О испинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешъ въ укоризну. -- Возми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его нестою; ибо неслужилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, что бы еще въ бодрыхъ

моихъ лѣтахъ, лишенъ я былъ вождей моихъ. Терпѣливо сношу его преще-нїе. За грѣхи мои онъ меня посѣ-тилъ..... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непрїятелями оте-чества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатїи сраженїя; я нещадилъ ни-когда у ногъ моихъ лежащаго непрїя-теля, и просящаго безоруженному, по-милованїя недарилъ. Вознесенный по-бѣдою оружїя нашего, когда устре-млялся на каранїе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнїя и чувствъ, пролѣтѣвшимъ мимо очей, въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы послѣ-дующїе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество. — Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничной пирогъ дѣдушка, говорила слѣпому подошед-шая женщина, лѣтъ пятидесятн. — Съ

какимъ восторгомъ, онъ принялъ его обѣими руками.-- Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Незабыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, что бы ты до гроба моего меня незабывала? Я друзья мои, избавилъ отца ее, отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ, отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика, и его избавилъ отъ побой; можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи.

Вотъ чего непозабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ни что непропадаетъ.

Не уже ли ты меня, сколько предъ всѣми обидишь, старичокъ сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грѣшника. Да и она бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца -- Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце, естественною казнію, говорилъ старецъ; невѣдалъ я, что могъ тебя обидить, непріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай что можетъ мнѣ быть полезно..... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло -- платчишка небыло чемъ повязать шѣи -- богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась..... Нѣтъ ли старинькаго у тебя платка?

Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шѣю; горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовенїе нищаго. — Я снялъ платокъ съ моей шѣи, повязалъ на шѣю слѣпаго..... И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже ненашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ заболѣвъ передъ смертїю на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сїе.

ПЕШКИ.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать въ окончанїи моего путешествїя, но по пословицѣ голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ недоберуся опять до рагу, фрикасе, паштетовъ и прочаго Французскаго кушанья на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ мѣня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ, горазде хуже нежели иногда обѣдаютъ многїе Полковники, (неговорю о Генералахъ) въ дальныхъ походахъ; я по похвальному общему обыкновенїю, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофїю, и услаждалъ прихотливость мою, плодами пота нещастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка, подослала ко мнѣ маленькова мальчика, попросить

кусочикъ сего боярскаго кушанья. -- По чему боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остапокъ моего сахара; не уже ли и ты его употреблять неможешъ? -- Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре его употребляютъ для того, что несами достаютъ деньги. Правда что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но такъ же на наши слезы. -- Развѣ ты думаешъ; что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать. -- Невсѣ; но всѣ господа дворяне. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешъ, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы? -- Говоря сїе показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣяной муки. -- Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ, и того хуже. Чтожъ вамъ бояре въ томъ прибыли что вы ѣдите сахаръ а мы голодны?

Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ. — И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно, всю утварь крестьянскія избы. Первой разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило. — Четыре стены до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ покрайней мѣрѣ порозшей грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющей избу; окончины въ коихъ напянутой пузырь смѣркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три; (щасплива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя щи!)

Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормитъ свиней, или тѣлятъ, буде есть, спитъ съ ними вмѣстѣ глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли непарятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода. -- Вотъ въ чемъ почитается по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки, и злоупотребленїи законовъ, и ихъ шарохованая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство паше и беззащитное нищеты состоянїе. -- Звѣри алчные, пїявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляемъ: по чего

отнять неможемъ, воздухъ. Да одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него, нетокмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. -- Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.-- Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесилїе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношенїи крестьянина, есть законодатель, судїя, исполнитель своего рѣшенїя, и пожеланїю своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать несмѣетъ. Се жребїи заклѣпаннаго во узы, се жребїи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребїи вола во ярмѣ.....

Жестокосердый помѣщикъ посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? не ты ли родшихъ ихъ въ болѣзни и горести, обложилъ сверьхъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли

несотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу. На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука, подъяти гнушается? едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ ненадобно, несмотря на то что неприкрытая нагота твоихъ крестьянъ, тѣбѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда, но предъ судіею, невѣдающимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благаго, совѣсть, но коего развратной шкой разсудокъ, давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но неласкайся безвозмездіемъ. Неусыпной сей дѣяній твоихъ стражъ, уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу..... О! если бы человѣкъ входя по часту во внутренность свою, исповѣдалъ бы искротимому судіи своему, совѣсти, свои

дѣянїя. Превороженный въ столпъ неподвижный, громоподобнымъ ея гласомъ, непускался бы онъ нашайныя злодѣянїя; рѣдки бы тогда сшали губительствы опустошенїи..... и пр. и пр. и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядной опытъ, самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала путь свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда, и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость превратится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ, опредѣленныхъ вступать въ супружество, печаль и уныніе Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего, влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ изторгнутую властію клятву, и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ! .... По что удивляшься сему? Благословляетъ

бракъ насмникъ; градодержатель для охраненія закона опредѣленный, дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первой ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, нелишится самому лѣпшаго преимущества, управлять себѣ подобнымъ самовластно. -- О! горестная участь многихъ милїоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ.....

Я тебѣ читатель позабылъ сказать, что парнаской судья съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешъ, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко каково тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать; то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня, выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невской монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ позади его лежащей. (*) Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи, едва, едва ли на синемъ сводѣ была чувствительна. (*) Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладьбища. Ворота были отверзты. Я вошелъ.... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ незыблемаго спокойствія, и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалося, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность. Но гробницы великолѣ-

(*) Озерки.

(*) Іюнь.

пные? Суть знаки несомнѣнные, человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно. Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущъ?... Не столпъ воздвигнутый надъ пилѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою, въ дальнѣйшее потомство Не камень со изсѣченіемъ имени твоего, пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, прелѣпитъ во устахъ народныхъ, за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи свирѣпствуя сложенно, разверзнутъ земную хлябь, и поглотятъ великолѣпны сей градъ, отнуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; пускай яростный нѣкій завоеватель, истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское, ударяшь будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно,

то и слава твоя угаснетъ лѣстно, лѣстно такъ умрети. Но если кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія, назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?... Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. — Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, неможетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои, да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ по что ты славенъ.

Гдѣ ты, о! возлюбленный мой! гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди да соплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай, другіе раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество. Мы, воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичь Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ..... Рожден-

ный отъ человѣка, которой немогъ дать ему воспитанїя, дабы посредствомъ онаго, понятїе его изострилося и украсилося полезными и прїятными знанїями; опредѣленный по состоянїю своему, препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области, недалѣе ихъ рѣмесла простирается; сужденный дѣлить время свое, между рыбнымъ промысломъ, и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодаго Ломоносова, немогъ бы достигнуть той обширности, которую онъ прїобрелъ трудясь въ испытанїи природы, ни гласъ его той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденїя чистыхъ Муссъ. Отъ воспитанїя въ родительскомъ домѣ, онъ прїялъ маловажное но ключь ученїя, знанїе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се природа. твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанїю вещей; а ки-

пящее сердце славолюбїемъ, неможетъ терпѣть путь его стесняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ, и махомъ прерывая узы, лѣпитъ стремглавъ, (нѣтъпретковенїя,) къ предлогу своему. Забыто все, одимъ предлогъ въ умѣ; имъ дышемъ, имъ живемъ.

Невыпуская изъ очей своихъ вожделеннаго предмѣта, юноша собираетъ познанїе вещей, въ слабѣйшихъ ручьяхъ пропекшаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, сколь нужнаго, для ускоренїя въ познанїяхъ, онъ первую силу разума своего, память, острить и украшаетъ тѣмъ, что бы разсудокъ его острить долженствовало. Сїя тѣсная округа свѣденїй, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденїя своего, немогла усладить жаждущаго духа, но паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученїю стремленїе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненїе страстей, изводитъ насъ въ первые изъ нечув-

ствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленїе его обратилося къ познанїю вещей.

Подстрекаемъ науки алчбою, Ломоносовъ оставляетъ родительской домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ Муссъ, и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученїю свободныхъ наукъ и слову Божїю.

Преддверїе учености, есть познанїе языковъ; но представляется яко поле тернїемъ насажденное, и яко гора строгимъ каменемъ усѣянная Глазъ ненаходитъ тутъ пріятности разположенїя, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновенїе, ни зеленѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащїйся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчанїемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ новообразно извиваться

принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цепенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и остришся, и всѣ излучины и оныерстія свои, наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и пятостно. Если бы неподкрѣпляла надежда, что приучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ, и усвоивъ чуждыя произношенія, неоткроются потомъ пріятнѣйшія предмѣты, то неуповательно восхотѣлъ ли бы кто вступить въ столь строгій путь. Но превзошедъ сіи трудности, колократно награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвоемъ ихъ

помятїя; и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ изобрѣтенїя и мысли, сочетаемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилѣжанїе въ ученїи языковъ, сдѣлало Ломосова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ, отъ чрева матерня свѣта незрѣвшїй, когда изкусною глазоврачевателя рукою, возсїяетъ для него величество дневнаго свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ, всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всѣгда во зрѣни очей, чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломосовъ получивши свѣдѣнїе Латинскаго и Греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ виршїй и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искуства, крыющагося всегда

въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ, съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое понятіи чуждыя, кои преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его твореніяхъ, или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому доселѣ недовѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія, вездѣ гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ, онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога; какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ приобрѣсти искуство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлѣтвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключеніи и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истинны ведущія часто къ заблужденію; физика и химія, къ коимъ можешъ быть ради изящности силы воображенія прилѣжалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металургія и минералогія яко послѣдственницы предъидущихъ, привлекли на себя его вниманіе; и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на тако-

выя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сїе произвело торговлю. Великїя въ мѣновномъ торгу запрудненїя, побудили мыслить о знакахъ всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены денги. Злато и сребро яко драгоцѣннѣйшїя по совершенству своему мешалы, и доселѣ украшенїемъ служившїе, преображены стали въ знаки всякое стяжанїе представляющїе. И тогда только по истиннѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ, ненасытная сїя и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая яко пламень вся пожирающїй, усиливается получая пищу. Тогда оставивъ первобышную свою простоту, и природное свое упражненїе земледѣлїе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или презривъ гладъ и зной пустынный, претекалъ чрезъ оныя въ неловѣдомыя страны, для снисканїя богатствъ и сокровищъ. Тогда презревъ свѣтъ солнечный, жи-

вый нисходилъ въ могилу, и разторгнувъ нѣдра земная прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ сокрываясь въ пропастяхъ земныхъ искалъ блестящихъ металовъ, и сокращалъ предѣлы своея жизни на половину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніе металловъ сокращая дни исполнителей, неотвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металовъ повозможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое изпускаетъ изторгнутый изъ нѣдръ

земныхъ металлъ. Пріемлетъ томное свѣтило, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досязать немогутъ николи. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешъ вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, что бы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Что мыслишъ низходя въ сію пропасть. Желаешъ ли снискать вящшее искуство извлекати сребро и злато? Или невѣдаешъ какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки?... Но нѣтъ низходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущіи, погребаются.

Трепещущъ нисходитъ въ отверстіе, и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путеше-

ствїи, собрать его размышленїи, и представишь ихъ въ той связи, и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождалися. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, изпочникъ всякаго прозябенїя, подземный путешественникъ, обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими, отличающимся отъ другихъ, паче всего своего плодоносною силою. Заключалъ можетъ быть изъ того что поверхность сїя земная не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнїя животныхъ и прозябенїй; что плодородїе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытїя, которыя неперемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенїя случайнаго рождающїйся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда разположенную слоями. Въ слояхъ на-

ходилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній, и заключать могъ, что слоистое разположеніе земли, начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды переседяяся изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ разположеніе, теряяся изъ его зрака представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того что свирѣпая стихія огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя, и встрѣтивъ противу-бодрствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и мешала все что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ. Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ мешаловъ, силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ

сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ алчбу и бѣдствїе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сїе мрачное обиталище, людской ненасыщности.

Упражняяся въ познанїи природы, онъ неоставилъ возлюбленнаго своего ученїя стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему что природа назначила его къ величїю, что въ обыкновенной стезѣ шествїя человѣческаго онъ скитаться небудетъ. Псалтирь Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала что и онъ стихотворецъ. Бѣседуя съ Горацїемъ, Виргилїемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотворенїе Россїйское, весьма было несродно благогласїю и важности языка нашего. Читая немѣцкихъ стихотворцовъ, онъ находилъ что слогъ ихъ былъ плавнѣе Россїйскаго, что стопы въ стихахъ были

разположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненїя, новообразнымг стихами. поставивъ спервва Россїйскому стихотворенїю правила, на благогласїи нашего языка основанныя Сїе исполнилъ онъ написавъ оду, на побѣду одержанную Россїйскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятїе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академїю наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженїя, изображенїя едва недышущїя; изъумили читающихъ сїе новое произведенїе. И сїе первородное чадо стремящагося воображенїя по непроложенному пути, въ доказательство, съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованїю, онъ ко славѣ идетъ, не одной пропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенїя и живое чувствованїе неотвергаютъ разысканїя подробностей. Ломоносовъ давая примѣ-

ры благогласїя, зналъ что изящность слога основана на правилахъ языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слова, незабывая однакоже что обычай первой всегда подаетъ въ сочетанїи словъ примѣръ, и рѣченїи изъ правила изходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи, и сообразуя ихъ съ употребленїемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою грамматику. Но не довольствуяся преподавать правила Россїйскаго слова, онъ даетъ понятїе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ дарованїи, данномъ человѣку для сообщенїя своихъ мыслей. Се сокращенїе общей его грамматики: Слово представляетъ мысли; орудїе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованїемъ или выговоромъ; различное измѣненїе голоса изображаетъ различїе мыслей; и такъ слово есть, изображенїе нашихъ мыслей, посредствомъ

образованїя голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанїя, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображенїя называютъ буквами. Сложенїе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различїя голоса, различаются еще такъ называемыми ударенїями, на чемъ основывается стихосложенїе. Сопряженїе складовъ производитъ рѣченїя, или знаменательныя части слова. Сїи изображаютъ или вещь или ея дѣянїе. Изображенїе словесное вещи, называется имя; изображенїе дѣянїя глаголъ. Для изображенїя же сношенїя вещей между собою и для сокращенїя ихъ въ рѣчи, служатъ другїя части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, а прочїя служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны.

Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другихъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеніи именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени; оттуда и глаголы разположены по временамъ, для изображенія дѣянія въ какое время оное произходитъ. Наконецъ Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предославъ таковое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ щѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ, водимъ былъ въ грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Негнушайся великой мужъ сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть

многообразны; и ты почитаешися въ малоприпяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего, и яко разыскателемъ естественнаго разположенїя всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверїе чтенїя твоея риторики, а та и другая руководительницы, для осязанїя красотъ изрѣченїя твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать сограждданамъ своимъ, въ стезяхъ тернистыхъ Геликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчїю, начерпавая правила риторики и поезїи Но краткость его жизни, допустила его изъ подъятаго труда, совершить одну только половину.

Человѣкъ рожденный съ нѣжными чувствами одаренный сильнымъ воображенїемъ, побуждаемый любочестїемъ, изторгается изъ среды народныя. Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ

взоры на него спремятся, всѣ ожидающѣ съ нетерпѣнїемъ его произреченїя. Его же ожидаетъ плесканїе рукъ, или посмѣянїе горшѣе самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ, таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо, и другїе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изреченїя въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроумїи. Удивляяся толико опимѣннымъ въ словѣ мужамъ, и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумїю и воображенїю, думали, что путь къ прелѣстямъ положить можно томными предписанїями. Сїе есть начало риторики. Ломоносовъ слѣдуя незамѣчая того, своему воображенїю исправившемуся бѣседою съ древними писателями, думалъ такъ же, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ, жаръ душу его исполнявшїй.

И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ, но примѣры приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать, пускающемуся въ слѣдъ славы, словесными науками снискаемой.

Но если тщетной его былъ трудъ въ преподаваніи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно нежели изъяснить; Ломоносовъ надежнѣйшія любящимъ Россійское слово, оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы, разтворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ прешиваніи, на каждомъ слогѣ, по что не могу сказать при каждой буквѣ, слышенъ стройной и согласной звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ совре-

мяниковъ, пріявъ отъ нее силу творенія, поверженный въ среду народныя полщи, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ дѣйствующимъ онъ средоточія, которыя простирая дѣйствіе свое во всѣ почки окружности, дѣятельность свою присну вездѣ содѣловаютъ. Тако и Ломоносовъ дѣйствуя на сограждань своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою во слѣдъ, разплѣтая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, неоставилъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: лѣти въ безпредѣльность мѣчтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вождаяся вкусомъ украшай оными самую неосязательность. И се паки, гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба, возгласила хвалу Всевы-

нято во слѣдъ Псальмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величїе Предвѣчнаго, возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молнїею, и въ солнцѣ *являя* смертнымъ свою сущетвенность, жизнь. Умѣряя гласъ трубы Пиндаравой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкой предѣлъ его понятїй. Въ безднѣ мїровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка, какъ во льдѣ нетающемъ николи, искра едва блестящая, въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ какъ прахъ тоньчайшїй, что есть разумъ человѣческїй? — Се ты о Ломоносовъ, одежда моя тебя не сокроетъ.

Не завидую тебѣ, что слѣдуя общему обычаю ласкати царямъ, нерѣдко недостойнымъ нетокмо похвалы стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанїя; ты лестилъ похвалою въ стихахъ Елисаветѣ. И если бы можно было безъ уязвленїя истинны и потомства, простилъ бы

я то тебѣ, ради признательныя твоея души ко благодѣяніямъ. Но позавидуетъ, немогущій во слѣдъ тебѣ ипи писатель Оды, позавидуетъ прелѣстной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и Царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова; и если удастся когда либо достигнуть непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ неудалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешся ты несгроенъ въ мысляхъ, неизбыточенъ въ существенности твоихъ стиховъ!.... Но возри: въ пространномъ ристалищѣ, коего конца око недосязаетъ, среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты Прославишься всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Самому

Всесильному нельзя отъять у тебя того, что далъ. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души, и какъ сія дѣйствуешъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлѣжитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ, то вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа; и се вѣнецъ твой побѣдоносный, О! Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова.

Но если дѣйствїе стиховъ Ломоносова, могло размашистой сдѣлать шагъ въ образованїи стихотворческаго понятїя его современникомъ, краснорѣчїе его чувствительнаго или яснаго удареніи несдѣлало. Цвѣты собранные имъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, и сколь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженїя Демосѳенова, сладкорѣчїе Цицероново, безплодно употребленныя, повержены еще во мракъ будущаго. И кто? онъ же пресытившися обильнымъ велерѣчїемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ не твоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сїе, или близко, блудящїй взоръ скитаяся въ незвѣстности грядущаго, ненаходитъ подножїя остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витїйства Ломоносова ненаходимъ отродїя, дѣйствїе его благогласїя и звонкаго препинанїя безстопной рѣчи, было однако же всеобщее. Если небыло ему по-

слѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано послѣ его, дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно.

Но незаблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? За долго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые возвѣщая слово Божіе пасвтѣ своей, ее учили, и сами словомъ своимъ славилися. Нравда они были; но слогъ ихъ небылъ слогъ Россійской. Они писали какъ можно было писать до нашествія Татаръ; до сообщенія Россіянъ съ народами Европейскими. Они писали языкомъ Славенскимъ. Но ты зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучался можетъ быть велерѣчію, забвенъ *мною* небудешъ. Когда Россійское воинство поражая гордыхъ Оттоманововъ превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ ра-

нодушнымъ или завистливымъ, Ты призванный на торжественное благодареніе, Богу браней, Богу силъ, О! ты въ восторгѣ души твоей къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да пріидетъ зрѣти плода своего насажденія: „Возстани Петръ, возстани„ когда очарованное тобою ухо, очаровало по чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышшею одаренный; тогда бы и я вѣщалъ къ Ломоносову, зри, зри и здѣсь твое насажденіе. Но если онъ слову могъ тебя научить.... Въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и увидитъ насъ, тому учило его сердце.

Чуждый раболѣпствованія нетокмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы отдавая справедливость великому мужу, невозмнимъ быти ему Богомъ всезиждущимъ, непосвятимъ его истуканомъ на поклоне-

нїе обществу, и небудемъ пособниками въ укорененїи какого либо предразсужденїя, или ложнаго заключенїя. Истина есть вышшее для насъ божество, и если бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лице наше будетъ опъ него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ, небудемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣписателя, несравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ, или Робертсономъ; непоставимъ его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химїи. Если сїя наука была ему любезна, если многїе дни жишїя своего провѣлъ онъ въ изслѣдованїи истинъ естественности; но шестїе его было шествїе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ нечисленномъ богатствѣ природы, ненашелъ онъ ни малѣйшїя былинки, которой бы незрѣли лучшїе его очи, несоглядалъ онъ ниже грубѣйшїя пружины въ

вещественности, которую бы необнаружили его предшественники.

Уже ли поставимъ его близь удостоившагося наилѣстнѣйшїя надписи, которую человѣкъ низъ изображенїя своего зрѣть можетъ? Надпись начертанная не ласкательствомъ, но истинною дерзающею на силу: „Се изторгнувшїй громъ съ небеси; и „скиптръ изъ руки царей.„ За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ електрической силѣ въ ея дѣйствїяхъ; что неотвращенъ былъ отъ изслѣдованїя о ней, видя силою ея, учителя своего пораженнаго смертно. Ломоносовъ умѣлъ производить електрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Франклинъ въ сей наукчѣ есть зодчїй, а Ломоносовъ рукодѣлъ.

Но если Ломоносовъ недостигъ великости въ испытанїяхъ природы, онъ дѣйствїя ея великолѣпныя, описалъ намъ слогомъ чистымъ и внят-

нымъ. И хотя мы ненаходимъ въ твореніяхъ его до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ, и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе.

И такъ отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы неищемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ достоинство, чего онъ несдѣлалъ или на что недѣйствовалъ; или только разпложая неистовое слово вождаемся изпупленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской словесности, шотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первой виновникъ въ пріобрѣтѣніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ немогъ. Баконъ Веруламскій недостоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Недостойны развѣ признательности

мужественныя писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того, что немогли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы непочтемъ Ломоносова, для того, что неразумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ Епопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одáхъ своихъ, вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатія временъ, когда небыло бытію опоры, и вся терялося въ вѣчности и неизмѣримости; все Источнику силъ возможно было, вся красота вселенныя существовала въ его мысли, но дѣйствія небыло, небыло начала. И се рука всемощная, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ, и тѣлеса крутящіяся горѣ образовалися? Первый махъ въ твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность мїра, вся его

красота суть только слѣдствїя. Вотъ какъ понимаю я дѣйствїе великїя души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствїе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россїйской словесности, Ломоносовъ есть перьвый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, оно нелицемѣрно.

Но любезной читатель я съ тобою закалякался..... Вотъ уже Всесвятское..... Если я тебѣ ненаскучилъ, то подожди мѣня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости -- Ямщикъ погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!!....

Съ дозволенїя Управы Благочинїя.

Настоящее издание представляет собой фотолитографическое воспроизведение первого издания „Путешествия из Петербурга в Москву“ Спб. 1790 год с экземпляра, хранящегося в Государственном Историческом Музее в Москве.

Статьи, комментарии, примечания и указатели к тексту об'единены во втором томе настоящего издания.

Редакция

Ред. А. Н. Тихонов
Художественн. редакция
М. П. Сокольников
Лит.-тех. наблюдение
А. А. Роформатский
Техред И. А. Подсухин

***

Сдано в пр-во 17. VIII. 34 г.
Подп. в печать 25. I. 35 г.
Тир. 5 300. Уп. Главлита
Б-39 081. Зак. тип. 2109
Ас. 141. Инд. А—2. Бум.
82 × 110 — 1/32 - Печ. л. 28,5
Автор. л. 7,5 Тип. зн.
на 1 бум. л. 43 000.

***

ГОЗПАК
Москва, Мытная, 17.

Цена Р. 20.00
Переплет Р. 2.00